

СМЕНА

№ 10 МАЙ 1979

**ЛЮДИ,
ДЕЛЬФИНЫ,
ЭКСПЕРИМЕНТЫ**

Нечерноземье. Здесь, в старинном русском городе, встретились они. В тот день в Вологде ударный вологодский отряд имени 60-летия ВЛКСМ вместе с коренными вологжанами радушно встречали и добровольцев из Молдавии и Грузии — бойцы прибывшего сюда ранее Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. Тогда у тех, кто приехал, на этой земле все еще только начиналось, а за плечами тех, кто встречал, был уже опыт. Самый главный — опыт работы на этой земле. Опыт участия в деле, которое, как говорилось в приветствии товарища Л. И. Брежнева участника Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени 60-летия ВЛКСМ, отправляющегося на стройки Нечерноземной зоны РСФСР, станет для них «большой школой жизни, школой профессионального и нравственного становления».

З. КОРОБКА. Недавно я была в Кишиневе... Первый раз с тех пор, как уехала из него в составе отряда — ребята отпустили на традиционный вечер встречи выпускников нашей школы. Здорово это было — снова увидеться с одноклассниками, узнать, чем они живут сейчас. Интересно... и полезно. Полезно потому, что потом много думается — есть о чем. Не все, конечно, сложилось у нас так, как виделось когда-то из окон школы...

А самым неожиданным для меня было то, что я вдруг оказалась там, как говорится, в центре внимания. Всем хотелось узнать из первых рук, как сейчас идут дела в Нечерноземье, что сделано, что предстоит сделать...

Ю. ШАНИН. Что ж, край наш у страны на виду, а значит, в первую очередь люди, которые здесь трудятся. Ведь то, что переживает сейчас Нечерноземье, по самому большому счету грандиозно — и по замыслу и по размаху. Не даром развернувшийся у нас в последние годы процесс преобразования ставит в один ряд с подъемом целины и освоением Сибири.

З. КОРОБКА. Среди других комсомольскихстроек, и нынешних и прежних лет, Нечерноземье — стройка необычная. Без дальних дорог, без необходимости осваивать неведомые доселе места и преодолевать связанные со всем этим трудности. Края эти давно и прочно обжиты.

Ю. ШАНИН. Да, корни жизни в наших местах уходят в глубокую древность, в самое начало России, к ее истокам...

А сейчас в Нечерноземной зоне живет около четверти всего населения страны, здесь сосредоточено около половины промышленных предприятий РСФСР. Но Нечерноземье — это не только прославленные наши промышленные и культурные центры, это еще и громадный сельскохозяйственный район.

Вот что говорил товарищ Л. И. Брежнев на совещании в ЦК КПСС, обсуждавшем проблемы развития Нечерноземной зоны РСФСР: «...Нечерноземье РСФСР — район колоссальных потенциальных возможностей, которые сейчас используются не в полную меру. Можно без преувеличения сказать, что интенсификация сельского хозяйства позволит значительно поднять производительные силы этой зоны, по существу, как бы освоить новую целину в Европейской части Советского Союза».

Вот почему ускоренное развитие Нечерноземной зоны вырастает в крупную общегосударственную задачу. Успешное ее решение даст возможность не только преобразовать этот район страны, но и будет способствовать дальнейшему подъему всего нашего сельского хозяйства, я бы сказал — всей советской экономики».

Что и говорить, Нечерноземье — край извечно нелегкого земледелия. Однако в свое время дальновидный ученый академик Д. Н. Прянишников писал: «Чтобы быть застрахованным от тяжелых последствий засухи, необходимо создать лишний миллион пудов зерна в полосе, не знающей засухи, то есть в Нечерноземной полосе». И опыт, уже

ораации подлежало почти две трети земель. Переувлажненность, закустаренность, засоренность камнями — вот болезни наших полей...

З. КОРОБКА. Интересно, откуда же камни? Гор вокруг нет...

Ю. ШАНИН. По данным науки, из Скандинавии. Ледники одарили... Очень мешает нам и мелкоконтуристность наших полей — не дает она современной технике развернуться в полную силу.

З. КОРОБКА. Так что ребятам из отряда имени 60-летия ВЛКСМ, которые приехали работать именно в мелиорации, работы хватит...

Ю. ШАНИН. И надолго. Но для решающего штурма и фундамент нужно подвести особой прочности. Вот почему на укрепление производственной базы треста «Вологдамелиорация» в десятой пятилетке выделено средств в четыре раза больше, чем в девятой. Кроме областной, создаются опорные межрай-

дует их энтузиазм — без него землю не возьмешь. Но нужно еще и мастерство, совершенное знание техники, которой у мелиораторов с каждым годом становится все больше, и технологии работ, а она у них тоже особая. Вот на овладение всеми этими премудростями и надо сейчас ребятам направить свои усилия.

З. КОРОБКА. Свои проблемы встают перед каждым подразделением добровольцев. В принципе это закономерное — каждый организм переживает какой-то период становления. А отряд к тому же организм очень сложный.

Мы, например, работаем вместе с ребятами из Грузии, а познакомились с ними только в поезде. Да и своих, молдавских, предстояло еще узнать по настоящему. У меня сложилось мнение, что таким отрядам необходимо некоторое время поработать дома в том составе, в котором они едут. Потому что только работа окончательно проясняет,

Уроки жизни

Юрий Александрович ШАНИН,
секретарь Вологодского райкома КПСС

Земфира КОРОБКА,
комиссар Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ

РУССКОЕ

многолетний, лучших наших хозяйств, например, колхоза «Родина», Вологодского района, убеждает: дело это совершенно реальное. Нужно только вложить в нелегкую нашу землю необходимое количество сил и средств — и она отзовется.

И до принятия в 1974 году памятного всем нам, жителям Нечерноземья, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» многое делалось для его укрепления. Для колхозов и совхозов были установлены повышенные закупочные цены, за счет государства выполнялся целый ряд трудоемких и дорогостоящих работ по улучшению земель. А сейчас пришло и время работ многого масштаба.

З. КОРОБКА. Юрий Александрович, у нынешнего этапа развития сельского хозяйства зоны есть и другая особенность, не только размах...

Ю. ШАНИН. Да, и особенность эта в том, что развивается оно по разработанной партией широкой программе, которая носит комплексный, системный характер. Программа предусматривает не только ускоренный подъем сельскохозяйственного производства, но и коренное преобразование всей Нечерноземной зоны.

Успешность выполнения этой огромной программы в решающей мере определяется мелиоративным и сельским строительством. Это передовые рубежи второй целины, и именно над ними взято шефство комсомол.

В нашей Вологодской области мели-

орные базы мелиоративных ПМК. Значительно увеличивается мощность Вологодского завода по ремонту мелиоративной техники и Сокольского завода по производству керамических трубок, без которых невозможен закрытый дренаж полей. А результаты проведенных мелиоративных работ уже сейчас впечатляют. Самой верной оценкой мы считаем урожайность на улучшенных землях; так вот, уже в 1977 году, среднем в общем по показателям, мы получили в районе по 29,8 центнера зерновых с каждого мелиоративного гектара. Думаю, еще совсем немного лет назад в такие цифры попросту не поверили бы...

З. КОРОБКА. Вы знаете, Юрий Александрович, ребята из отряда имени 60-летия ВЛКСМ рвались сразу в настоящее дело...

Ю. ШАНИН. А их несколько сдерживают, вы, видимо, это хотели сказать?

З. КОРОБКА. Да.

Ю. ШАНИН. Видите ли, мелиорация — дело очень сложное. Особенно хорошая мелиорация. И тем более в условиях нашей зимы. Тут землю надо уметь чувствовать, видеть ее, как опытные мелиораторы это умеют, под снегом. Конечно, обладая кое-какими навыками, не стоит особого труда сесть на дренажный экскаватор и прорубить в поле траншею. Но действительно ли ты этим облагораживаешь землю? Сможешь ли дать свою рабочую гарантию, что здесь будет поле высоких урожаев? А только такая работа нам сейчас нужна — у нас же пятилетка повышения качества мелиоративных работ.

Нам нравятся сами ребята, очень ра-

от кого чего следует ждать в деле. В Москве мы говорили с ребятами из украинского отряда — они так и поступили. А у нас были потери... Тех трудностей, какими их обычно объясняют в других местах — ну, там, суровость климата, отсутствие комфорта, телевизора, наконец, — не было, а потери были. Кто уехал? По-моему, те, кто видел в том, что мы делаем, лишь работу. Обычную, будничную, к тому же не сулящую никаких привилегий. А что за этой работой, какой у нее смысл, ради чего она делается, они так и не поняли... Слышать-то слышали об этом достаточно, но не дошло. Зато сейчас у нас весь отряд целиком ударный. Если в июне выработка на каждого бетонщика, работавшего на укладке монолита, была 119 процентов, то в сентябре она уже составила 159. Хорошо идут дела у отделочников, у водителей. И все-таки если честно, то, что мы делаем, — это не совсем то, о чем мы мечтали, когда ехали сюда...

Ю. ШАНИН. Насколько мне известно, ваш отряд работает сейчас на строительстве деревообрабатывающего комбината и завода керамзитового гравия?

З. КОРОБКА. Да.

Ю. ШАНИН. Это две крупнейшие стройки треста «Вологдасельстрой». Сметная стоимость одного ДОКа — 16,4 миллиона рублей. Строек без дерева, как известно, не бывает, а ДОК будет поставлять материалы не только стройкам Вологодчины, но и многих других областей северо-запада Нечерноземья. Очень нужен и керамзит. У строек на

селе — своя специфика, здесь требуются облегченные конструкции, они экономичнее, их легче монтировать, доставлять. Наполнителем бетона в таких конструкциях как раз и будет керамзит...

З. КОРОБКА. Все это так, и умом-то мы это понимаем... Но мечтали-то мы о чем? Что вот построим поселок с нуля, сами дадим ему название... И потом, строителю необходимо видеть плоды своей работы. Вот не было ничего — а вот уже на этом месте дом стоит, который ты здесь сам построил. А мы приступили к работам на ДОКе и заводе керамзитового гравия, когда уже подошло к концу строительство первой очереди. Нам достались завершающие работы, отделочные, сопутствующие объекты. Потрудились мы там уже немало. Но работа наша по всей стройке кусками разбросана. И в глаза как-то не очень бросается...

Ю. ШАНИН. Ну, я не думаю, что вашей мечте не суждено сбыться. Уверен: будут и у вас свои дома. И поселки тоже. Что же касается нынешней вашей работы... Понимаете, нас просто душит «незавершенка». Строители постоянно жалуются на большое количество объектов, на то, что это заставляет их распылять силы, не дает возможности сосредоточиться на главном. Действительно, объектов на них висит пропасть. Но что делает эту пропасть все больше? Та же «незавершенка». Вот почему мы придаем такой значение завершающим работам на пусковых объектах. А на таких объектах, как ДОК и завод керамзитового гравия, эта самая «незавершенка» потянет за собой срывы планов и на других стройках — они же окажутся без стройматериалов... Так что нужно порой ради общего дела и смирять себя...

З. КОРОБКА. Знаете, после всех разговоров и споров мы тоже пришли к этому. Дисциплина производства — дело тоже очень серьезное. Хотя от мечты своей мы, конечно, не отказываемся.

ли: когда вся наша страна строила после землетрясения новый Ташкент, работали там и наши строители — как раз под руководством Владимира Васильевича Яковлева...

З. КОРОБКА. А сейчас в Ивановской и Новгородской областях трудятся добровольцы из Узбекистана.

Ю. ШАНИН. Все правильно. Да иначе и быть не могло...

Много мы сейчас строим, а все-таки еще недостаточно. Научились строить неплохо, а надо еще лучше. Намного крепче стали наши строительные организации, однако на все, что требуется, мощи им еще не хватает. Велики задачи... Вот пример самый близкий — трест, в котором сейчас работаете вы, «Вологдасельстрой». За годы предыдущей пятилетки и половину десятой годовой объем выполняемых им работ вырос в два с половиной раза, сейчас он составляет 42,5 миллиона рублей. В тресте теперь 23 рабочих подразделения...

З. КОРОБКА. Работы сейчас ведутся сразу на 350 объектах...

Ю. ШАНИН. В девяти районах области. Но, к сожалению, наши уважаемые строительные организации, которые должны строить на селе, часто выполняют планы за счет городского строительства.

З. КОРОБКА. В городе, конечно, строить легче.

Ю. ШАНИН. Но надо-то на селе.

З. КОРОБКА. На днях у нас в тресте проходила отчетно-выборная партийная конференция. На ней как раз поднималась эта проблема. Самым серьезным образом было сказано, что первое наше дело — сельское строительство. Юрий Александрович, а может быть, был бы смысл закрепить за районами наши ПМК? Потеснее переплести их интересы. Чтобы нужды района были строителям ближе...

Ю. ШАНИН. Но ПМК сейчас все специализированные. Возьмем животноводческий комплекс — меньше семи-восьми

про себя отмену: а наши-то, районные, получше будут.

Но дело, разумеется, не только в самих зданиях. Школа для нас понятие куда более емкое. И самое главное тут звено — учителя. Без хороших, знающих и, подчеркну, не временных, не случайных на селе учителей школа — только помещение. Хороший учитель — это не только прочные знания, это еще и воспитание — гражданское и нравственное. И мы стараемся делать для учителей все, что в наших силах. В первую очередь обеспечиваем хорошим жильем.

Во многом благодаря усилиям лучших наших педагогов в районе сложилась надежная система профориентации. Каждый год все наши школы и хозяйства, на территориях которых они находятся, заключают между собой договор. Не символический, а строго соблюдаемый. Согласно договору, хозяйство обязуется предоставить школе землю и технику для производственного обучения, преподавателей по нему, оборудование для спецклассов. И обеспечивает его ремонт. А школа обязуется посильно помогать хозяйству в производстве и общественно-культурной жизни. Так что хозяйства наши теперь не ждут и не гадают — придет или не придет к ним на работу молодежь после школы? — а сами активно участвуют в подготовке и воспитании своих будущих кадров. Не случайно одним из делегатов Всесоюзного съезда учителей от Вологодчины был Валентин Иванович Ефимов — директор совхоза «Новленский», одного из лучших хозяйств по профориентации.

З. КОРОБКА. Мне кажется, что сейчас в школах учиться гораздо интереснее, чем тогда, когда мы учились. Школы стали гораздо ближе к жизни. У нас были уроки труда, на которых вряд ли можно было научиться чему-нибудь. Молодые всегда чувствуют, где настоящее, а где только подделка под него. Ну, и отношение к таким занятиям было соответствующее. А сейчас в школе действительно можно получить специальность.

Ю. ШАНИН. У нас в районе со специальностью механизаторов, животноводов, электриков, операторов птицеводства — необходимейшие на селе специальности — обычно выходит 80—90 процентов выпускников. И вот в прошлом году из 570 учеников 206 остались работать в хозяйствах, а 106 поступили в сельскохозяйственные техникумы и институты. И толчок этой серьезнейшей работе тоже дало постановление партии по Нечерноземью.

За перспективу района мы сейчас не боимся. Кадры у нас будут. А значит, еще острее станет проблема жилья, причем отвечающего требованиям молодых — со всеми удобствами. Будут у нас поселки с таким жильем — будут в них и люди жить. Не сумеем мы их построить — уйдут в город. В то время, когда я работал первым секретарем райкома комсомола, здесь же, в Вологодском районе, строили мы жилье в основном одним хозяйственным способом — да черепашими темпами — вот и растеряли людей... Большой частью из дерева тогда строили... Только не подумайте, что само дерево было в нем плохо. В хороший деревянный дом с современными удобствами и сейчас на селе всякий пойдет с радостью. Да еще и из города в него приедут!

З. КОРОБКА. ДОК как раз будет выпускать прессованные плиты для сборных домов.

Ю. ШАНИН. Ждем. С удовольствием их встретят на селе. Видите ли, положение у нас сейчас таково, что мы идем и на многоэтажное строительство. Правда, особо на небо не лезем, чем дальше от города, тем ближе к земле. А отрываться жителям села от земли вообще, конечно, не годится. Да и не хотят они.

Есть и еще одно звено, за которое мы стараемся ухватиться крепче, — дороги.

Где крепкое хозяйство вырастает? У асфальта. Вот почему стремились мы в

первую очередь пробить дороги к слабым хозяйствам — только они их на ноги поставят, вдохнут жизнь. Нелегко было, но сейчас все центры совхозов и колхозов у нас надежно соединены с Вологодой. Теперь до самого отдаленного хозяйства — два часа спокойной езды, а бывало, я до «Новленского» целый день добирался. Наши дороги тогда фронтовыми называли...

З. КОРОБКА. Хорошие дороги, конечно, меняют жизнь села. Вот были мы в опытно-учебном хозяйстве «Молочное»...

Ю. ШАНИН. Знакомое хозяйство — работал я там.

З. КОРОБКА. Запомнилась такая деталь: на автобусной остановке висит расписание движения автобуса, который отвозит работников совхоза в Вологду к началу спектаклей в театрах.

Ю. ШАНИН. А сейчас мы вплотную принимаемся и за внутрихозяйственные дороги. Нужны надежные подъездные пути к фермам, зернотокам, вообще ко всем производственным объектам.

Да, многое переменилось нынче на селе. А главное — проходит, забывается то извечное чувство бессильной зависимости от капризов природы. А ведь она и сейчас не балует. Нет нужды рассказывать вам, какое у нас в 1978 году выдалось лето...

З. КОРОБКА. Столько дождей никто из нас в жизни не видел. Лило практически без перерывов с середины июня до конца октября. И как лило!

Ю. ШАНИН. Такого и старожилы наши не помнят. Бывает, что зарядит дождь, но так... Строителям, конечно, тоже досталось, а вот на полях положение сложилось просто бедственное. Весной все шло к рекордным урожаям, а летом и осенью техника просто тонула на полях, даже тракторы. Десяток лет назад мы бы, пожалуй, в такой ситуации ничего не спасли. Да и просто бы, наверное, опустили руки у людей при тогдашнем уровне техники. А в 78-м году мы трезво оценили обстановку, правильно сориентировались и бросили все силы на заготовку кормов. И в основном наши фермы кормами обеспечили. Очень выручал нас владимирский трактор Т-25. Легкий, безотказный, он прекрасно вел себя в условиях непогоды — с него, правда, снимали его родные передние колеса и ставили с СК-4, и вот на них он тянул косилочки по самым непролазным местам. И картофель с помощью горожан мы собрали.

Работа в таких чрезвычайных обстоятельствах еще раз показала, какая техника нужна именно в наших краях. Нужны гусеничные тракторы, а колесные нужны с передними ведущими мостами. Очень нужны тракторы МТЗ-82, комбайны СКП-5 с комплектом гусениц. И побольше бы нам современных, высокопроизводительных косилок.

...Так что можно сказать: природа капризничала, а работа шла своим чередом. Хорошо показали себя в ней наши молодые — трудности они принимают как вызов и отвечают на него достойно. И вот что хотелось бы тут отметить. Уже сам факт прибытия ударных комсомольских отрядов на нашу землю оказывает большое влияние на нашу молодежь, помогает ей понять, открыть для себя, что достойное дело, громадной важности и сложности, ждет их не за семью морями, а на родной земле.

З. КОРОБКА. А в жизнь каждого из нас уже навсегда вошло Нечерноземье. Никто из нас уже не сможет — в этом я уверена — забыть и того, что мы пережили в Москве на Комсомольской площади, когда нас, казалось, провожала вся страна — а это было именно такое ощущение, — и того, как нас встречали здесь, в Вологде... Наверное, это только так и бывает: вдруг почувствуешь ясно внутри себя, что огромное, трудное дело страны — это и твое глубоко личное дело. Оно очень высокое, это чувство. Его ничем нельзя заменить. Можно только пережить... И пережитое уже не может не сказаться на будущей жизни каждого из нас.

ПОЛЕ

Ю. ШАНИН. И правильно.

З. КОРОБКА. Был в наших планах и еще один пункт — злобинский метод. Но тут нам пришлось честно признаться себе, что полностью подряд на солидном объекте со сложными монтажными работами нам сразу не поднять. Строить плохо у нас права нет, а строить хорошо многим членам отряда еще только предстояло научиться.

А учиться нам сейчас есть у кого. В «Вологдасельстрое» работают такие мастера, как Герой Социалистического Труда Владимир Васильевич Яковлев, лауреат Государственной премии СССР Михаил Александрович Бубякин. Да и в самом отряде у нас много опытных строителей. Валера Кухаренко, Иосиф Ануашвили, Реваз Станчиков... А девушки у нас какие? Гаяла Гринюк и Вера Твердохлеб — маляры четвертого разряда. Им есть чему поучить не только новичков. Здесь, например, при отделке панелей раковины зашпаклевываются клеевой шпаклевкой, а мы в Молдавии применяем в таких случаях гипсово-известковую, которая прочее в изготовлении и быстрее схватывается. Вологодские отделочники ее сразу признали... У нас такие ребята! У Димы Паскалы и Тани Коноваловой, она, кстати, с прославленной Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ, строительных специальностей не было, но они на лету все схватывали. А у Димы просто призвание к нашей работе: он посмотрит — и тут же сам делает...

Ю. ШАНИН. Вдруг вспомнилось... Хотя, может быть, вам уже и рассказыва-

субподрядчиков на таком объекте не бывает.

З. КОРОБКА. Это так, но вот генподрядчика закрепить за районом одного — постоянного?..

Ю. ШАНИН. А вот в Шекснинском районе организуется свой строительный трест. Им можно только позавидовать.

З. КОРОБКА. Трест на район?

Ю. ШАНИН. Думаете, многовато?

З. КОРОБКА. Пожалуй.

Ю. ШАНИН. А мы вот думаем, что нет. И работой мы бы его загрузили. Объектов достаточно. Вот, кстати, еще проблема — не с того еще часто у нас начинают строить. Первым делом принимаются за установку коробок, потому что это сразу дает солидный процент покрытия плана. Вчера я был на планерке у строителей животноводческого комплекса в совхозе «Пригородный». Спешат они там сейчас, но вот когда можно будет запустить в помещении животных, еще неясно. Хотя коробки коровников поставлены уже давно. Но далеки от завершения коммуникации, котельная, водопровод. А ведь можно начинать строительство так, чтобы имелась возможность приступить к эксплуатации первой очереди, не дожидаясь окончания всех работ. На такой очередности мы и будем впредь настаивать.

Очень важным делом было для нас строительство школ. Кстати, в том же «Пригородном» школа уже готова. Мы сейчас вообще с полным правом говорим: сумели окружить город прекрасными сельскими школами. Моя дочь учится сейчас в городской, и всякий раз, когда я там бываю, то невольно и весело так

Наша обложка:
В БАТУМСКОМ
ДЕЛЬФИНАРИИ.

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

- 1** НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ — АДРЕС КОМСОМОЛЬСКИЙ.
«РУССКОЕ ПОЛЕ». Диалог секретаря Вологодского райкома КПСС Юрия ШАНИНА и комиссара Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ Земфиры КОРОБКИ.
- 2** «ТРАКТОР НА ВСЕ РУКИ». Фотоочерк Игоря СЕРКОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 5** ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук. «КТО НУЖЕН СЕВЕРУ».
- 7** Рассказ Евгения ДУБРОВИНА «САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ».
- 11** Стихи Василия ЗАХАРЧЕНКО.
- 12** АНАХРОНИЗМ ВЕКА: ДИКТАТУРА. «КОГДА НАРОД ВОССТАЛ...».
- 15** Стихи Надежды ПЕРМИНОВОЙ.
- 16** КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ... «ДЕТСКАЯ КНИГА». Фотоочерк Валерия ГУРИНОВИЧА и Владимира ВАСИЛЬЕВА.
- 19** КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА. «ВСЯ СЛАДОСТЬ И СОЛЬ ХЛЕБА».
- 20** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. Владислав ЯНЕЛИС. «ДЕЛЬФИНЫ ЗА «ПАРТОЙ».
- 21** Стихи Вадима ПОЛУЯНА.
- 22** МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.
- 24** АВТОБИОГРАФИИ. Иван КОЗЛОВСКИЙ, народный артист СССР. «ПЕНИЕ — ВЫСОКИЙ УНИВЕРСИТЕТ».
- 26** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 28** Повесть Леонида СЛОВИНА «ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена», 1979 г.

«Для нужд сельского хозяйства... будут еще введены в работы особые двигатели — так называемые тракторы... Употребление в дело этих сложных машин и извлечение из них большой для дела пользы требует больших знаний и опытности. Поэтому ЦК земледелия предполагает организовать месячные курсы для подготовки опытных машинистов».

Газета «Беднота»,
10 октября 1918 г.

Игорь СЕРКОВ

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

«1. Признать сельскохозяйственное машиностроение делом чрезвычайной государственной важности».

Из декрета Совета Народных Комиссаров
«О развитии сельскохозяйственного
машиностроения»
от 1 апреля 1921 года,
подписанного В. И. Лениным.

ТРАКТОР НА ВСЕ РУКИ

«В 1924 году ленинградский завод «Красный путиловец» освоил серийное производство колесных тракторов «Фордзон-путиловец». Первые тракторы вышли из заводских ворот 1 мая 1924 года и приняли участие в праздничной демонстрации».

Из газет.

«В 1960 году Советский Союз по производству тракторов превзошел США и вышел на первое место в мире».

Из газет.

«В новой пятилетке необходимо завершить комплексную механизацию возделывания всех важнейших сельскохозяйственных культур и в максимальной степени повысить уровень механизации животноводства. В связи с этим предусмотреть значительное увеличение поставок сельскому хозяйству современных энергонасыщенных тракторов с полным набором навесных и прицепных машин и орудий...»

Из постановления
июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС
«О дальнейшем развитии
сельского хозяйства СССР»

Значение принятого решения не всегда исчерпывается только конкретным его содержанием, ожидаемыми результатами. Порой время, ситуация, в которых оно обдумывалось, было принято, говорят нам о большем.

Решение о строительстве тракторного завода во Владимире принималось партией и правительством в самые тяжкие годы войны. Когда в победу можно было только верить...

В июле 1944 года на ВТЗ были собраны первые пять тракторов «Универсал». Для них использовали поковку и литые, за которыми в 1943 году ездили на Кировский завод (бывший «Красный путиловец») в осажденный Ленинград. 24 апреля 1945 года, когда за победу еще сражались, было закончено строительство первой очереди завода, и с его главного конвейера сошел 500-й трактор.

Первые «Универсалы» были своеобразной машиной — от «нормального» трактора они многим отличались. Ходовая часть, рама, топливный бак у них были тракторными — с машины, выпускавшейся до войны Кировским заводом, а трансмиссия — автомобильная с Горьковского автозавода. Зато и они, и более поздние «Универсалы», ставшие уже целиком тракторами, были надежны и некапризны, просты в управлении. Для молодых неопытных трактористов послевоенной деревни эти качества были незаменимы. Про «Универсал» говорили: если встанет — погрози ему палкой, и он опять пойдет.

Своими железными колесами с позвонками грунтозацепов, очень походившими на согнутый хребет какого-то доисторического чудовища, «Универсалы» держались на земле стойко. В селе Порог Винницкой области один из них проработал 27 лет. Сейчас он установлен на пьедестал. И этот памятник владимирскому трактору не единственный...

Но время шло. Когда в 1955 году сходил с конвейера последний «Универсал», уже многое переменялось в требованиях, которые предъявлялись к тракторам. В газетных дискуссиях «Универсал» обидно называли «ихтиозавром». Увы, немалую долю истины это прозвище в себе содержало.

...На очередном конкурсе сельскохозяйственной техники Советского Союза владимирский Т-25А был признан лучшей машиной 1977 года. Летом 1978 года трактор был аттестован государственным Знаком качества — ВТЗ выполнил один из основных пунктов своих обязательств на пятилетку: выпускать всю основную продукцию со Знаком качества. (Двигатели воздушного охлаждения выходят с завода с почетным пятиугольником уже вторую пятилетку.) Трактор экспортируется в 63 страны мира, включая самые развитые. Для его производства построены заводы в Мексике и Индии. Он получил сертификат на испытаниях в штате Небраска США. Одна из зарубежных стран выразила готовность приобрести весь годовой выпуск ВТЗ...

Что и говорить, все эти факты — убедительное доказательство высоких деловых достоинств нынешнего владимирского трактора. Но каково его место — и каким оно может, а значит, и должно стать — в машинном парке сегодняшнего Нечерноземья? Земля, что в самую лихую годину смогла дать жизнь заводу, и сыновнего долга по отношению к которой забывать ему, конечно, не годится.

Ныне владимирский трактор — машина самого легкого у нас в стране класса. Потому на наших просторных полях на нем теперь не пашут — нужды в том нет, сейчас это дело тракторов более тяжелых классов, а их у нас еще семь. За границей, на небольших участках, пашут.

Но дел владимирским и у нас хватает. Они очень удобны и выгодны как транспортное средство. Главная же их вотчина — растениеводство. Стали мы с молодым конструктором Игорем Шишковым перебирать сельхозмашины, с которыми агрегируется трактор. Чего тут только не было: от машин для ухода

лучше других приспособлен для работы в теплицах, парниках — у него регулируемая колея передних и задних колес, изменяемый клиренс (дорожный просвет). И, наконец, об использовании владимирского трактора в животноводстве. Механизация ферм — одна из важнейших и неотложнейших задач сельского хозяйства. А «Владимирец» просто создан для ферм. Об этом свидетельствует опыт Эстонии, где он широко применяется.

Словом, нужен владимирский трактор Нечерноземью...

Комсомольско-молодежная бригада слесарей Владимира Перепекина «расслаблялась» — у них шли детали для макетов двигателей. Ребята потихоньку отходили от горячки с двумя срочными заказами экспериментальному цеху: изготовить три трактора модели Т-30А с передним ведущим мостом и двадцать восьмицилиндровых двигателей марки 2ЭД-181 мощностью 150 лошадиных сил. После них макеты — отдых. Стенка верхняя, стенка нижняя, перегородка — милое дело. И полезное: отправят эти детали в машиностроительные техникумы, соберут там из них макеты, и будут по ним завтрашние механизаторы познавать технику.

Перед обедом зашел в экспериментальный Володя Шахов из заводского комитета комсомола. Шел он из тракторосборочного и потому первым делом завернул в слесарку. Поискал глазами Перепекина и еле нашел его за высоченными парнями, недавно пришедшими на завод из ПТУ. Бригадир выглядел среди них если не совсем как тренер среди баскетболистов, то, во всяком случае, весьма похоже. И объяснял что-то так же азартно.

Когда ребята отошли, Шахов поинтересовался у Перепекина, как дела с планом.

— А что план... — как-то сразу соскучился тот. И философски добавил: — План — он и есть план... А ты что же, в цехе еще не был?

— Да нет, не успел еще — сразу сюда. Случилось что? Меня не было вчера...

— А-а... И «молнию», выходит, не видел?

— Выполнили, что ли?! — догадался Шахов.

— Ну, — усмехнулся Перепекин.

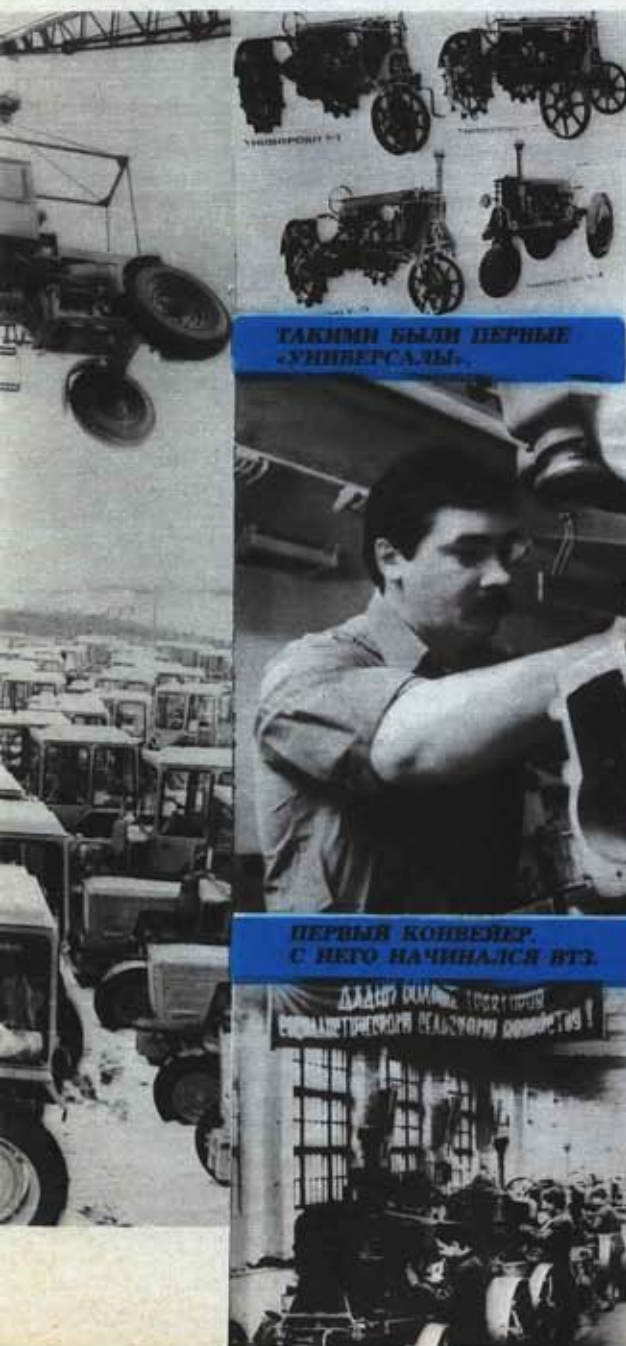
— А что ж ты молчишь? Бригада делает план трех лет в августе, а он ходит как неживой!

— А что же нам теперь, плясать, что ли? — фыркнул Перепекин. — Кривошеин вон скоро уже из Франции вернется, а мы только разродились...

— Ну, знаешь, вторыми на заводе — это тоже...

«Конкурирующая фирма» — так слесари зовут соседей по цеху, комсомольско-молодежную бригаду токарей Владимира Кривошеина. Свой трехлетний план бригада выполнила к открытию XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, а сам бригадир отбыл по предоставленной ему за достижения туристической путевке во Францию. Оставшиеся «конкуренты» второй день, ласково улыбаясь, поздравляли слесарей с успехом.

...Сергей Лаврентьев гнал и гнал резьбу в отверстиях стенок макетов. Ему сейчас такая работа должна

КОМСОМОЛЬЦЫ, МОЛОДЕЖЬ — НА САМЫХ ОТВЕТСТВЕННЫХ УЧАСТКАХ.

за посевами, боронования и обработки гербицидами до машин для скашивания трав, уборки льна, сена, а также малины, земляники, смородины, крыжовника и лесного ореха... Тут мы остановились перевести дух. Потом подбили итог. Сейчас трактор агрегируется с 80 сельхозмашинами. Есть все возможности довести их число до 120. Шлейф получается просто королевский. К тому же в настоящее время «Владимирец» испытывается в сочетании с машинами и орудиями, которые до сих пор агрегировались только с более тяжелыми тракторами. Легкий, разворотистый, он

была быть особенно подходящей — голова занята вступительными экзаменами в политехнический, одно сочинение осталось проскочить. Очень его интересовало, что за волновая тема будет... Мечик, зажатый в ручную дрель, входил в пластмассу почти беззвучно. Лаврентьев, посвистывая, обмахивал его кисточкой, смоченной в масле, и принимался за следующую стенку. А год назад мечик крутили руками. Пока не подошел к Перепекину Саша Деманов и не предложил: а что, если попробовать его в дрель зажимать? Пластмассу должно брать... Попробовали. Пошло. У

**«Мероприятия по помощи
работникам сельского хозяйства.»**

1. Взять под свой комсомольский контроль изготовление и поставку всех запчастей для Нечерноземья.
2. Полугодовое задание по изготовлению запчастей для Владимирской области выполнить к началу весенне-полевых работ.
3. Отработать на комсомольско-молодежных субботниках в цехах 10 тысяч человеко-часов. Выпустить запчастей на 40 тысяч рублей.
4. Направить по комсомольским путевкам на курсы механизаторов 10 человек. Принять участие в подготовке техники подшефных хозяйств к весенне-полевому и уборочным работам...

— Почему так много внимания именно запчастям? Это, кстати, еще не все. Мы обратились ко всем комсомольцам города с призывом взять повышенные обязательства по производству запчастей. Дело в том, что мы много думали, в чем же, собственно, должна заключаться наша шефская помощь селу. Изготавливать плановую продукцию—это же не шефство, а прямая наша обязанность. В деревне как говорят? Не тот трактор, который стоит, а тот, который бегаёт... А из-за каких-то обидных мелочей, бывает, встают машины в самое горячее время. Какими потерями это оборачивается, об этом рассказывать можно много. Вот из чего мы исходили, от чего пришли к плану наших мероприятий,—таким был комментарий заместителя секретаря комитета комсомола ВТЗ Виктора Бородулина.

В марте моторный цех № 1 выпустил колёвалов меньше, чем должен был. План по запчастям был сорван. Выяснением причин немедленно занялся заводской комсомольский штаб по контролю за выпуском запасных частей. Прошлись по всей цепочке. Выяснилось, что не поступили вовремя заготовки для валов от обычно обязательного поставщика — Лозовского кузнечно-механического завода. Связались с руководством и комсомольцами завода. Вскоре литые и поковки стали поступать по графику.

Следует отметить, что подобные случаи не часты. На ВТЗ вообще сложилось серьезное, по-настоящему государственное отношение к выпуску запчастей. За их счет никогда не стараются выполнить план по двигателям и тракторам, не отправляют на сборку даже в самых напряженных ситуациях. Наоборот, в первую очередь стремятся выполнить план именно по запасным частям. И выполняется он обычно к 25-му числу каждого месяца, а то и раньше.

Недавно здесь родилась новая инициатива: создать завод запасных частей.

Есть все основания считать, что судьба ее будет столь же счастливой, как и судьба другой идеи, которая тоже нравилась всем. Заключалась она вот в чем: провести на заводе традиционную комсомольско-молодежную смену и изготовленные во время смены 30 сверхплановых комсомольских тракторов передать в учебно-производственные бригады сельских школ области. Именно в школы, а не в хозяйства, чтобы ребята Владимирщины изучали технику в самом ее современном виде.

Готовились тогда к смене тщательно. Потому что целая смена в масштабах завода—дело серьезное. Комитет комсомола создал штаб. Штаб отработал планы. Из комсомольских организаций цехов и отделов поступили рапорты со списками будущих участников и принятыми ими обязательствами. Организовали пресс-центр. Он готовился давать самую свежую информацию о ходе работ, «молнии» с результатами должны были встречать участников у проходной.

Потом выяснилось, что выполнить задуманное не так просто. Завод своей продукцией не располагает. В том числе и сверхплановой. Она уже тоже была разнаряжена. Но отступать не хотели ни на заводе, ни в обкоме. Потому что верили: польза должна выйти большая, хотя и не сегодня ее надо ждать... Добиться разрешения на передачу тракторов сельским школам удалось только через ЦК ВЛКСМ и Госплан.

...На сборочной площадке экспериментального цеха стояли три новеньких трактора модели Т-30А. Им предстояли ведомственные испытания. Сборщики последний раз осматривали машины, снова и снова прикидывали, какую проходимость им обеспечат более мощные, чем на Т-25А, тридцатисильные двигатели и ведущий передний мост...

На один из тракторов, не утерпев, забрался Володя Погосов, самый молодой из сборщиков. Вырулил из цеха, лихо покатил по двору...

Со смены Погосов шел с Перепекиным. Говорили, понятно, о тракторе—одно удовольствие на такой машине проехать. Погосов вдруг нахмурился:

— А передача-то тяжеловато шла...

— Трансмиссия еще просто не разработана,—успокоил его Перепекин.

— Да я вот тоже думаю, что поэтому. А так машина, конечно...

Перепекин еще раз солидно согласился, что трактор действительно получился.

По улицам города движется празднично-нарядная колонна автобусов. За стеклами окон—молодые улыбающиеся лица...

Знакомая, понятная каждому картина—на ударную комсомольскую стройку воскресенского производственного объединения «Минудобрения» имени Куйбышева прибыл очередной ударный отряд рабочей молодежи Подмоскovie.

У нашей стройки славная комсомольская история. В годы первой пятилетки мобилизованные на строительство химического завода комсомольцы Москвы и Подмоскovie закладывали здесь фундамент будущего гиганта. Уже в 1935 году начался выпуск первой продукции. С таких темпов начинали. Особый размах строительство приобрело после принятия майским (1958 г.) Пленумом ЦК КПСС программы развития предприятий химической промышленности. Новая яркая страница истории шефства комсомола над стройкой была открыта в 1960 году, когда строительство крупнейшего комплекса сложных минеральных удобрений было вновь объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

...А колонна автобусов заканчивает свой путь у Дворца культуры «Юбилейный». Откровенно, по-деловому говорят на традиционном митинге представители объединения и нашего треста, генерального подрядчика строительства, о планах, проблемах, недостатках...

А задачи, надо сказать, перед объединением—значит, и перед строителями тоже—поставлены внушительные. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Нечерноземью четко указано: одним из решающих условий интенсификации сельского хозяйства зоны становится его всесторонняя химизация. В цифрах это выглядит так: в десятой пятилетке хозяйствам зоны должно быть поставлено 120 миллионов тонн минеральных удобрений. То есть почти в два раза больше, чем в девятой пятилетке. Поэтому непрерывно растет объединение, входят в строй все новые и новые цехи, комплексы. Такие, как введенный досрочно комплекс по выпуску экстракционной фосфорной кислоты и комплекс СК-28, который будет давать 450 тысяч тонн серной кислоты в год.

Самые ближайшие наши планы—строительство еще более мощного СК-41 и первого в стране завода по переработке фосфогипса. На этом заводе отходы химического производства будут превращаться в ценные строительные материалы, которые очень нужны сельским стройкам Нечерноземья.

Фактически удвоился за последнее время план строительно-монтажных работ треста. И не подтянуть бы его нам без помощи ударных комсомольских отрядов.

...Завершается митинг распределением по рабочим объектам. Ребятам закрепляют за СМУ и субподрядными организациями. А ждет их весь спектр строительных работ: от нулевого цикла до отделочных. Из тех, кто имеет строительные специальности, комплектуются самостоятельные бригады. Остальные вливаются в кадровые трестовские. Одна из главных наших забот—создавать фронт работ для высококвалифицированных мастеров. Это трудное дело тоже берут на себя комсомольцы.

Сразу после митинга ребят везут в общежитие, в котором им предстоит жить. Подбирали его тщательно, и поэтому мы знаем: там им понравится. Осваиваются ребята быстро. Особенно те, кто приехал к нам не в первый раз.

А на завтра—работа. Ударная, комсомольская. У которой свои нормы, свои законы. Как, например, у бригады бетонщиков Геннадия Колодяжного из Орехово-Зуева. А закон у бригады был такой: не выполнять задания, с участка не уходить. И они ни разу не ушли. Уходили, каждый раз перевыполнив.

Но бойцы ударных отрядов не только работают. Они живут одной жизнью с рабочими треста. У нас тоже закон: без них ни одного культурного мероприятия. А когда нашим физкультурникам случается столкнуться на спортплощадке с ребятами из ударных, приходится им нелегко. Ребята приезжают сильными...

Пройдет время. И снова по улицам города будет двигаться колонна празднично-нарядных автобусов. А накануне в штабе комсомольской стройки, в комитете комсомола треста будут заливаться телефоны, и начальники СМУ будут просить, требовать, настаивать: побольше комсомольцев—дел невпроворот!.. А в автобусах будут ребята из Егорьевска или Калининграда, Домодедова или Коломны, Щелкова или Ногинска...

Алексей УЛЬЯНОВ,
секретарь комитета комсомола
треста «Мособлстрой» № 5

них и в мыслях не было назвать это рацпредложением—ну, приспособление, усовершенствование, что ли... А через год выяснилось, что сэкономили только на одном этом больше пятисот рублей. Не тысячи, конечно, а ведь тоже деньги.

— Ничего,—подмигнул Перепекину Лаврентьев. Бригадир и не понял сразу: что—ничего?—Мы их еще не так обставим!..

И Сергей широко, как на сцене, когда он в огненной косоворотке вылетает на нее в составе самодеятельного ансамбля и заходит в русскую пляске, улынулся, тряхнул бесшабашно русыми кудрями, разваленными прямым пробором. Каким он из бригады в армию уходил, таким же и вернулся. С таким в одной бригаде хорошо.

В комитете комсомола ВТЗ рассказали: обычно лучшая бригада в экспериментальном становится и лучшей по заводу. Сами ребята в цехе объясняли просто: не так, как другие, зависят они от поставщиков. В основном зависят от самих себя. Что ж, резон в этом был большой. Но, с другой стороны, ведь и работа здесь отличается от работы в других цехах—едва ли не каждый день разная.

Экспериментальный цех—производство особенное. Здесь новую технику собирают, а это изделия штучные. Но и не только ее. Взять, к примеру, бригаду Перепекина. Позавчера им пришлось повозиться с пустообразователями под бетон для строящегося в подшефном хозяйстве животноводческого комплекса. Вчера они модифицировали, доводили до нужных кондиций детали для нового трактора Т-30А. А завтра будут работать над опытными образцами двигателя мощностью 5—7 лошадиных сил. Но к новому-то каждый раз нужно суметь приноровиться, сообразить, с какого бока за него приниматься. Так что тут думать надо. Одними руками с новой техникой не сладить. Перепекин говорит: «Привыкаешь... Вкус к такой работе появляется... Хотя бывает и так, что поначалу то глаза вроде и побиваются... да руки все равно делают. С головой вместе, конечно».

Сейчас в экспериментальном пять комсомольско-молодежных бригад. Не так давно не было ни одной. Молодежь была разбросана по смежным бригадам. Потом пришел в цех начальником Николай Васильевич Поздеев, бывший комсомольский секретарь ВТЗ, поддержал инициативу создать комсомольско-молодежные бригады по специальности. Распоряжение по цеху за № 111 вышло 18 сентября 1975 года.

Бригадиром слесарей был избран Владимир Перепекин. 21 год, на ВТЗ—четыре года. «Куда же мне было еще идти,—улыбается Володя,—когда у меня и родители здесь и вырос я на Тракторной улице». Правда, один «загиб» в его пути на завод был: в училище он поступил не при ВТЗ, а при «Электроприборе». Учился, как все. И кончил так же, как и большинство—со вторым разрядом. А вот Сергей Крупеников вышел тогда с третьим. «Большое меня он тогда в жизни понимал»,—серьезно заметил теперешний Перепекин. С Крупениковым они с тех пор в одной бригаде, и разряд у них теперь один—пятый. Только Володя еще и бригадир. Сейчас они да Валя Мысин, грузкомсорг, в бригаде уже самые опытные. И планы свои трехлетние раньше других выполнили—Перепекин в апреле 1978 года, Крупеников в мае. «Чуть я Серегу обошел. Должность, видимо, не позволила отстать... Одними словами бригадир ничего не добьется. У меня право должно быть с ребят спрашивать. Одна должность, я считаю, сама по себе такого права не дает».

Обедает бригада споро, чтобы успеть еще и в футбол сгонять. А бригадира все донимала мысль: за счет чего же их «конкуренты» обошли? Работала-то бригада хорошо, и состав у них не слабее... Валера Еремейцев, самый молодой, уже за год многому научился, хотя и приходилось объяснять ему самые что ни на есть азы: и что инструментом свой надо в порядке содержать, и что при работе весь его кучей вываливать на стол не нужно. Сначала Перепекин сам понять не мог, слушает его Еремейцев или нет. Вид у него при этом уж больно какой-то непроницаемый бывал. Теперь можно сказать, что слушал, и все, что следует, на ус мотал.

— ...Я вот что думаю. Не потому ли токари так прибавили, что на заводской комсомольской конференции бригадир от их имени предложил соревноваться за право называться коллективом имени 60-летия ВЛКСМ? Инициаторам, сами понимаете, уступать неудобно... Не к лицу... Вот они и не уступили. Сумел Кривошеин своих увлечь. Мне это урок. Что бригадир не только сам вкалывать должен—это я давно уяснил. Только вот не всегда получается... В общем, так я решил. На ближайшем собрании предложу ребятам подумать над новыми обязательствами. И расскажу о своих: закончить пятилетку ко второй годовщине Конституции и добиться права работать с личным клеймом. Крупеникова и Мысина это должно завестись—слесари-то они отличные. А за ними и остальные должны потянуться—настрой сейчас подходящий... А то мы давно вокруг клейма ходим, пора и попробовать...

Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь — факты, проблемы, люди

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

КТО НУЖЕН СЕВЕРУ

ХЛЕБОМ-СОЛЮ ВСТРЕТИЛА ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ БОЙЦОВ ПЯТИТЫСЯЧНОГО ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО ОТРЯДА ИМЕНИ 25-ЛЕТИЯ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИНЫ.

НА СТРОЙКАХ ТЮМЕНЩИНЫ ТРУДЯТСЯ МОЛОДЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ — ПОСЛАНЦЫ ВСЕХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

Фото Юрия УСТИНОВА

Хозяйственное освоение Тюменского Севера — одна из замечательнейших примет последнего двадцатилетия. В кратчайший срок здесь была создана главная топливная база Советского Союза. В 1965 году добыт 1 миллион тонн нефти, в 1975-м — 148 миллионов, в 1980 году предполагается добыть 315 миллионов тонн. Стремительно растет добыча природного газа. Развивается лесная промышленность.

Развитие хозяйства этого обширнейшего района нового промышленного освоения потребовало привлечения сюда больших масс рабочих, заселения почти безлюдных ранее просторов тайги и тундры. Население Тюменского Севера росло так:

Район	Число жителей (в тыс.)		1978 г. (в проц. к 1959 г.)	
	1959 г.	1970 г.	1978 г.	1959 г.
Ханты-Мансийский нац. округ	124	271	498	402
Ямало-Ненецкий "	62	80	144	232
Всего	186	351	642	345

Как видит читатель, всего за 19 лет население Тюменского Севера увеличилось в три с половиной раза, в то время как население страны в целом — всего на четверть.

В почти безлюдных ранее местах возникли целые созвездия новых поселков и городов. Два из городов Среднего Приобья уже перевалили сотысячный рубеж. Это Нижневартовск и Сургут.

Масштабы и успехи, как видим, огромны. XXV съезд КПСС высоко оценил достигнутое на Тюменском Севере. Однако он отметил и существенные недостатки хозяйственного освоения этого района, которые характерны, кстати, не только для Приобья. В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду было сказано:

«Мы по праву дали высокую оценку тому, что сделано в Западной Сибири. Но при лучшей организации дела достижения могли бы быть еще более весомыми. Посмотрите, что получается. В Западной Сибири, выполняя единую, по существу, задачу, действуют четыре ведомственных речных флота, множество строительных и снабженческих организаций. В Москве все они выходят на добрый десяток министерств и ведомств. Няnek, как видите, много. Но и недостатков тоже хватает. Раздробленность, слабая концентрация приводят к неоправданым издержкам, замедляют решение крупных задач».

Осмысление опыта Тюмени имеет громадное значение для организации освоения других районов. К сожалению, этот опыт не всегда в должной мере учитывается. Многие недостатки и ошибки были повторены в «первозданном» виде в зоне Байкало-Амурской магистрали.

Освоение новых районов — дело молодежи. Как справедливо говорится в популярной песне, «юность строит города». А также бурит скважины, прокладывает нефтепроводы и железные дороги, шоссе и линии электропередач, строит заводы и электростанции, добывает нефть и газ и совершает множество других необходимых действий, превращающих таежную и тундровую глухомань в экономически развитый край нашей страны.

Население районов нового промышленного освоения — преимущественно «молодежное», то есть с резко увеличенной долей молодежи и малочисленностью пожилых людей. Приведу возрастную состав

населения обоих национальных округов Тюменского Севера в сравнении с республикой в целом и одной из областей Центра за 1970 год, когда освоение нефтяных месторождений в Ханты-Мансийском округе было в разгаре, а освоение газа в Ямало-Ненецком округе только разрабатывалось.

Итак, возрастной состав горожан по переписи 1970 года (в проц.).

Возраст, лет	Ханты-Мансийский н. о.	Ямало-Ненецкий н. о.	РСФСР	Костромская область
0—9	20,7	17,3	14,6	13,9
10—19	18,7	19,9	19,0	20,7
20—29	19,1	18,4	15,2	13,5
30—39	22,5	21,4	17,3	16,9
40—49	11,1	13,6	14,0	14,3
50—59	4,5	5,9	9,2	9,0
60 и более	3,4	3,5	10,7	11,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видим, в населении Тюменского Севера преобладает доля тех, кому было в 1970 году от 20 до 40 лет, мало людей предпенсионных возрастов и совсем мало тех, кому за 60. Такое население формирует миграция, в которой участвуют преимущественно люди до 30 лет.

В городах Ханты-Мансийского округа было 42 человека в возрасте от 20 до 40 лет на 100 жителей, в то время как в городах Костромской области — всего 30. А следствием большой доли этой возрастной группы была многочисленность детей. Как видит читатель, доля тех, кому меньше десяти лет, в Ханты-Мансийском округе была в полтора раза больше, чем в Костромской области.

Можно смело предположить, что по переписи 1979 года население Тюменского Севера окажется еще более «молодым», поскольку миграционный прирост в 70-е годы был больше, чем в 60-е.

Молодость — не единственная особенность населения районов нового освоения. Для него часто характерны существенные половые диспропорции, то есть значительный численный перевес мужчин. Так, по переписи 1970 года в городском населении Ямало-Ненецкого национального округа на 100 мужчин в возрасте старше 10 лет приходилось всего 88 женщин того же возраста, в то время как по стране в целом был существенный женский перевес.

Далее, в населении новых районов обычно сильно повышена доля одиночек, а также семейных людей, проживающих отдельно от семьи. В том же Ямало-Ненецком округе таких было соответственно 10,8 и 11,4 процента — против 7,2 и 5,5 по городам Российской Федерации в целом. Одним словом, первыми идут одинокие мужчины.

Поскольку большинство взрослого населения живет все же семейно, а вся разница между числом мужчин и женщин падает на одиноких и тех семейных, кто проживает отдельно от семьи, между числом одиноких мужчин и женщин создается очень большая разница. Во многих случаях на одну незамужнюю женщину приходится по несколько неженатых мужчин. Такое положение прямо противоположно тому, которое существует в некоторых «текстильных» центрах. Молодым мужчинам не на ком жениться.

Нынешнее население Тюменского Севера создано миграцией в последние два десятилетия. Большой чистый прирост населения в районах нового промыш-

ленного освоения обеспечен оседанием относительно небольшой части тех, кто «прошел» через эти районы. На одного оставшегося здесь приходится несколько человек, живших в этих районах очень короткое время. Говоря другими словами, здесь высока миграционная подвижность населения и низка приживаемость новоселов.

Миграция населения нефтяных районов Западной Сибири хорошо изучена. Известно не только количество прибывающих и выбывающих, места, откуда сюда прибывает население и куда оно выбывает, но и мотивы прибытия и выбытия, и многое другое.

Вот какими были мотивы приезда в нефтяные районы Западной Сибири, по исследованиям работников Сибирского отделения АН СССР, в конце 60-х годов, непосредственно перед переписью 1970 года:

Мотив	Доля мотива (в проц.)	
	1968 г.	1969 г.
Желание принести как можно больше пользы обществу, чувство долга	3,3	3,8
Стремление к романтике	7,6	6,9
Стремление получить творческую, интересную работу	5,4	6,3
Стремление добиться высокого материального обеспечения	48,2	49,6
Стремление улучшить жилищные условия	12,0	12,9
Желание устроить личное семейное счастье	3,2	3,3
Стремление к разнообразной жизни, смене обстановки	14,5	14,6
Семейные обстоятельства	22,1	23,2
Другие мотивы	20,3	19,6

* Общий итог больше 100, поскольку анкетированный мог указать до трех мотивов.

Таблица показывает, что существенно преобладают «материальные» мотивы, тем более что семейные обстоятельства обычно объясняют свой переезд женщины, которые едут вслед за мужьями.

Разумеется, это отнюдь не означает, что «идеальные» мотивы мало значимы. Они, как правило, сосуществуют с высказанными мотивами. По моим наблюдениям и расспросам, в новых районах относительно редко встречаются люди, которым безразлично то, что они участвуют в общественно важном деле. Как правило, этим гордятся.

Большое значение материальных факторов в системе побудительных мотивов переселенцев было хорошо учтено в системе так называемых льгот (районные коэффициенты, северные надбавки, бронирование жилья в местах выезда и т. д.). Эти льготы весьма эффективно выполняют функцию привлечения новых работников. Как правило, желающих приехать на работу в новые районы много больше, чем нужно этим районам.

Однако те же льготы плохо «работают» в качестве стимулов закрепления работников в новых местах. Интенсивность выбытия населения из районов нового освоения очень высока, то есть высока сменяемость работников. Это ведет к существенным экономическим и другим потерям, о которых мы скажем дальше.

По каким мотивам покидают районы нового промышленного освоения недавние переселенцы в них?

Специальные исследования сибирских экономистов и социологов дали следующую картину мотивов потенциальной миграции из нефтяных районов Западной Сибири (то есть мотивов тех, кто собирается уехать).

Мотив	Всего*			
	(в проц.)	в том числе прибывшие само-	по орг-	по рас-
		стояте-	набору	преде-
		льно		лению
Неудовлетворенность климатическими условиями	17,2	17,8	13,6	6,4
Неудовлетворенность оплатой труда	18,4	19,4	22,7	4,2
Неудовлетворенность жилищными условиями	45,8	50,0	34,1	27,6
Неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями	34,9	33,5	31,8	51,1
Неудовлетворенность снабжением продовольственными и промышленными товарами	38,3	36,2	61,4	23,4
Выезд на учебу	4, 2	1,0	31,8	6,4
Отсутствие подходящей работы для других членов семьи	2,7	2,9	4,5	4,2
Увольнение с предприятий	2,4	1,6	13,6	4,2
Другие мотивы	34, 7	33,7	29,5	42,6

* Общий итог больше 100, поскольку анкетированный мог указать до трех мотивов.

Как видит читатель, резко выделяются три мотива: неудовлетворенность жилищными условиями, культурно-бытовыми условиями и состоянием торговли.

Интересны различия между разными категориями прибывших. Так, например, прибывшие по распределению удовлетворены своими жилищными условиями в значительно большей мере, нежели прибывшие самостоятельно.

Молодежный характер миграции должен был бы создавать в районах нового освоения население с повышенным уровнем образования, поскольку у молодежи оно значительно выше, чем у людей старшего возраста. На самом деле это не так. Население Тюменского Севера в 1970 году было значительно менее образованным, чем население республики в среднем.

На 1000 горожан в возрасте старше 10 лет приходится лиц с данным уровнем образования:

	Ханты-Ман-Ямало-Не-		РСФСР
	сийский	нецкий	
	н. о.	н. о.	
Высшее	37	43	61
Незаконченное высшее	7	8	18
Среднее специальное	108	119	92
Среднее общее	112	98	140
Неполное среднее	327	297	274
Начальное	287	309	257
Ниже начального	122	126	158

Оказывается, приживаемость новоселов в районах нового освоения очень сильно связана с уровнем образования, причем связь эта обратная. Намеревались постоянно жить в новых районах Западной Сибири 40 процентов лиц с образованием до шести классов включительно, 26 процентов — лиц со средним образованием и только 18 процентов — с высшим и незаконченным высшим образованием.

Наконец, социологическое обследование показало, что выходцы из села приживаются в новых районах Западной Сибири значительно лучше, чем бывшие горожане. Постоянно жить здесь собирались соответственно 40 и 26 процентов.

Подавляющее большинство прибывающих на Тюменский Север — выходцы из Западной Сибири, из более южных ее частей. Они же и приживаются лучше, чем прибывающие из районов европейской части страны, особенно выходцы из сибирского села.

Но ведь само село Западной Сибири, как давно и хорошо известно, имеет большой недостаток трудовых ресурсов. Это одна из главных причин недостаточного быстрого роста здесь сельскохозяйственного производства. Лучше было бы, если бы потребности районов нового промышленного освоения в рабочей силе в большей мере удовлетворялись за счет переселения из тех мест, где имеется избыток трудовых ресурсов. Этот избыток есть, например, в Закавказье, Средней Азии, а ближе к Западной Сибири — в некоторых автономных республиках Поволжья. Кроме того, при фактических объемах производства в этих северных районах не было необходимости в таком большом приросте населения. Конечно, Тюменский Север малолюднен в сравнении с территориями — даже в относительно заселенном Ханты-Мансийском округе на квадратный километр территории приходится менее одного человека. Но он же и

перенаселен — в сравнении с существующим здесь производством. Нынешние объемы производства могли бы быть достигнуты с меньшим числом людей. Или, наоборот, при нынешнем числе людей эти объемы могли бы быть значительно большими.

С самого начала освоения Тюменского Севера шла борьба разных стратегий этого освоения.

На совещании по освоению нефтяных районов Сибири, которое проходило в Госплане РСФСР в 1960 году, академик А. А. Трофимук — крупнейший наш нефтяник — высказывал точку зрения, согласно которой надо было как можно быстрее строить на Тюменском Севере железные и шоссейные дороги, линии электропередач, усиливать флот и т. д., то есть опережающими темпами создавать инфраструктуру (во то время этот термин еще не применялся). Ему возражали: мол, пока мы не знаем, сколько там нефти. А. А. Трофимук говорил в ответ, что запасы нефти в Тюмени достаточны, что у специалистов уже нет по этому поводу разногласий, и только люди, далекие от геологии, могут в этом сомневаться. Хорошо, говорили оппоненты, даже если нефти и очень много, мы не знаем конкретных «точек» ее залегания. Можно ошибиться в выборе трассы железной дороги. От магистрали, парировал академик, всегда можно провести ветки, была бы магистраль.

Как пошло освоение Тюменского Севера в последующие годы, мы знаем. Развитие инфраструктуры сильно отстало. Железная дорога Тюмень — Сургут была построена, когда в районе уже добывалось более ста миллионов тонн нефти в год. До того времени освоение опиралось только на речные пути, действующие менее полугодом, зимники и воздушный транспорт. К концу навигации надо было завозить на Тюменский Север запасы строительных материалов, горючего, продовольствия, машин, труб и многого другого в размерах, достаточных до следующей навигации. Это не всегда удавалось сделать, и мне хорошо известны случаи, когда зимой даже солжарю приходилось доставлять вертолетами. Цена ее, естественно, многократно подскочивала. А сколько было к весне простоев у строителей — из-за того, что не из чего было строить! Поясню, что в Среднее Приобье почти все строительные материалы приходится завозить издалека — на месте их просто нет.

Понятно, что это вело не только к дополнительным затратам, но и существенно сказывалось на производительности труда: для производства того же объема работ приходилось иметь большее число работников.

Далее, в работах по освоению Тюменского Севера с громадной силой проявилась ведомственность. Даже города строились по сугубо ведомственному принципу. В конце 60-х годов тогдашний центр освоения город Сургут представлял из себя многокилометровую ленту поселков, вытянувшихся по берегу Оби. Вот поселок нефтяников, а рядом — геологов, а дальше — геофизиков, потом строителей, лесников, рыбаков, портовиков... И в каждом таком поселке свои — обязательно свои! — магазины, столовые, бани, клубы, детские учреждения... Все мелкое, примитивное, неблагоустроенное и... требующее громадного количества обслуживающего персонала.

Такое вот «натуральное» хозяйство приводит к громадному «разбуханию» численности работников, а следовательно, и населения в целом. А это, в свою очередь, усложняет решение бытовых проблем, в первую очередь главной — жилищной.

Сегодня жилищное строительство по сравнению с первыми годами освоения сильно возросло, в городах стали возводить современные крупнопанельные дома со всеми удобствами, однако обеспеченность жильем продолжает все же оставаться низкой. В крупнейшем городе Среднего Приобья — Нижневартовске — даже в 1977 году количество балконов все еще продолжало увеличиваться. Хуже обстоит дело у газиков. По данным Сибирского отделения АН СССР, на месторождении Медвежье, где добыча достигла проектной мощности, капитальные вложения в жилищное строительство освоены лишь на одну треть.

Вспомним теперь, что среди выбывающих из районов нового освоения половина назвала мотивом отъезда неудовлетворенность жилищными условиями.

Примерно так же обстоит дело со строительством объектов соцкультбыта: клубов и кинотеатров, детских дошкольных учреждений и т. д.

В градостроительных нормативах в далеком не достаточной степени учтены те особенности населения Тюменского Севера, о которых шла речь в начале статьи, — чрезвычайно высокий удельный вес молодежи и, как следствие, большая доля малых детей.

Молодежь остро нуждается, естественно, в местах коллективного проведения отдыха, для дошкольников нужны детские учреждения. Если женщина-мать не может работать из-за того, что некуда деть ребенка, если она знает, что очередь в детский сад может подойти тогда, когда ее сын будет уже

школьником, то семья почти неизбежно покинет район нового освоения. Заметим, кстати, что в этих районах чрезвычайно мало «естественных нянек» — пенсионеров, которые могли бы присматривать за своими внуками.

Вспомним опять-таки, что треть всех уехавших назвала мотивом выбытия из района нового освоения неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями. Вот она — цена градостроительных просчетов и диспропорций!

Именно это и вызывает тот специфический отбор населения в районах нового освоения, о котором шла речь, — остаются здесь главным образом бывшие сельские жители с низким уровнем образования, и заселение Тюменского Севера происходит преимущественно за счет трудонедостаточного западносибирского села. У этой категории населения не столь высоки требования к социально-культурным благам, они более привычны к сложным природным условиям Тюменского Севера.

Большой миграционный оборот приводит к тому, что на Тюменском Севере постоянно много новичков, еще не акклиматизировавшихся, не имеющих нужных здесь профессий или имеющих слишком низкую квалификацию. Понятно, что это не лучшим образом сказывается на производительности труда. Следовательно, для выполнения тех же объемов работ требуется больше людей, а раз так, значит, усложняется решение социально-бытовых проблем, а это способствует выезду наиболее требовательных к условиям жизни (то есть наиболее образованных и квалифицированных работников), что мешает повышению производительности труда... Одним словом, создается заколдованный круг. И разорвать его можно только решительным улучшением условий жизни населения на Севере.

Понятно, что природные условия существенным улучшениям не поддаются. Неизбежно они и дальше будут значительно хуже для человека, чем условия наиболее населенных мест страны. Поэтому те условия, которые планомерно создаются обществом, — жилье, снабжение, медицинское, культурное обслуживание и т. д., — должны быть на Севере лучше, чем по стране в среднем, чтобы компенсировать неизбежные природные трудности и создать людям, героически осваивающим Север, некоторые жилищные преимущества.

Одним словом, в дополнение к эффективной системе привлечения людей на Север нужно создать столь же эффективную систему их адаптации к северным условиям и их закрепления здесь. Уверен, что это окажется наиболее выгодным и экономическим.

Резкое изменение ситуации с трудовыми ресурсами в ближайшем будущем неизбежно приведет к проведению на Севере трудосберегающей политики. Как можно меньше людей, наиболее квалифицированных, живущих в наилучших условиях, вооруженных наиболее производительной и приспособленной к северным условиям техникой, — вот магистральный путь освоения Севера!

К сожалению, пока опыт освоения Тюменского Севера недостаточно используется в освоении других новых районов, в частности зоны БАМа.

Вот столица БАМа — Тынды. На месте будущего большого города — семнадцать ведомственных временных поселков из временных с «удобствами во дворе», почти полусотней мелких котельных, водовозок, неудовлетворительным состоянием всего соцкультбыта. По сравнению с Сургутом 60-х годов — еще более злокачественная, какая-то «внутри-ведомственная» ведомственность. Почти все поселки Тынды принадлежат одному главку Минтрансстрой — ГлавБАМстрою. Но у каждого его треста, строительного-монтажного поезда, мехколонны, мостоотряда — свой поселок, со своими магазинами, столовыми, «клубами», детскими учреждениями и т. д. И так — по всей трассе БАМа. Плохо и дорого, прямо-таки разорительно, если правильно посчитать. Как неизбежное следствие — высокая текучесть рабочей силы. Из тех, у кого кончаются сроки договоров, половина уезжает сразу же. На место работников высокой квалификации, хорошо адаптированных к суровейшим местным условиям, приходят молодые люди без специальности или с низкой квалификацией, которым еще полтора-два года потребуются на акклиматизацию и приобретение профессии. А когда они станут хорошими специалистами, многие тоже уйдут, если условия жизни не изменятся.

Освоение новых районов, градостроительство в новых местах — дело сложное и трудное. Однако, кроме специфических трудностей, тут есть и свои преимущества. В частности, на хозяйственные решения не давит наследие прошлого. Здесь все с самого начала можно построить по законам разума и красоты, так что новые города новых районов могут быть — и должны быть! — лучшими в стране.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Вскоре теплоход ушел, и его огоньки затерялись среди звезд, только луч прожектора еще был виден—издали он походил на отблеск луны на реке; потом исчез и он.

Они остались совсем одни. Хутор чернел высоко на горе, там не светило ни единого огонька, отсюда не доносилось ни звука. Шорох волн, разбивавшихся внизу о меловую скалу, тихая возня ветра в траве, далекий-далекий гул самолета—больше ничего не было слышно.

— Вот мы и одни наконец...

Нина наклонила голову Семена Петровича, потерлась нежной щекой о его колючую щеку.

— Я столько ждала... Целую неделю... Ты такой горячий, даже через плащ...

— А ты вся дрожишь.

— Это от реки. Пойдем скорее в наш дом.

— Пойдем.

Рудаков поднял свой рюкзак, взял из рук Нины сумку.

— Почему такая тяжелая?

— Увидишь. Сюрприз.

Они пошли по тропинке вверх—Рудаков впереди, Нина сзади. В крутых местах он подавал ей руку. Тропинка была каменной, щедро посыпана меловой пылью. Скоро их ноги по щиколотку испачкались мелом, и они стали похожи на средневековых вельмож в белых чулках.

Нина поднималась с трудом, часто останавливалась и, чтобы скрыть это, говорила:

— Посмотри, как красиво...

Рудаков послушно смотрел вниз, хотя ничего не было видно, только темный лес, пронизанный светлой лентой реки, и огромная чаша неба, вся в голубых дырочках.

— Ты держись за меня.

— Вот еще! Что я, немощная старуха?

Семен Петрович раздвинул кусты и пропустил Нину вперед. Они очутились на ровной площадке. Площадка была из мела, кое-где поросшая мелкой травой, и очень напоминала заброшенный дворик, сквозь каменные плиты которого пробивалась трава.

Семен Петрович достал из рюкзака и включил фонарик. Яркий луч обежал площадку, метнулся на склоны, задержался на траве под деревьями.

— Никого,—сказал Рудаков.—И не было...

— И родник цел,—прошептала Нина.

Они прислушались. Из кустов слева донеслись веселый лепет и радостные прыжки по камням родника.

— Конечно. Куда он денется?

— Когда нас нет, он исчезает,—убежденно сказала Нина.—А когда мы приходим, он прибегает. Слышишь, как радуется? Ах, малыш глупый...

Нина торопливо ушла к роднику. Рудаков слышал, как она пила из ладоней. Когда она вернулась, он взял ее руки в свои.

— Зачем ты... Я бы дал тебе кружку.

— Надо руками...

Семен Петрович первым влез в ход и осветил Нине. Они очутились в небольшой уютной пещере. Пол пещеры застилала высохшая трава и листья; в углу из камней, на которые были набросаны мелкие ветки и сухое сено, было сооружено широкое ложе. Его аккуратно застило старенькое одеяло, наполовину прикрывавшее подушки в розовых наволочках. Возле этой кровати лежал коврик, тоже старенький, и две пары тапочек: мужские и женские.

Пещера была обжита. В противоположном углу стояли грубо сколоченные стол и две табуретки, над ними полка с посудой, портативная газовая плитка.

Над столом даже висела картина: на вставленном в рамку полотне был изображен пляж на берегу речки с высоты птичьего полета. Безбрежные, уходящие за горизонт просторы: луга, перелески, извивающаяся река, и лишь два человека лежат на пляже—мужчина и женщина. Через реку от огромной скалы к ним тянется тень. Еще немного, и эта тень уничтожит солнечную полоску пляжа, накроет мужчину и женщину и уйдет дальше в светлые просторы делать свое черное дело. За скалой, словно дожидаясь сигнала, прятались сумерки.

Эту картину нарисовала Нина с натуры, со скалы. Он лежал на пляже, а она рисовала, взобравшись на самую вершину. Картина не нравилась Рудакову. Была в ней какая-то безнадежность. Было жалко эти светлые просторы, которые скоро исчезнут, накрытые тенью от скалы и прячущимися за спиной скалы сумерками. Хотелось, чтобы эти двое на пляже убежали подальше от реки, от подкрадывающейся к ним черноты. Но они лежали, доверчиво сдвинув друг к другу головы, видно, увлеченные разговором, и не видели опасности. Впрочем, куда бежать—вскоре вся долина покроется мраком. Эти двое, наверное, понимали, что бежать поздно, бессмысленно, зачем тратить драгоценные минуты в панической суете бега, лучше насладиться оставшимися на их долю солнцем. И они лежали, доверчиво сблизив тела, в их позах не было страха, но и не чувствовалось полного счастья. Казалось, мужчина и женщина постоянно помнили, что черная тень всего лишь в нескольких метрах от их голов (они лежали головами к скале), и они спешили. Спешили закончить разговор, спешили вернуть кожей как можно больше солнца, спешили насмотреться друг на друга...

— Тебе нравится?—спрашивала часто Нина, смотря на картину, когда они сидели за столом.

— Хорошо передан простор,—уклончиво отвечал Семен Петрович.—Но лучше, если бы было утро.

Нина качала головой.

— Утром все пропадет. В картине не станет смысла. Просто будет пейзаж.

— А сейчас... Сейчас она какая-то грустная,—говорил Рудаков.—Я вообще не люблю вечер.

— Я специально сделала вечер. Вечер всегда полон мудрости и смысла.

— Зато утро—надежда. Утром, если пораньше встанешь, всегда кажется, что тебя ждет что-то хорошее.

— А потом оказывается, что ничего хорошего нет.

— Ну и что? Зато прожил день с верой. А вечер—это конец. Конец всему: и делам и надежде...

Нина не соглашалась:

— Не конец, а венец. Итог. Информация к размышлению. Да, согласна, это не так приятно, как надежда, но мы ведь и не должны стремиться все время к приятному. Тогда мы просто выродимся.

Семен Петрович обычно не спорил дальше. Ему не нравилась не только сама картина, но и разговор о ней. Не нравилась ему еще и одна деталь в картине, которая почему-то раздражала его, хотя, может быть, он ошибался—художница и не думала делать это специально.

Была большая разница в позах мужчины и женщины. Женщина лежала на песке спокойно, покорно, она вся отдалась солнцу, покою, разговору с любимым человеком, ее не очень беспокоила приближающаяся тень, а если и беспокоила, то женщина сумела подавить в себе это беспокойство, глубоко загнать его внутрь себя; она старалась отвлечь от тени и внимание мужчины, замкнуть его внимание на себе, увлечь разговором.

Мужчина хотя и придвинулся к женщине и приподнялся, глядя ей в глаза, но поза его была напряженной, тревожной. Создавалось такое впечатление, что мужчина слушает женщину, а все его внимание направлено на подкрадывающуюся тень. В любой момент человек может не выдержать и убежать на залитый солнцем луг, бросив женщину одну на берегу реки.

Вот какое впечатление было у Рудакова о картине, и поэтому он не любил и даже боялся ее.

Семен Петрович положил фонарик на кухонную полку, направив его луч в потолок. В пещере наступил приятный полумрак. И вообще она мало напоминала пещеру. Прямо обжитая комната. Пахло сеном, сухими цветами, дымком, кухней. Рудаков как-то взял два дня без содержания посередине недели, выписал на заводе вязанку досок, приехал сюда, сколотил мебель, соорудил кровать, покрасил стену, натаскал травы и веток... Нина ахнула, когда вошла, потом долго обнимала Семена Петровича и плакала:

— Это наш дом... Наконец-то у нас есть свой дом... Я так мечтала...

Рудаков поставил на полку и стол принесенные продукты: хлеб, овощи, банки консервов, колбасу, сало, яйца, сырую курицу. «Ужас!—всегда удивлялась Нина.—Здесь же на целый санаторий».

Опустошив рюкзак, Семен Петрович бросил его в угол, подошел к отверстию в дальнем конце «комнаты». Это был вход в Дивные пещеры. Рудаков потрогал решетку, прислушался. Из глубин пещер веяло вечным молчанием, тянуло сыростью и холодом, каким-то специфическим воздухом, в котором было и спокойствие, и мудрость, и смерть, и насмешка над человеком. Нина боялась этого хода, и Рудаков принес несколько железных прутьев, цемента и забрал отверстие решеткой. Но все равно ход как-то странно волновал Нину. Ей казалось, что кто-то стоит там и делает ей знаки, словно просит впустить или манит к себе. Навсегда...

— Он заберет меня...—говорила она.

— Еще рано думать о смерти. Я вот не боюсь.

— За твоей спиной опыт... Ты знаешь, как... Ведь ты не один раз умирал, правда?

— Да. На фронте. И после приходилось.

— Вот видишь... А я ни разу... Я очень боюсь и не знаю, как себя держать... Чтобы достойно... Смерть—это ведь очень интимно, а тут будут стоять, смотреть, ахать, сочувствовать...

— Слушать-то не придется,—опять мрачно пошутил Семен Петрович.

— Все равно противно... Потом потащат на это мерзкое старое кладбище, где лежат старики и старухи еще с семнадцатого века. Представляешь, лежать среди стариков семнадцатого века!

— Старина сейчас в моде.

— Я бы, знаешь, как хотела умирать? Одна. Совсем одна.

— Не дадут.

— В том-то и дело... Но я бы хотела. И чтобы потом никто не прикасался...

Рудаков шутил, но ему было не по себе от этих разговоров. Семену Петровичу нравилось, когда Нина была веселой. Впрочем, развеселить ее ничего не стоило. Коробка конфет, сережки, губная помада всегда приводили ее в хорошее расположение духа. Она, как ребенок, радовалась подаркам.

Семен Петрович проснулся сразу, словно кто-то осторожно тронул его за плечо. Он быстро достал из-под подушки фонарик и осветил пещеру. Темнота поспешно разбежалась по углам. Никого. Может быть, летучая мышь, лягушка или какая-нибудь другая тварь? Не должно быть. Перед сном он внимательно проверил все закоулки.

Рудаков осторожно встал, нащупал тапочки и, посвечивая фонариком, прошел к столу. Обе занавески висели неподвижно. Мучительно хотелось курить, но он знал, что Нина сразу же почувствует запах дыма и проснется. Но все-таки две затяжки, наверно, можно. Только две затяжки, а дышать он будет в сторону... Рудаков закурил и, не удержавшись, выкурил всю сигарету.

Страх—вот что его разбудило. До сегодняшнего вечера он никогда не испытывал особого страха в этой пещере. Она казалась ему надежным и уютным убежищем. Только было недоверие к пещерам. Рудаков как-то не задумывался о будущем. Кажется, вечно будет лето, вечно будет Нина. Только сегодня, у родника, он почувствовал страх. Может быть, это виноваты деревья? Они шуршали сегодня как-то по-осеннему, и родник разговаривал не так звонко, не так весело, наверно, потому, что нес первые опавшие листья.

Что будет зимой? Как они станут встречаться зимой? Он не может привести ее к себе. Значит, опять свидания в лесу, на ходу, на морозе и ветру...

Рудаков взял из железной баночки леденец, разжевал его, чтобы забить запах табака, и, захватив фонарик, вернулся на кровать.

Нина сразу проснулась.

— Спи... спи...

Он выключил фонарик и спрятал его под подушку.

— Ты курил?
— Да. Немножко...
— Ты же обещал... Это вредно.
— Я не собираюсь жить до глубокой старости. Мне это не нужно. Мучиться от болезни, видеть, как другие ждут твоей смерти.
— Ты должен жить до ста лет.
— Зачем?
— Чтобы хоть кто-то помнил обо мне. Это так страшно, когда человек ушел из жизни, а его никто не помнит. Никто, никто. Получается так, что вроде бы он и не жил, никогда не родился. У меня никого нет, кроме тебя. Будешь жить ты — буду жить я. Так что в моих интересах, чтобы ты дожил до ста лет. Видишь, какая я эгоистка?
— Что ты сегодня все время говоришь о смерти? Ты молодая... А может быть, мы умрем вместе. Так даже будет лучше.
— Нет, ты не умрешь. Ты дуб, ты могучий дуб. За это я тебя и полюбила. Стою на танцах, хвораю, малокровная, еле на ногах держусь, и вдруг появляется дуб. Здоровенный, краснощекий дубище. Могучий, уверенный в себе дуб.
— Я так трусил тогда...
— Не заметила. По-моему, ты вел себя даже нахально. Ну, я и влюбила сразу в тебя. Я еще никогда не встречала таких здоровяков-боровиков. Ну, может быть, не совсем влюбила... Это уж потом... Я тогда подумала: дотронусь до этого дуба, прижмусь к нему — и часть его силы ко мне перейдет. Я так загадала... Я в детстве немного ворожила... Меня бабушка научила. Только у меня ничего не получалось. Даже наоборот. Что загадывала — все наоборот выходило. Пророчила себе большую судьбу, надеялась стать великой художницей, а стала лаборанткой на элеваторе. Колдовала себе здоровье, а наколдowała болезнь. Но с тобой вроде бы получилось. Я ведь тебя присушила?
— Присушила...
— И силы немного от тебя взяла?
— Вззяла...
— Лето вот прожила...
Они замолчали.
— Спи... — сказал Рудаков. — Еще очень рано.
— И еще я, знаешь, насчет чего колдовала?
— Насчет чего?
— Насчет ребенка... Сразу же... Когда мы танцевали первый танец... Я смотрела на тебя и колдовала, колдовала, колдовала... Мне так хотелось, чтобы после меня остался сын, похожий на тебя: здоровый, крепкий, уверенный, чтобы он не боялся ничего, ни одной болезни. Знаешь, сколько всего болезней?
— Нет.
— Двадцать пять тысяч. И всех я боялась. Потому что если есть одна болезнь, то боишься и остальные. Теперь, конечно, я не боюсь. И сына уже не хочу... Слишком поздно... Жаль только, что я не успела почувствовать, что это такое... Быть матерью...
— Что за мрачные мысли? Все будет хорошо.
— Да... Знаю... Вот Петя уже умер. У него было то же самое...
— Петя умер, а ты будешь жить. Вот разведусь, и ты переедешь ко мне в дом, я на тебе официально женюсь. И у нас будет сын. А на следующее лето мы поедем с тобой в Крым.
Он замолчал. Нина отвернулась к стене. Он долго прислушивался, надеясь услышать ее обычное сонное посапывание, но посапывания не было. Девушка не спала. И Рудаков тоже не спал.

Они назвали эту бухточку бухтой Радости. Маленькая, закрытая с трех сторон скалой, всегда тихая — ветер почти никогда не дул со стороны реки, — она была вся усыпана мелким, чистым песком и пронизана солнцем с самого раннего утра. Бухта Радости была двенадцать шагов в длину и семь в ширину. К полудню она превращалась в раскаленную духовку, и Рудаков с Ниной, бросив здесь все вещи, переплывали на тот берег, на безбрежный, тянувшийся на много километров пляж, где всегда гулял ветерок, прохладный от реки и близкого сырого грибного леса, полного небольших круглых озер и родников.

Они легли рядом на уже теплый песок и стали слушать. На вершине скалы, над бухтой Радости, шуршала под ветром трава. Подсыхала скала, шелушилась, тонкие ручейки мела стекали к основанию и застывали крошечными холмиками, образуя миниатюрную пустыню.

Далеко-далеко, так далеко, что этот звук казался естественным, издававшимся рекой, лугом, лесом, гудел теплоход. Потрескивал, нагреваясь, под ухом песок. Молчало небо. Еще заспанное, хмурое, но уже начавшее постепенно голубеть по бокам от солнца, обещая длинный жаркий, медовый, простроченный песнями кузнечиков день.

Ласково, притворяясь безобидной, мелкой, обтекала скалу вода. Возлились высоко наверху обрадованные, что кончилась длинная холодная ночь, обсохнувшие на солнце птицы.

— Ты все слышишь? — спросила Нина.
— Да, — ответил Рудаков.
— И песок?
— Да. И песок.
— И теплоход?
— И теплоход.
— А небо?
— Небо молчит.
— Неправда. Прислушайся. Только надо закрыть глаза.
Рудаков послушно закрыл глаза.
— Все равно молчит.
— Значит, ты еще слишком молод, — тихо засмеялась Нина. — Или огрубел душой. Небо разговаривает звуками детства. Вот голос мамы... Скрип калитки... Смех подружки... Тоня... У меня была одна только подружка — Тоня... Она потом уехала... А вот я плачу: у меня собака растерзала куклу... Такое горе... Мне тогда казалось, что сильнее горя на свете не бывает... А вот танцы в парке... Вальс... А меня так никто и не пригласил... Ты когда-нибудь лежал в детстве на спине и смотрел в небо?
— Да.
— Тогда там были звуки будущего... Какие-то необыкновенные голоса, чудесная музыка, шепот влюбленного в тебя человека. И еще что-то прекрасное, загадочное. А сейчас наоборот — небо отдает те звуки, которые вобрало в себя в детстве. И оказывается, что тогда все было чудесно и необыкновенно, а сейчас... Сейчас... Дай мне закурить.
— Что?
— Дай мне закурить.

— Тебе же нельзя, — растерянно сказал Рудаков. Нина вообще не переносила запаха дыма.
— Сегодня можно. Сегодня все можно. Сегодня будет самый счастливый день в моей жизни.
Семен Петрович нехотя протянул ей сигарету, зажег, закурил сам.
— Только чуть-чуть.
— Как здесь хорошо... Можно сколько хочешь крутить любовь с женщинами. Ты ведь будешь приводить сюда женщин, а, Рудаков?
— Зачем мне женщины? Ты одна у меня.
— А после меня? Чего молчишь? Знаю, будешь. Мне бы не хотелось...
— Я не буду сюда никого приводить, — сказал Семен Петрович.
Нина с шумом выпустила дым.
— Не верю, Рудаков. Вы, мужики, такие. Сегодня одна, завтра другая. Но я сейчас сделаю так, что ты больше ни с кем здесь не будешь крутить любовь. Дай-ка мне нож. Давай, давай, не бойся, я тебя убивать не стану.
Семен Петрович вытащил из сумки широкий, острый резак и протянул его девушке. Нина встала и, не вынимая сигареты изо рта, подошла к скале.
— Принеси мне камень.
Рудаков послушно принес несколько легких меловых камней.
— Поставь друг на друга. Так. А теперь иди отсюда и не смотри. Можешь поспать.
Семен Петрович отошел к реке, лег на песок, совершенно неожиданно и незаметно для себя заснул. Ему снился удивительный сон. Как будто он еще совсем маленький и мчит на велосипеде с никелированными ободами по цветущей, усеянной крохотными альпийскими маками земле. А отец, молодой, красивый, смотрит, улыбаясь, ему вслед и кричит:
— Обезжай маки! Не дави цветы!
И он лавирует между маленькими альпийскими кострами, но их так много, что все-таки он их давит и давит, и вот уже синие шины велосипеда стали красными и сок маков брызжет в стороны, как кровь...
— Рудаков! Эй! Сеня!
Семен Петрович проснулся и немного полежал, удивляясь сну. Никогда ему не снился отец. Он умер еще до войны, и Семен Петрович не помнил ни его лица, ни голоса, ни фигуры, а тут вдруг так явственно, так четко увидел и услышал, словно кто-то во сне прокрутил ему пленку. И про велосипед с никелированными ободами Рудаков не помнил. И про маки. Но сейчас он мог с уверенностью сказать: все это было — и молодой, смеющийся отец, и легкий, послушный велосипед, и маки...
— Рудаков! Проснись! Вот разоспался!
Семен Петрович поднялся на колени и невольно протер глаза от удивления. На скале перед ним красовался его портрет, а сбоку портрет Нины с развевающимися волосами. Портреты были в профиль.
— Похоже?
— Очень... — пробормотал Рудаков.
— Ну вот... Теперь ты не приведешь сюда никакую мадам. А если приведешь... она тебе истерику устроит...
Вдруг Нина побледнела и опустилась к подножию скалы, выронив нож. Семен Петрович подбежал к ней, взял за руку.
— Нинок, что случилось?
Пульс был медленный, неровный.
— Ничего... так... голова закружилась.
— Говорил же... Тебе нельзя курить...
— Курить — здоровью вредить...
Девушка попыталась улыбнуться, но получилась лишь болезненная гримаса.
— Я тебя отнесу к берегу... Там больше воздуха.
Рудаков взял девушку на руки — она была совсем легкая, прижалась к нему и закрыла глаза — и отнес ее к месту, где они лежали раньше.
Почти сразу же Нине стало лучше. Она улыбнулась:
— Очередной звонок... Что-то они стали часто звонить в последнее время.
— Уже было... так?
— Вчера на работе... Вот переполошились все. Одна даже предположила, что я беременная. Может, и вправду я беременная? А, Рудаков? Как ты считаешь?
— Больше я не дам тебе ни капли никотина.
— Ух, какой строгий папочка... Сейчас отлежусь... Я живучая... Все бабы живучие, как кошки. Слушай, Рудаков, если меня не будет на теплоходе в следующую пятницу... Значит, был последний звонок. Понял? Не вздумай тащить ко мне домой и выпрашивать, как, где да что. Понял? Ты лучше сюда приезжай и помни здесь меня. Понял? Вот тут, на этом месте, под нашими портретами, а стакан выбрось в речку. Чтобы больше никто из него не пил. Обещаешь?
— Выкинь все это из головы.
— Обещаешь?
— Еще будет бабье лето. Мы с тобой побродим по лесу. В лесу так красиво в бабье лето.
— Обещаешь?
— Вот привязалась... Ну, обещаю... Если тебе так хочется.
Нина откинула голову на песок.
— Это я так... Между прочим. А сейчас давай купаться. Вода должна быть парная.
— Подождем, пока солнце поднимется, — тебе пока нельзя.
— Ты один искупайся. Мне хочется посмотреть, как ты плаваешь.
Семен Петрович вошел в воду и поплыл.
Чуть дальше, за скалой, была заросшая камышом болотистая низинка. Потом опять начинался крутой берег, и вылезти можно было только здесь. Семен Петрович направился к низинке, прошел по вязкому илу, раздвинул камыши. В болоте цвели кувшинки и лилии, и он всегда набирал здесь Нине букет, но сейчас цветов не было: то ли кто сорвал, то ли было уже слишком поздно. Только одна лилия, уже отцветшая, пожелтевшая по краям, плавала посередине болотца. Не хотелось лезть из-за нее в вязкую, заросшую ряской жижу, но Рудаков все же слезил и сорвал лилию. Затем он вымылся в реке и присел на большую сухую кочку обсохнуть.
Солнце уже припекало всюю. Сегодня должен быть по-настоящему жаркий день. Как это здорово... Длинный, длинный жаркий день... Есть ли еще что-нибудь более прекрасное, чем длинный жаркий день в средней русской полосе? День, медленно текущий, словно река, окаймленная плачущими ивами, нежными, наивными березками, надменными, самоуверенными елями, крутыми, студенными озерами, мятыми лугами... А над днем — небо с разбросанными по нему редкими голубиными перьями; бездонное голубое небо... Небо, наполненное звуками детства.
Рудаков лег на спину, спустив ноги в мягкую мокрую траву болотца, закрыл

глаза и стал слушать небо. Небо молчало. Неужели он и впрямь огрубел душой? С самого детства он не слушал небо, а сегодня вот уже второй раз...

И вдруг он опять услышал голос отца, которого не помнил. На этот раз отец говорил что-то взволнованно, горячо, и так же взволнованно и горячо отвечала ему мать. Рудаков не мог разобрать слов, он только понимал, что они говорят о нем, о своем сыне. Семен Петрович пытался проникнуть в смысл разговора и не мог проникнуть. Потом голос отца затих, замер, растаял в небе, и послышался страшный, отчаянный крик матери. И этот крик, как и голос отца, Рудаков никогда до этого не вспоминал и не видел во сне.

Что это было? Никогда не дано узнать... Семен Петрович только знал, что это относится к нему... К его жизни. Может быть, это было предсмертное завещание отца? Какое? О чем? Каким отец хотел видеть его, своего сына?

Рудаков открыл глаза и встал. Ему не нравилась эта игра — слушать небо. Она тревожила душу. Нельзя безнаказанно заглядывать в детство. Да и зачем вспоминать утро, когда уже скоро вечер?

Семен Петрович с лилией в руке побрел по дорожке к бухте Радости, стараясь вытравить из головы неприятные звуки, особенно крик матери.

Нины не было. По пляжу ходила незнакомая женщина. Женщина была одета очень нарядно: макси-платье с желтыми разводами, седые пышные волосы, бусы, кольца на руках. Женщина прохаживалась по бухточке и нетерпеливо поглядывала наверх. Она была босиком. Что-то в движениях женщины показало Рудакову знакомым.

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

«Это же Нина вырядилась!» — ахнул Семен Петрович.

Он добежал до уступа, быстро прошел по-над водой и очутился в бухте Радости.

— Что за маскарад? — закричал он еще издали.

Нина посмотрела на него высокомерно.

— Сударь, в присутствии дамы потрудитесь вести себя прилично. Что за тон? А где ваша одежда? Пардон, но вы в neglige!

— В честь чего это?

— В честь нашего с тобой дня. Куда мне наряжаться? Некуда. Вот я и придумала, чтобы ты увидел меня нарядной. Правда, я не хуже других?

— Даже чуть-чуть лучше.

— Ах ты, негодяй!

— Чуть-чуть и еще немножко.

— Ты спи, а я пойду наверх, насобираю ромашек. Хочу сплести себе венок. Представляешь, как глупо будет выглядеть венок из ромашек на седой башке. Прелесть!

Нина, балансируя, пошла по уступу — ветер качал ее макси-платье, как колокол, а Рудаков завалился на совсем уже горячий песок.

Семен Петрович проснулся от жары и от предчувствия чего-то необычного, нехорошего. Пот заливал ему глаза, спина и ноги горели. Странно, почему Нина не накинула на него чего-нибудь? Так ведь можно стореть.

Рудаков приподнялся, быстро осмотрел бухту в поисках девушки и не поверил своим глазам. Такая фантастическая картина открылась перед ним. В бухте Радости пришвартовалась маленькая яхта, на носу ее стоял высокий крепкий парень и протягивал руку Нине, которая делала безуспешные попытки в своем макси-платье перепрыгнуть с берега на яхту. На ее седом парике глупо красовался венок из репейника и ромашек.

Яхта была чистенькая, белая, с треугольным синим парусом. На борту черной краской выделялась крупная надпись «Надежда». На корме лежали какие-то яркие тюки, спеленутые нейлоновыми веревками, наверно, палатка и другие принадлежности.

— Ну, смелее! — говорил парень.

— Ах! Ой! — смеялась Нина. Наконец ей удалось вскочить в яхту.

Только теперь Рудаков как следует рассмотрел яхтсмена. Был он загорелый до черноты, русые волосы спадали на плечи, глаза голубые, в сухом, тренированном теле угадывались железные мускулы-тросы. На вид ему можно было дать года двадцать два, двадцать три.

И тут оба разом увидели Рудакова. Наверно, со стороны Семен Петрович представлял из себя не очень эстетическое зрелище. Он стоял на коленях, весь вывалившийся в песок, с опухшим от сна лицом, в красных рубцах от долгого лежания, и ветер шевелил его черные, длинные, но уже начавшие редеть, полные песка волосы.

Яхтсмен сразу же отвернулся, делая вид, что ему надо поправить какую-то снасть, Нина же замахала руками.

— Я сейчас вернусь! На полчаса! Не скучай здесь! Я тебе сварила кашу... В котелке...

«Она не вернется», — подумал Семен Петрович. Он прошел по уступу и стал подниматься на вершину скалы. Горячая тропинка, голая, без травы, усыпанная пылью и камнями, обжигала подошвы босых ног, но Рудаков не замечал этого. Тело отошло ото сна, сердце билось тревожно, упруго, и он за пять минут взбежал на скалу.

Безграничный, наполненный ветром простор открылся его глазам. Все отсюда казалось мелким: и редкие деревья на берегу реки, и камыши, и дорога на лугу, и копны сена, и синяя-синяя полоска воды среди разноцветных берегов — один

зеленый от травы, другой белый от мела. Но особенно мелкой была яхта. Семен Петрович даже не сразу нашел ее. Синий парус слился с рекой, и только белое пятнышко корпуса трепыхалось посередине реки, как солнечный зайчик.

«Уплыла! Ах, черт возьми! Все-таки уплыла!»

Понимая, что это бессмысленно, Рудаков побежал вниз, к реке, вслед за яхтой.

Яхта открылась неожиданно. Она остановилась перед тесниной. Прежде чем ринуться между скал, река образовывала тихую заводь. В этой заводь, у своего берега, и увидел Рудаков яхту. Лодка была привязана канатом к торчавшей из-за коряге, а парень и Нина сидели на берегу и о чем-то оживленно говорили. Между ними на брезенте лежала еда — консервы с яркими этикетками и стояла четырехгранная большая бутылка.

Яхтсмен первым увидел Семена Петровича. Лицо его вытянулось, он непроизвольно сделал движение закрыть собой Нину, спрятать ее, но потом до него дошло, что это бесполезно, и яхтсмен принял угрожающий вид, совсем как нашкодивший кот, которого загноили в угол.

Девушка же, как показалось Семену Петровичу, равнодушно посмотрела на него. Она дымилась сигарой, вроде бы даже вызывающе, потом демонстративно поправила придуристый венок на голове.

Волоча сбитую о камень ногу, Семен Петрович подошел к ним и остановился шагах в трех, тяжело дыша: последний участок до того, как открылся вид на заводь, он бежал.

— Ну что, хорошо покатались? — спросил Рудаков первое, что пришло на ум.

— Неплохо, — ответила Нина сквозь зубы, так как сигара мешала ей говорить нормально. От этого фразы получилась наглой.

— Может быть, пора домой?

Рудаков старался разговаривать независимо, даже повелительно, он и держаться так хотел, но измазанный грязью, поцарапанный живот, покалеченная нога, сплывшие волосы — все это он видел как бы со стороны — лишали его уверенности.

— Да, вот в чем дело. — Нина вытащила сигару и принялась ее разглядывать. — Я еду на Азовское море.

— На Азовское море?

— Да. На Азовское море. Я никогда не была на Азовском море, и мне хочется на него посмотреть.

Беглянка опять заткнула рот сигарой.

— Брось валять дурака. Пошли домой. — Семен Петрович все еще силился произносить слова спокойно.

Невнятное бормотание. Клубы дыма.

— У нас... пфу... пфу... у нас нет дома... пфу... пфу...

— Слышь, папаша, отойдем, поговорить надо, — сказал яхтсмен.

— Пойдем, раз надо.

Парень двинулся в сторону скал, зажавших реку в тиски. Рудаков заковылял за ним следом. Они остановились возле воды, напротив яхты. Нина не могла их слышать.

— Вот что, папаша,— сказал яхтсмен.— Я понимаю, конечно, ваши чувства. Единственная дочь и все такое прочее... Но тем не менее факт, так сказать, валицо, и от него никуда не уйти.

— Какой факт? — спросил Рудаков.

— Я думал, вы уже догадались из сложившейся ситуации. Я полюбил вашу дочь, а ваша дочь полюбила меня. Это часто бывает. Любовь с первого взгляда. За дочку вы можете не беспокоиться. Намерения у меня самые серьезные. В селе Кирюховка мы распишемся. Чтоб вы не мандражировали. Я смотрел по карте...

— Она мне не дочь,— сказал Семен Петрович.

— Не понял,— удивился яхтсмен.

— Что же здесь непонятного! Она мне не дочь.

— Значит, племянница?

— И не племянница.

— А кто же?

— Жена,— сказал Рудаков.

Потенциальный олимпиец сначала отупел, потом протяжно присвистнул.

— Ну, папаша, поздравляю... Тогда нам, собственно говоря, курить гавану мира незачем. Так сказать, свобода выбора. Ну, ты даешь, папаша... Парень никак, видно, не мог опомниться.— Седина в бороду, бес в ребро, а?

— Вроде этого. Ну, а теперь, раз ты в курсе, мотай отсюда, щенок.

Глаза яхтсмена сузились.

— Это уж ты брось, папаша. Так сказать, оставьте ваши шуточки при себе. Дальше наше дело, папаша. Девочка натянула вам нос, папаша, и, так сказать, папаша, имейте мужество. Со старичками это частенько случается. Девушка хочет ехать со мной на Азовское море, и нет такой силы, которая бы ее остановила.

Парень повернулся и вразвалку направился к брезенту, где возвышался импорт и дымилась гавана. Сразу было видно, что с плеч будущего рекордсмена свалилась большая тяжесть. Рудаков догнал его и схватил сзади за плечо.

— Отчаливай. Твое барахло я тебе принесу.

Яхтсмен быстро повернулся к нападающему всем корпусом. По стойке, которую он машинально принял, Семен Петрович сразу понял, что имеет дело с боксером. В следующий момент Рудаков получил удар в солнечное сплетение. Против удивления он не упал и не почувствовал той боли, которую ожидал. Все-таки не такой он уж старый петух, как оказалось.

Выдохнув воздух, Рудаков ринулся на противника, нагнув голову, как бык. Его большая масса легко преодолела завесу из ударов, навалилась на противника и сбита с ног. Теперь борьба пошла в партере. Рудаков когда-то занимался классической борьбой, и все приемы сразу вспомнились сами собой. Он навалился на яхтсмена и намертво прижал его к земле.

— Ну что? Мотаешь?

— Ладно... Любитесь и размножайтесь... Мне-то что? Тебе же хотел лучше сделать... Бегаешь от инфаркта? Она тебе организует инфаркт... А я найду себе... не волнуйся... В Кирюховке найду...

Семен Петрович разжал клещи. Все-таки зеленые юнцы жидковаты против него. Это было приятно.

Яхтсмен поднялся, тщательно осмотрел себя.

— Черт... ногу поцарапал...

— До свадьбы заживет... Куда?!

— Пойду возьму вещи.

— Обойдешься. Военный трофей. Мотай, пока я добрый.

Семен Петрович поднял большой камень.

— Ну... ну... Будущий олимпиец попытался к своей яхте.— Ладно, подавись этим барахлом... Все равно брезент старый, бутылка почти пустая. Вот только ветчину жалко. Нераскрытая банка ветчины... Югославская. Слышь, папаша, может, отдашь ветчину?

— Мотай, мотай!

— Ладно, подавись и ветчиной.

Парень стал отвязывать лодку, поглядывая в сторону привала. Видно, он рассчитывал, что девушка, увидев отплытие жениха, прибежит к нему без зова. А заодно и принесет брезент и банку югославской нераспечатанной ветчины. Потом он отчалил.

Рудаков поплелся к месту привала. От борьбы с новоявленным женихом у него разболелась нога, и Семен Петрович едва волочил ее. Нина продолжала дымить сигарой. Он выдернул сигару изо рта и бросил в реку. Сигара злобно зашипела, испустила последний белый дух и исчезла в глубине.

Девушка засмеялась.

— Рыцарь. Настоящий рыцарь. Как ты его... Ха-ха-ха! Ты знаешь, на кого был похож? На циклопа из фильма «Странствия Одиссея». А я еще, дура, хотела бежать с этим хлипаком... Дай, милый, я тебя поцелую...— Нина протянула к Рудакову руки.

— Что это все значит? — спросил Семен Петрович.

— Это значит... Это значит...— Нина задумалась.— В самом деле, что это значит? Ты знаешь, я хотела, пожалуй, испытать свои чары.

— Ты их испытала уже на мне.

— Я думала, что ты исклочение.

— А оказалось, правило?

— Да. Оказалось, правило. Он влюбился с ходу, как дурак. С налету. Захватил, как щука живца. И пошел хвастаться, трепаться. Очаровывал. Из кожи лез.

Нина говорила все это весело, но лицо ее оставалось задумчивым и даже грустным.

— Как, оказывается, приятно нравиться мужчинам! — сказала она.

Кровь вдруг прилила к вискам Рудакова. Семен Петрович даже пошатнулся. Он и сам не ожидал, что так среагирует на эти слова. Наверно, его возмутили не сами слова, а тон, которым они были сказаны. Это был тон наивного удивления и даже восхищения. Да, его возмутили именно это удивление и восхищение. Прежде чем он проанализировал все это, его рука ударила Нину по щеке.

Девушка вскочила, щека ее горела.

— Ах ты, ста... — закричала она и осеклась.

— Старая калоша,— закончил за нее Семен Петрович.

— Впрочем... Ты же ревнуешь,— сказала Нина и засмеялась.— Боже мой! Сколько приключений за один день! Положение, объяснение в любви, драка из-за меня. И наконец ревность! Добрая, вечная ревность! Сегодня самый счастливый день! Старая милая калоша, дай я тебя обниму!

Остаток дня они провели в лугах. Нине захотелось собрать букет полевых цветов. Они переплыли реку, немного полежали на огромном пустом горячем

пляже, обсыхая, потом отряхнули друг другу спины от песка и пошли прямо по нескошенной траве к синему вдали лесу. Трава была мягкой, шелковистой, ноги, приминая ее, скользили, словно по натертому мастикой полу. В низинках трава закрывала их с головой. Один раз они даже потеряли друг друга. Нина спряталась, он стал ее искать и ушел далеко в сторону, а потом уже она искала его, кричала, но ветер уносил крики в сторону, и прошло с полчаса, пока они наконец встретились.

Под старой ветлой — первым форпостом близкого уже леса — они отдыхали. Близился вечер. У травы появились тени, словно она загустела; движения стеблей стали трудными, вязкими. Фигурная тень от ветлы выползла из полянки и стала припихиваться, присматриваться к лесу, словно животное, почувшавшее родное стадо.

Со стороны леса уже начало пахнуть вечером — сырým туманом и растревоженным родниками болотом. На опушках стала густнеть синева.

— Уже поздно идти в лес,— сказал Семен Петрович.— Надо до захода солнца успеть переплыть реку. Да и плохо там сейчас. В лесу хорошо утром...

— Посмотри, они раздетые...

— Кто? — не понял Рудаков.

— Цветы.

— Цветы раздетые?

— Ну да...

— Гм...

— А ты не понимаешь? Как бы тебе объяснить... Они словно сняли с себя одежду и говорят: вот мы какие, мы все-все вам показываем... Мы раздетые... Нам немного стыдно... Теперь понимаешь?

Семен Петрович сосредоточился, пытаясь уловить ее мысль.

— Они завлекают... Манят... Дразнят... Ну, понятно? Какой ты, право... Ну, понял?

— Пожалуй, понял...

— Ну вот... И вообще если над всем думать, то все кажется таким необычным, полным скрытого смысла... А разве ты никогда не думаешь над такими вещами?

Семен Петрович покачал головой. Закурил другую сигарету. На мгновение запахло сторевишей спичкой. Ветер унес синее облачко, прыгнул к траве, насильно заставил дышать траву табачным отравленным дымом. Рудакову показалось, что трава дышит с отвращением.

— Нет... никогда,— сказал Семен Петрович.— Мне хватало другого, о чем надо было думать.

— О вещах?

— Почему ты так решила?

— Почти все думают о вещах.

— Не только о вещах... Но, в общем, ты права. Больше всего, конечно, о вещах.

Вообще... о жизни...

— Что значит думать о жизни?

— Во всяком случае, не о цветах.

— Если бы я могла, я бы научила всех думать не о вещах, а о другом, более интересном. Но я не знаю, как это сделать.— Нина поправила волосы.— В жизни столько необычного, чудесного, а она так коротка... Не стоит ее отдавать лишь вещам...

— Ты забыла свой букет.

— Я не забыла. Он больше мне не нужен. Сослужил свою службу... Знаешь что, давай поговорим о более важном.

— Разве мы говорим не о важном?

— О важном... Но теперь все это не имеет никакого значения.

— Почему? — удивился Рудаков.

— Да так...

— Что с тобой случилось? Какая муха укусила?

— Никакая... Просто это все теория, а нам надо поговорить о деле. Осталось не так уж много времени.

— То есть? У нас же завтра почти целый день.

— Я сейчас уезжаю. В полвосьмого теплоход.

Семен Петрович посмотрел на девушку: уж не смеется ли она над ним? Но у Нины было серьезное лицо.

— Завтра меня кладут в больницу... На исследование... Может быть, предстоит операция. Во всяком случае, они добиваются моего согласия.

— Вот как... — пробормотал Рудаков.— Что же ты раньше...

— Что бы это изменило? Только бы пропал день...

— Значит, мы в следующую пятницу не увидимся?

— Обязательно увидимся.— Голос у Нины был твердый.— Ведь это только исследование. До пятницы я освобожусь. А не успею, так просто убегу... Ты обязательно приходи на пристань. Придешь?

— Конечно. А операция...

— Думаю, что это бессмысленно. Но они уверяют... Впрочем, подождем результатов обследования. Ну, хватит об этом.

Они подошли к реке. От скалы, как на Нининой картине, через реку, через пляж по траве тянулась к лесу длинная черная тень.

— Сеня,— сказала Нина.— У меня к тебе просьба. Давай попрощаемся здесь...

Ты останешься на пляже, а я переплыну и уйду на пристань одна... А ты уедешь следующим теплоходом.

— Почему?

— Мне так хочется...

— Я тебе надоел?

— Нет... Но мне надо побыть одной...

— Ладно,— покорно сказал Семен Петрович. Он привлек к себе девушку и поцеловал в лоб.

— Счастливо тебе.

— Спасибо за этот день. Это мой самый счастливый день...

Девушка порывисто оттолкнула его.

— Помни обо мне.

Она сняла платье и переплыла реку, держа его в левой руке над головой. Потом, не оглядываясь, ушла по уступу в пещеру...

...Через полчаса мимо Рудакова прошел теплоход. Нина стояла у борта и смотрела на него, не улыбаясь, не делая ни единого движения. В целях конспирации. И Семен Петрович смотрел на нее безразлично. В целях конспирации.

Потом теплоход вошел в тень от скалы, и Нины почти не стало видно. Песок на пляже уже давно был холодным. Черная скальная тень достигла леса и слилась с ним. На долину напоздали туманные сизые сумерки. На лугу тонко и печально кричала какая-то птица...

Рудаков вошел в воду и поплыл через реку.

Подвиг Спартака

Время огня

Это время огня — надо во всем
мире видеть свет.
ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА.

Над планетой летят
и летят журавли...
Им не надо границ.
— Что для птиц

переправы?
На бескрайних путях
многоликой земли
только реки вдали
да зеленые травы.

Хорошо им...
— А нам?

Журавлиный простор,
он искромсан на части
клинком пограничным.
— Хочешь счастья?
— Ты брось укоряющий взор —
жизнь вокруг предстает
бесконечно различной.
Вы поймите меня —
это время огня...
Вы поймите меня —
это время сражений.

Это время свершений,
размахов саженьных.
Это время позора
и гордости время.
Век двадцатый в дозоре —
он ждет обновления.
Век, открывший свободу,
решивший вопросы,
что не снились народам,
а предкам —

тем более...

Век двадцатый,
когда удивительно просто
умирали за правду,
не чувствуя боли,
среди белого дня.
Это время огня,
и в его озаренье
все сошлось воедино,
как в капле воды:
от беды —

до улыбки,
от жизни —

до тленья!
Век уходит,
огнем обжигая следы.
Это свет,
отраженный в делах человеческих.
Это отблеск побед
на тревожном пути.
Это дружбы поток,
устремленный навстречу,
с открытой песней

летит,

над планетой звеня,
за собою маня.
Это время огня...
Это

время
огня!

Рисунки
Вениамина КОСТИЦЫНА

Полжизни я
за те слова отдам...

Над букварем,
бессильны и немые,
Впервые прочитали по складам:
«Мы не рабы.»

«Рабы не мы» —
В семнадцатом
псковские мужики,
В ликбезе увидавшие зарю,
Не знавшие ни Рима, ни Фракии,
Поверившие букварю.
Простой мужик,
он быстро раскумекал

Простую тайну:
жить рабом нельзя,
Неистребимой верой в человека
Любым поработителям грозя.

И пусть в нас повторится
Сквозь даль времен,
как просверк маяка,
Бессмертие великого фракийца —
Тысячелетний подвиг Спартака.

Ты посмотри,
какое волшебство,
Сквозь время продираясь,
сквозь века,
Вдруг ощутить звучание того,
Что заполняло сердце Спартака.
Мы не рабы...
Сказать слова такие,
Заставившие содрогнуться Рим!
Их подарила Спартаку Фракия.
За них
мы Спартака благодарим.
Мы не рабы...
И пусть в нас повторится
Сквозь даль времен,
как просверк маяка,
Бессмертие великого фракийца —
Тысячелетний подвиг Спартака.

Легендой овеянный Че

БАЛЛАДА

Погибший в Боливи ле-
гendarный герой Кубы Че
Гевара внесен в списки моло-
дежной бригады строите-
лей Саяно-Шушенской ГЭС.

Не знаю,
какими путями —
Да правда ли это вообще, —
Но слышал я,

свиделся с нами
Легендой овеянный Че.
На бурном пути Енисея,
У скалоподобных высот,
В бетонной щели камня,
Над пеной плотина встает.
И здесь,

на саянских отрогах,
В огнях енисейских ночей
Возник на плотине двурогой
Легендой овеянный Че.
Над Шушей застыли Саяны.
С прожилками мрамор блестит.
И воздух

кедровником пряным —
Не ромом гаванским — хмелит.
Но он,

пересекший полмира,
Не может он ждать до зари —
Негромко зовет бригадира:
— Ну, как тут у вас, говори!
Комсорг молодежи бригады,
Приехавший из Костромы,
Ему отвечает:

— Как надо
Ведем наступление мы.
И ваше кубинское имя
В бригадный расчет внесено.
И ваша работа

моя
Друзьями творится давно.
Заслушался парня барбудо.
В сиянии первых лучей
Смеется молчаливый покуда,
Легендой овеянный Че:
— Я вижу,

отличное место
Наметили вы для атак.
На склонах Сиеро-Маэстро
И мы начинали вот так!
Но солнце проснулось:

пора, мол,
Спешу...
Ожидать ни к чему!..
...Саянский, с прожилками мрамор
Уже предназначен ему.

Аспарухов мост

Через Варненский залив
недавно воздвигнут чудо-
мост, названный именем из-
вестного в древней истории
Болгарии вождя Аспаруха.

Он висит над заливом,
А где-то внизу
Комариную свадьбу
Кружат katerишки.

Я ловлю их моторный
Назойливый зуд
И невольно вздыхаю:
— Ну, это уж слишком!

На такой высоте
И в такой красоте
Мост висит над заливом,
Связав берега,
Возносясь горделиво
На стройных ногах.

Продолженьем земли,
Утвержденьем земли
Рукотворное чудо
Перекрыло залив.

А внизу автострадами
Скручена Варна —
По рукам и ногам
Серпантинном дорог.

— Ты меня развяжи!
Я в ловушке коварной.
Мой строптивый характер
В плену изнемог.

— Слушай, ты,
С высоты,
Осадлавший мосты:
У тебя под ногами
Совсем, как мечта,
Синей птицы крылами —
Моста прямота.

У тебя под руками —
Сама красота...
Эта вечная сила
Дана неспроста.

Не теряй красоты
От такой высоты!
Не теряй высоты
От такой красоты!

То ли слышатся мне
Те слова в тишине?..
То ли грезится мне
В голубой вышине?..

Только я у перил
От волненья застыл:
Не могу расковать
Колдовство красоты.

Не хочу рисковать
Глубиной высоты.

БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

Недавно в редакцию приехали пи-
онеры из Обнинска. Они привезли для
Уренгойской библиотеки 3464 книги.
Ребята рассказали, как им удалось
собрать такое внушительное количе-
ство книг.

В отчете обнинских пионеров за-
писано: «В операции «Подарок дале-
ким друзьям» активно участвовали все
школы». Ребята с большим энтузиаз-
мом собирали книги, некоторые при-
несли по 70—100 штук. Больше всего
собрали книг пионерские дружины
школ № 8, № 3, № 6.

Мы надеемся, что эти книги будут
мостом дружбы между пионерами Об-
нинска и пионерами поселка Новый
Уренгой».

Несколько бандеролей с книгами ре-
дакция получила от грузинских
школьников. «Мы, интернационали-
сты из Клуба интернациональной
дружбы «Фидель», с большим удо-
вольствием принимаем участие в соз-
дании Уренгойской библиотеки, счи-
тая это большим делом во славу друж-
бы народов нашей любимой Родины!
Шлем массу теплых пожеланий чита-
телям библиотеки с берегов Черного
моря!

Средняя школа № 2 г. Очамчыра,
Абхазия».

Прекрасный пример дружбы наших
народов показали многие молодежные
клубы КИД из разных республик
страны. Члены Клуба интернаци-
ональной дружбы «Июнь» Варней-
ской средней школы Литвы собрали
для строителей Уренгойской библиотеки
книг литовских писателей. В сопроводительном письме они написали:

«У нас есть такая надежда, что кто-
нибудь из строителей напишет в наш
клуб. Нам очень хотелось бы иметь
друзей в таком далеком уголке нашей
страны».

Книги для библиотеки продолжают
поступать ежедневно. Редакция благо-
дарит тех, кто принял участие в этой
поистине всенародной акции. Свой
вклад в создание библиотеки внесли:
воспитанники Ижевской школы-
интерната Ульяновской области, уче-
ники Кривичавской средней школы
Дзержинской области, клуб дру-
зей кино при московском кинотеатре
«Варшава», учитель А. Чекулин из Ар-
хангельска, студенты Кировского ме-
ханико-технологического техникума,
экономист бумажной фабрики Н. Ша-
ряна из Клаунаса, пионер «Орленок»
Дворца пионеров из г. Губинна, ин-
женер-гидротехник М. Чекулева из
г. Глубокое, Витебской области, члены
комитета комсомола и работники биб-
лиотеки рубежанского филиала Воро-
шиловградского машиностроительного
института, учащиеся средней школы
№ 29 Сызрань Куйбышевской об-
ласти, инженер-электрик В. Мавров
из пос. Болшево, Московской области,
Л. Никольская из Комсомольска-на-
Амуре, комсомольцы-сотрудники ки-
федров общественных наук и биб-
лиотеки Кировского сельскохозяйствен-
ного института, сотрудники Управле-
ния главного архитектора Липецка ра-
ботники областной юношеской биб-
лиотеки Вологды, работники Еланской
детской библиотеки, М. Саволова из
Стерлитамака.

«...Народ восстал против продажного режима. Бедные и богатые, консерваторы и коммунисты, женщины и партизаны объединились в борьбе против Сомосы и его национальной гвардии...»—это строки из западногерманского журнала «ГЕО».

Американцы Ричард Элмэн, профессор нью-йоркского Колумбийского университета, и Сьюзен Майзелас, фоторепортер, были свидетелями гражданской войны, которая разгорается в Никарагуа, свидетелями преступлений и подвигов, скорби и мужества. Их репортаж—не политическое исследование, а непосредственные впечатления очевидцев, наблюдавших трагедию народа и эпизоды его борьбы.

Насквозь прогнивший режим Сомосы в отчаянных попытках противостоять волне народного гнева прибегает к обычному оружию реакции—террору. Надругательство над правами граждан, варварские преступления—таковы зловещие будни диктатуры, этого политического анахронизма века.

Все более массовыми становятся выступления против Сомосы, все активнее действия повстанцев. Линия фронта проходит через любой город, через любой поселок Никарагуа. Войска диктатора и присланные по указке Вашингтона отряды интервентов не в состоянии контролировать положение. Пламя восстания охватило страну. В авангарде борьбы—Фронт национального освобождения имени Сандиньо.

Итак, Никарагуа сегодня...

**МСТИТЕЛИ ИЗМУЧЕННОГО НАРОДА.
ГЛАВНАЯ ТОРГОВАЯ УЛИЦА МАСАИ ЛЕЖИТ В РАЗВАЛИНАХ.**

Государство в семейной собственности. Едва лишь враждебно настроенный по отношению к Америке каудильо Хосе Сантос Целайа поставил Никарагуа под контроль центрального правительства, как в 1912 году американские головорезы-десантники оккупировали эту страну, лежащую посреди континента,—«для защиты американских интересов». Когда в 1933 году корабли ушли, американцы оставили Анастасию Сомоса Гарсии, отцу нынешнего властителя, в качестве инструмента власти национальную гвардию. «Сомоса—подонок,—сказал тогда президент США Франклин Д. Рузвельт,—но он на нашей стороне». Армия, которую с самого начала муштровали, вооружали и широко финансировали Соединенные Штаты, обеспечила династии Сомосы возможность более четырех десятилетий править страной с населением в 2,3 миллиона человек.

Каждый предприниматель, который основывал в Никарагуа сулившую барыши фирму, должен был делать клан Сомосы негласным совладельцем—и при этом, естественно, платить ему мзду. Члены семейства Сомосы, личное состояние которых оценивается в 600 миллионов долларов, являются совладельцами 85 процентов всех предприятий страны. Анастасию Сомоса Дебайле, выпускник американских военных академий Ла Салль и Вест-Пойнт, взял в 1967 году бразды правления. Бесхозяйственность и коррупция все более уси-

В РЕЗУЛЬТАТЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 1972 ГОДА В МАНАГУА ПОГИБЛИ 10 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК И 250 ТЫСЯЧ ОСТАЛИСЬ БЕЗ КРОВА. ДИКТАТОР ПРИКАЗАЛ ВНОВЬ ЗАСТРАИВАТЬ СТОЛИЦУ ТАМ, ГДЕ ЗЕМЛЯ УЖЕ ПРИНАДЛЕЖАЛА ЕГО КЛАНУ ИЛИ ГДЕ ОН МОГ КУПИТЬ ЕЕ ПО ДЕШЕВКЕ. НО БЕДНЯКИ НЕ МОГЛИ ПЛАТИТЬ СПЕКУЛЯТИВНЫХ СУММ ЗА НОВЫЕ КВАРТИРЫ; С ТЕХ ПОР ОНИ ОБИТАЮТ В РУИНАХ РАЗРУШЕННОГО МАНАГУА.

**НОВАЯ
РУБРИКА**
Горячие точки
планеты

Ричард ЭЛМЭН
Фото Сьюзен МАЙЗЕЛАС

КОГДА НАРО

КОГДА В САН-МАРКОСЕ БЫЛ ЗАСТРЕЛЕН ДЕСЯТИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, ПОВСТАНЦЫ КОСТРАМИ ЗАБЛОКИРОВАЛИ ВСЕ ВАЖНЕЙШИЕ УЛИЦЫ.

ИНДЕЙСКАЯ МАТЬ С РЕБЕНКОМ И СКРОМНЫМ СКАРБОМ ПОКИНУЛА ХИЖИНУ, ЧТОБЫ НАЙТИ УБЕЖИЩЕ В СОСЕДНЕЙ ДЕРЕВНЕ.

ливали оппозицию: в рамках «широкого оппозиционного фронта» объединились предприниматели, профсоюзные деятели, служители церкви и партизаны фронта освобождения имени Сандиньо...

Из страха перед другими восстаниями США до сих пор опасались порывать с режимом Сомосы: успех революции в Никарагуа мог бы вдохновить на освободительную борьбу безземельных кампезинос Гондураса, Сальвадора и Гватемалы и поколебать политическое и экономическое влияние США на диктатуры в этих странах.

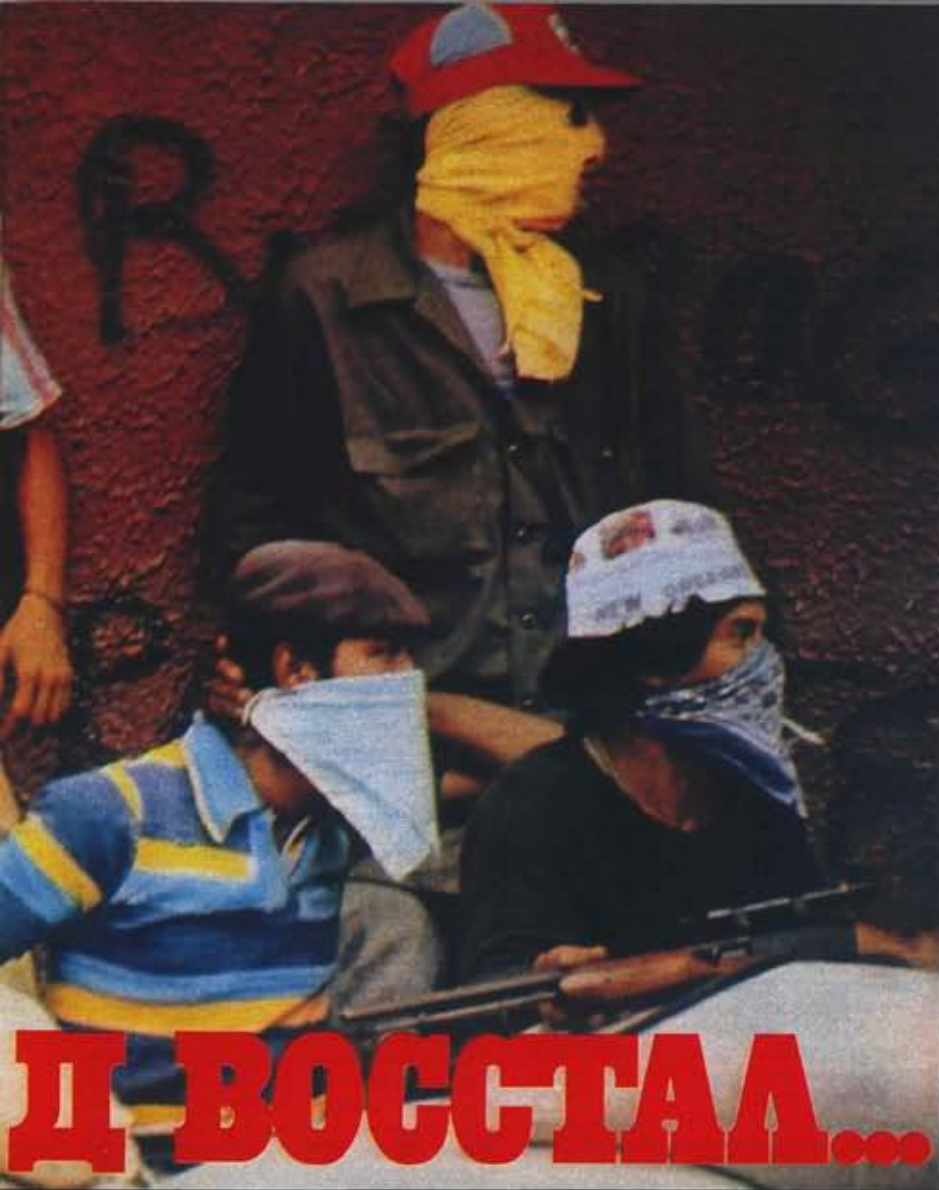
К 18.30 тьма сделалась непроглядной: люди в предместье, похоже, собирались отправиться спать, чтобы суметь подняться с первым лучом солнца на уборку урожая.

Я прибыл в Монимбо, чтобы встретиться с Армандо, через которого держал связь с освободительным фронтом. Мы договаривались на 18 часов; мне предстояла вторая ночь без сна. Монимбо—предместье Масаи, города, лежащего в 30 километрах от Манагуа.

В бледно-желтом свете свисающей лампы я видел сапожника-индейца, который в грозной темноте двора повернулся ко мне и всем остальным спиной и поднес к губам корнет. Напротив него, на растрескавшейся глиняной стене, висело большое зеркало...

Армандо не появлялся, это могло означать либо неприятности, либо надежду. Люди, казалось, ничего не знают или же не хотят мне ничего говорить. Они жевали сухие колосья—все, что составляло их пищу.

Д ВОССТАЛ...

Поверх их больших, старомодных одежд лежали красивые, белые с синим, покрывала ручной работы. Но они рассказывали мне, что уже много дней спят на полу, плотно прижавшись к самой толстой стене, чтобы защитить себя от пуль солдат национальной гвардии.

Штаб-квартира национальной гвардии и военная академия были расположены совсем рядом с моим отелем в Манагуа, так же, как и бункер генерала Сомосы. Каждое утро после пронзительно резкого сигнала побудки я слышал мрачно-вагито-слащавую мелодию с проигрываемой пластинки и немногим позже видел солдат в американских комбинезонах, возившихся с американскими автоматическими винтовками и израильскими автоматами.

На старом индейце не было ничего, кроме голубовато-серых брюк, похожих на те, что носят пожарные. Он играл на корнете незатейливо и громко, при этом его губы растягивались в улыбку: я услышал деревянный, словно читаемый с листа национальный марш. Мне почудилось, что именно эта песня вдохновила партизан генерала Аугусто Сесара Сандино атаковать американский флот. Исполняли ее и в 1934 году, когда папаша Сомоса приказал прикончить народного героя и предводителя партизан Сандино. Место Сандино занял сегодня Frente Sandinista de Liberación Nacional — Национальный фронт освобождения имени Сандино.

Мелодия звучала неритмично; и чем менее выразительно он играл, тем чаще рассыпались каденции, подобно неметко посланным снарядам, с треском ударявшим в низкие стены лачуг и домов. Двумя-тремя кварталами дальше, в сточном канале, рвались гранаты.

На углу ближайшей улицы патруль национальной гвардии силенился одолеть подъем на своих «джипах» с лязгающей передачей. «Джипы» испанские, их импортирует торговая компания, принадлежащая семейству Сомосы.

На следующее утро, в воскресенье,

дорога в Леон, второй по величине город Никарагуа, была перекрыта. Солдаты национальной гвардии, застегнутые до подбородка, как будто бы они не желали выпускать зной из своих оливковых курток, вытаскивали из трех автобусов мужчин и женщин и в утренней жаре заставляли их выстраиваться друг за другом, сцепив руки на затылке.

Они ковырялись винтовками в корзинах и тюках, обыскивали салоны автобусов, заглядывали под кожух моторов. Внезапно рядом затормозил грузовик. В кузове «клетка» со ста или более людьми, которые в испуге и замешательстве один за другим спрыгивали на землю, — на милость гвардейцев.

«ОСВОБОДИ РОДИНУ ИЛИ УМРИ!» — ПЕЛА ТРАУРНАЯ ПРОЦЕССИЯ, КОГДА ГРОБЫ С ТЕЛАМИ РАССТРЕЛЯННЫХ ПОВСТАНЦЕВ НЕСЛИ К МОГИЛАМ.

жаркого шлепались на сковородку с раскаленным жиром.

На улице, приблизительно в 500 метрах от нас, горел большой желтый автобус — такие обычно развозят школьников, — и огромные шары прожорливого пламени с треском вырывались из масляной, оранжево-черной массы. Некоторые машины были перевернуты, другие сцеплены между собой, двери распахнуты; пахло горящим вином и паленой обивкой. Противударные ветровые стекла лопались со звоном, кузова коржились и плавились.

Несколько мужчин и подростков стояли на выступе стены, с которого они могли обозревать улицу. Дверь позади них вела в таверну, где продавалось пиво «Виктория». Я подобрался к ним и спросил по-испански, как все это произошло. Ответ дал мужчина средних лет, который представился как зубной врач.

«Люди сделали это», — сказал он.

Накануне вечером, когда мы в темноте покидали Монимбо, партизаны фронта освобождения совершили боевые вылазки в Леоне, Дириамбе, Чинандеге и Эстели, в предместьях Манагуа и Масаи.

Они открыли огонь и при поддержке населения штурмом взяли все улицы, и национальная гвардия отступила на укрепленные позиции в центр города. Теперь, через несколько часов после восхода солнца, она выслала патрули, которые должны были перекрыть дороги и воспрепятствовать тем самым связи между восставшими.

Нас задержали из-за того, что мы фотографировали. Один из гвардейцев прикладом винтовки втолкнул нас в барак. Там тучный майор как раз допрашивал молодого пленного.

Пленный опустил на колени. Его молодое, свежее лицо было бледно, на лбу выступил пот, губы и часть подбородка выпачканы чем-то красным, так, словно он поспешно красился. Глаз его был закрыт повязкой, на правой щеке багровело пятно, похожее на след губной помады.

Его подружка сидела на корточках у стены, поленьевая симпатичная девушка в пурпурном платье. Она тихо всхлипывала.

Когда юноша встал перед майором на колени, лицо его выражало презрение. Весь его вид говорил, что он скорее даст растерзать себя на куски, чем скажет хотя бы слово.

Майор взял наши удостоверения представителей прессы, и я спросил себя, неужели и мне придется встать на колени перед этой образиной в американской военной форме.

Я вспомнил о панике, охватившей меня в прошлую ночь, о не поддающейся описанию полумночной тьме Манагуа, когда мы возвращались, вспомнил о длинных пустых улицах, на которые мы выбирались, чтобы осмотреться. Пальба, казалось, была повсюду — кроме того места, где мы как раз находились. Звук был такой, будто огромные куски

«Когда? Зачем?» — спросил я.

Его лицо словно пожелтело на мгновение, глаза, казалось, расширились, раскрытая ладонь обратилась к огню, как бы желая схватить смоляной факел:

«Потому что мы не хотим этого проклятого правительства, — закричал он мне, — и об этом ты должен рассказать у себя там!»

«Вы просто великолепно сложены. — Майор шутил так, будто бы обращаясь к своему псу. — С вашими габаритами вы представляете превосходную мишень».

Он вернул мне мой паспорт.

Я встал за деревьями, растущими по одну сторону барака, потом, согнувшись, прошел к патрульным машинам; в это время Сюзен фотографировала мужчин и женщин, которых обыскивали на дороге. Вид женщин в платьях из светлого хлопка, со сцепленными на затылке руками, плотно притиснутых одна к другой, вызвал в памяти то раннее утро, когда в предместье я увидел первого мертвого в Никарагуа.

Позади нас толпились люди, они уставились на юношу, который лежал в палисаднике перед лачугой, вытянув руки. Он лежал скорчившись и был похож на только что забитого кролика.

Он угодил в темноте под перекрестный огонь. Никто из стоящих вокруг не мог с уверенностью сказать, был ли он сандинистом или только одним из «мучачос», сочувствующих им.

Его серое лицо казалось незадетым, только тело было растерзано. Лужа крови...

Тело мертвого юноши не идет у меня из памяти — как и многие другие, которые были разодраны в клочья или сожжены до костей. Лица, похожие, были искажены гримасой боли и негодования, и они были исполнены скорби.

Незнакомые люди на улицах с готовностью описывали нам ход борьбы в отдельных районах города. Один из них сказал, глядя на обуглившийся труп: «Я

думаю, твоему президенту Картеру следовало бы посмотреть на этого парня».

Я помню двух добровольцев из Красного Креста, которые по дороге в Леон были разорваны на куски пулеметными очередями национальной гвардии в своей машине с понятным для всех знаком. Я вспоминаю об этом и чувствую себя больным от горя и гнева.

Колонель Валле Салинас, шеф полиции центральной тюрьмы в Манагуа, сидел в своем маленьком, ярко освещенном бюро и пускал сигарный дым в лица посетителей и доносчиков. Обвисшие плечи делали его похожим на вулкан Момотомба.

Колонель носил усы а ля Панчо Вилья, кончики усов уныло смотрели вниз. Во рту у него поблескивали золотые пломбы, бакенбарды отдавали легкой седина. Позади него висел огромный, от пола до потолка, фотопортрет генерала Сомосы: представительная, элегантная фигура с бородкой. Генерал омерзительно ухмылялся из своего обрамления.

В одном из углов комнаты между бело-синими флагами стояла двухстволка. У чернокожего мальчика-расыльного за поясом по-пиратски торчал револьвер. Когда я сказал, что я журналист и хотел бы видеть политических заключенных, лицо колонеля застыло, теперь он выглядел как переводная картинка. Он взял меня на прищел между большими пальцами: «Если б только у нас были такие заключенные, дружище! Но у нас свободная страна, черт побери, и мы не держим в тюрьмах этих проклятых политических! У нас там только пьяницы и воры».

Меня вытолкали наружу, в ужасающую жару приемных и дворики, где в ожидании толпились женщины, пришедшие справиться о своих мужьях и сыновьях.

Народ ненавидит гвардейцев, ибо они являют собой армию наемных убийц, которые без церемоний «убирают» бедняков, да и богатых тоже, если подворачивается удобный случай. Многие солдаты национальной гвардии — в прошлом непревзойденные «спецы» с солидным тюремным стажем, торговцы наркотиками и наркоманы, сутенеры и мошенники. Выходцы из бедных слоев, они стали теперь обладателями кругленькой суммы в банке и «мерседеса». Они презирают всякое живое существо, за исключением разве что пары лошадей.

В Соединенных Штатах и в зоне Панамского канала их вымуштровали, превратив в элиту убийц. Они заставляют становиться на колени каждого, кто попадает в их руки, и наслаждаются, видя, как их жертву бросает в пот от ужаса.

Двигаясь по пустынным улицам Леона, мы на мгновение укрылись в здании Красного Креста. Переговаривались тихо. Взрывы бомб и выстрелы раздавались, казалось, где-то в отдалении, но не прекращались: пульс гражданской войны. Вскоре мы уже покинули свое укрытие и по дорожкам, вдоль которых росли желтые лилии, по улицам, усеянным осколками стекла, начали пробираться к школе, в которой испанские священники занимались лишившимися крова.

В Типитана детей поднимали в половине пятого утра и сажали в грузовик. Они несли горшочки с едой и мачете. Лоб и шею они обматывали носовыми платками, на некоторых были бейсбольные шапочки, отчего они выглядели как французы из иностранного легиона. Им было лет по 10—12. Они ездили пропалывать хлопковые плантации, работая до 14 часов. Потом некоторые из них шли в школу.

На большей части домов красной и черной краской были написаны лозунги, носящие диктатора. На углу одной из улиц мальчишки хором пели «Народ и повстанцы едины». Пение замолкло, когда подкатили «джипы» национальной гвардии. Мальчишки разбежались

по домам, но вскоре опять возвратились, чтобы соорудить баррикаду из булыжников. Они швыряли петарды и поджигали автопокрышки на перекрестках, повторяя хором: «Patria o Muerte...» — «Родина или смерть...»

Скандировавшие требовали от диктатора, его семьи и сподвижников предстать перед судом народа или убраться из Никарагуа следующим же самолетом, когда внезапно с ближайшего уличного угла донесся крик: «¡Ahí viene la guardia!» — «Гвардейцы идут!» Меня толкнула какая-то женщина, и я вдруг забыл предупреждения друзей, говоривших, что бегать не надо, впал в панику и помчался вниз по улице, пока не наткнулся на открытую дверь и чьи-то руки не втащили меня в подъезд. Деревянную дверь закрыли на засов, и я почувствовал себя в надежном укрытии. Кто-то ухватил меня за запястье и сжал до боли, потом человек посветил мне в лицо зажженной спичкой и сказал: «Вы должны написать об этом, потому что это крик, раздающийся над всей Никарагуа: «¡Ahí viene la guardia!» — «Гвардейцы идут!»

«Как говорим мы в Никарагуа: здесь твой дом, и ты знаешь путь, ведущий сюда». Марко, поэт, улыбнулся, приветствуя меня. Он провел меня вверх по лестнице в мастерскую.

Было 10 часов утра. Марко протянул мне шотландское виски и показал отверстие в стенах, оставленные осколками крупнокалиберных снарядов.

Марко не пил. У него было скверно с нервами. Он уже чересчур долго находился в зоне обстрела. Сегодня сложно писать, говорил он. Он семь раз был в тюрьме, где каждый раз его пытали. Внизу за обеденным столом его дети играли со своими друзьями, среди цветущих растений и стихов, заключенных в рамки и развешанных на стенах. Когда я спросил его, не хочет ли он покинуть Никарагуа, Марко кратко улыбнулся: «Мой род тысячелетиями жил здесь, и я останусь здесь». Он только вот в ближайшее время переместит мастерскую пониже, чтобы уйти из простреливаемой зоны.

Министр туризма был бледен. Синий с белым костюм, воротничок рубашки далеко отстоит от шеи, повязанной темносиним платком... Он напоминал мальчика в матросском костюмчике, который вот-вот отправится в большой поход. Весь вечер он сидел в фойе отеля «Интерконтиненталь», медленно напиившись и плакал оттого, что его дети находились в поместье за сорок километров отсюда, отделенные от города перекрытыми дорогами и местами, где шли бои.

По-английски он не говорил. И по-французски тоже. За всю жизнь он не сделал ничего собственными руками, но был однажды министром труда.

Он был так пьян, что пускал слюны и подолгу торчал в туалете. Я должен был провести с ним ночь в фойе, но спустя два дня, когда ход борьбы изменился в пользу сторонников Сомосы и я увидел его за завтраком вместе с какой-то красивой девушкой, он меня не узнал.

«Мы победим», — произнес молодой боец фронта Сандино. У него почти полностью оторвало стопу ручной гранатой, которую он пытался отпихнуть ногой во время боев при Пенас Бланкас. Он казался слабым и опечаленным, боль придавала его взгляду выражение отрешенности. Он, запинаясь, но непонятно говорил по-английски, потому что около пятнадцати лет жил у бухты в Сан-Франциско.

По пути из отеля в кварталы, разрушенные землетрясением 1972 года, мы слышали мелодии из «Saturday Night Fever», доносившиеся из потонувших в бурьяне домов. В правительственных коммунах, которыми были забиты почтовые ящики, говорилось, что национальная гвардия сражается во имя со-

хранения республики и христианской веры. В тот воскресный полдень некоторые кварталы Леона выглядели, как города Рура в конце второй мировой войны: обрушившиеся стены домов, раздробленные балки, сгоревшие автомобили, белые флаги, гильзы и осколки стекла.

Зрелище беспредельной пустоты: бледные, молчаливые люди в дверных проемах, делающие знаки прохожим, призывая укрыться тут или там. Они принимали нас, поили водой или лимонадом; снаружи пули ударили в стены домов. Они показывали нам осколки снарядов и гильзы, подобранные на улице. В прохладных, темных домах мы вместе испытывали страх...

Хозяева лавок и владельцы домов были нашими проводниками и друзьями; они вели нас от подъезда к подъезду, от одного угла улицы к другому. Они подавали нам знаки и подбадривающе кивали — как родители, которые следят за первыми шагами своего ребенка. Все боялись, что внезапно могут появиться солдаты национальной гвардии.

В то воскресенье в Леоне мы не встретили ни одного сандиниста, ни мертвого, ни живого. В колониального стиля доме мать троих взрослых сыновей села за швейную машинку и прикрепила мне белый флаг к маленькому дереву; а в фотостудии рядом с рыночной площадью мы, примостившись между портретами мисс Никарагуа, фотографами выпускных классов и юпитерами, пили, словно на пляже, кока-колу. Было слышно, как снаружи пулеметы обмениваются любезностями.

В столовой одной из школ испанский священник велел приготовить для нас картофель фри и предложил лимонад. Потом он показал нам оболочку американского снаряда, который был так велик, что пробил стену убежища, — в обычное время здесь размещался детский сад... Позднее священник и монахиня вывели нас из города на автобусе «Фольксваген», увешанном белыми полотнищами. Мы проехали поддороги, до церкви, дальше они ехать побоялись.

Мы прижимались к стенам домов, перепрыгивая от порога к порогу. Мы размахивали белыми флагами, затылок одеревенел, словно впечатанный в цемент... В какой-то момент я взглянул во внутренний двор госпиталя и увидел лицо гвардейца всего в трех метрах. Он пристально смотрел на меня из-под новенького шлема, а солдаты из его команды пинками распахивали двери во двор и лалили из автоматов в каждое помещение.

Когда мы шли вдоль стены кладбища, то услышали переговоры гвардейцев через усилитель и увидели под одним из миндальных деревьев их штаб — и вдруг осознали, что Леон окружен. Я подумал, что многие из тех людей, которые помогали нам, в ближайшие сорок восемь часов, возможно, будут убиты.

Как в кино, неожиданно подъехал к нам белый вездеход «тойота», в нем сидели четверо вооруженных мужчин в масках. Машина резко затормозила, и человек за рулем, с забинтованными грудью и лбом, крикнул нам: «¡Vámanos!» — «Ну, идите же!» Он подождал секунду, вторую, крикнул еще раз, и в следующий миг Сьюзен и молодой испанский фотограф вскочили в открытую часть машины и сразу же пригнулись. «Тойота» тронулась и помчалась зигзагами через улицу прямо на перекрестный огонь, потом вдруг резко свернула влево в направлении пылающей рыночной площади.

Спустя десять минут «тойота» появилась вновь, за рулем сидел все тот же человек. Он снова крикнул «¡Vámanos!», приостановился, и трое из нас вскочили в машину через распахнутую дверь — и я в том числе. Водитель высадил нас в спокойном квартале, заполненном бойцами фронта освобождения.

Они стояли небольшими группами, подбегали к углам улиц, где были расставлены посты, прибежали назад и со-

вещались. Они сражались двое суток и были совершенно измотаны.

Ими руководили темноволосяный парень, копия актера Антони Квинна, лет двадцати семи, и хрупкий юноша в синей рубашке, в очках, с автоматом. Когда мы подошли, двойник Антони Квинна роздал мои сигареты товарищам, забрал себе оставшиеся в пачке и обрушился на фотографов: «Терпеть не могу этих проклятых фотографов!» Пятью минутами позже он с воинственным видом позировал вместе с другими партизанами. Они потрясали оружием в позе победителей. Он разорвал фотографию Сомосы, но когда один из парней собрался выстрелить в обрывки, руководители одернули его, сказав, что они не могут растрачивать на это патроны.

Немногим позже появился парень, который роздал скудные порции хлеба и фруктов, доставая их из синего парусинового мешка. Спустя четверть часа вдоль улицы медленно проехал водовоз, на ступеньках его кабины висели часовые. Машина останавливалась у каждой двери, и партизаны предлагали жителям брать воду — многие уже двое суток сидели без воды и электричества.

Занималось утро, в воздухе висел черный дым. Большинство повстанцев исчезли в других кварталах города, и мы снова остались одни, словно сделавшись жертвой собственного вымысла. Борьба, казалось, переместилась в Монимбо.

Стало тихо. Над нами планировал военный самолет, из установленного на нем мегафона донесся голос, предупреждавший, что город осажден и через час будет подвергнут бомбардировке.

Вскоре на город посыпались бомбы, и последующие часы мы были прикованы к своему убежищу. Мы пили томатный сок из банок; снаружи в это время шла война. Сандинисты заняли уличную баррикаду, гвардейцы с автоматами атаковали их. Где-то рядом рвались бомбы и гранаты. Хозяин лавки делился с нами сигаретами, кричал ребенок, жена хозяйина купала дочку, и каждый раз, прекращаясь на миг, огонь сразу же начинался снова, пока не наступила долгая тишина, длившаяся, казалось, вечность. В действительности прошло всего пять минут. Потом кто-то сказал, что все, вероятно, миновало.

Мы вышли наружу. Гвардейцы и сандинисты исчезли, а может быть, были мертвы. Мы глядели на растерзанные улицы, размахивали белым флагом, на цыпочках прошли мимо пожарной охраны, поднялись на холм к бензоколонке, где снова обнаружили гвардейцев, и поняли, что этот город тоже оцеплен.

Спустя три дня после боев в Масее я через Красный Крест получил весточку от Сьюзен: «Невероятно, что здесь творится. Лица людей изменились... Сотни молодых и старых мужчин молчаливо сидят и ждут, что будет. Гвардейцы проходят мимо и запросто выуживают одного, который курит сигарету. Другому тычут прикладом в ребра, его спрашивают, где он живет, что он тут делает, кто его друзья...»

За одну неделю на рынке в Масее построили новые дощатые павильоны. В следующий раз они легко загорятся, думал я, идя снова к Марко, поэту. Он был благодарен за то, что я пришел. Мы понимали друг друга, потому что у нас был общий враг — национальная гвардия.

Гвардейцы между тем ушли в тень; они по-прежнему крутили пластинки в тренировочном лагере рядом с отелем «Интерконтиненталь».

На пляже в Сан Хуан Дель Сур остались стоять щит, на котором написано синими и белыми буквами:

COMOCA HA BEKA.

На века?

Перевела с немецкого
Ольга СОКОЛОВСКАЯ.

Текст, фото и подписи под снимками
из журнала «ГЕО» (ФРГ).

У той моей далекой колыбели
Твои ветра, Россия, не шумели.
У гор Хинганских и степей глухих
Я в песнях бабки выслушала их.
И рек твоих неспокойное течение,
Где никогда не меркнет отражение
Старинных сел в высоких куполах,
Я чувствовала в маминых словах.
Беседы нить изысканного зала
И звук частушек над толпой базара—
Великий всеобъемлющий язык
Проник в меня из первых школьных книг.
Так вся моя душевная основа
Из русского немеркнущего слова!

Уже не лето, но еще не осень...
Еще не встреча, но уже разлука...
Свой след в бору наметила разлука
Под мерный шум жизнелюбивых сосен.
Судьба ко мне не мачеха, но все же,
Когда от боли сердце обнажалось,
Прийти в себя, я знала, бор поможет.
Где б ни была—всегда к нему бежала.
Мои вечнозеленые собратья,
Мои всепонимающие друзья,
Подайте же доверчивые руки,
Примите на прощание в объятья.
Без вас мне будет тяжело и тревожно.
Что топорам моей души наука?
Им не понять, что это невозможно:
Навек разлука...

Никто не застрахован от невзгод.
Ты не грусти, моя родная мама,
Что в доме у меня достатка мало,
Что не с тобою я не первый год.

Меж нами почтальоны-поезда.
Твои тревоги в письмах получаю,
Я знаю, ты писала их ночами,
Когда стучалась в дверь мою беда.

И строчки так кричаще велики
На листиках из тех тетрадей в клетку,
В каких носила я тебе отметки
И первые наивные стихи.

Вся жизнь твоя от счастья в стороне,
И потому лишь об одном мечталось,
Чтоб детям счастье доброе досталось
И за тебя, страдальцу, вдвойне.

А я живу мечтательно вопреки.
Да, счастья, что ждала ты, маловато.
Я тем перед тобою виновата,
Что правят мною случай да стихи.

Но я безмерно счастлива опять:
Вновь вижу дом наш под зеленой крышей,
И ты навстречу из калитки вышла,
И я еще могу тебя обнять!

Весть на хвосте
О гостях принесла,
Прострекова у порога,
Вещая птица наших лесов—
Милая сердцу сорока.
Грусть моя выголой
Ушла за леса.
Утром у окон—снежница.
И по дороге друзей голоса
И дорогие мне лица.
Лучший подарок
За трудные дни—
Дружеский час разговора.
Выше начальства,
Желанной родни—
Судьи мои и опора!
— Милости просим,—
Вас встречу в дверях,
Радости нежной не скрою:
Если везет мне в надежных друзьях,
Значит, чего-то я стою.
Пусть никогда
Не пустует мой кров—
Не отлучайся далеко,
Вещая птица наших лесов,
Милая сердцу сорока!

Щука

У омуты под мвяками
Акула маленькой реки
Стремглав неслась за окуньями—
Выпрыгивали окуньки.
Но вот однажды семилетний,
Как солнце, рыжий паренек
На эту речку незаметно
Ловушку деда приволок.
Дня через два свершилось дело—
Досталась рыба детворе.
Со злостью хищница глядела,
Змеясь меж ними по траве.
Пасть ножевую открывала:
Босые ноги береги!
И рыба мелочь ликовала,
И ликовали рыбаки!
Они совсем забыли драться,
Они мечтали о другом:
Как будут мамы улыбаться
Над ароматным пирогом!

Засентябрило дождиком немым,
Отбушевали грозы в жарком лете.
Но все равно сверкают золотым
Мои поля и в пасмурном рассвете.
На тихой отдыхающей стерне—
Недалеко от шумного проселка,—
Как хорошо побыть наедине
Там, где недавно пела перепелка.
Я гул комбайнов в осени люблю—
Торжественную скорую работу,
Но вот сейчас себя на том ловлю,
Что здесь меня всегда заменит кто-то.
Я пришла. Не из деревни я.
По городам идет моя дорога.
И даже вся далекая родня
Из деревень разъехалась до срока.
Но лишь прощально птицы запоют
Над каменно-высокими домами,
Я покидаю городской уют,
Чтоб с золотыми свидетелями полями.

Портрет вяза

Как могучего лося рога,
Корни дерево в землю вонзило.
И вот так простояло века,
Ни тебя, ни меня не спросило.
Никого на равнине вокруг.
Только ветер, как лучший товарищ,
Перекинул над ним виадук
Из семи разноцветных пожарниц.
Не сочтешь под корою колец.
В них, бывало, военной порою
То стрелу, то ружейный свинец
Бинтовал он густою смолою.
Бремя старости преодолев,
Его крона, как целая роща,
Сочиняет старинный напев
Величавой бетховенской мощи.
Где он силы такие обрел?
Как мне с мощью его породниться,
Чтобы в слове парить, как орел,
Что на самой вершине гнездится?

Долго зимушка колдовала,
Ее поступь была легка—
И на вятских крутых увалах
Ослепительные снега!
До грачного, знаю, срока
К деревушкам, что в стороне,
Здесь единственная дорога
Во все стороны—по лыжне.
А лыжня все равно обманет,
Приведет меня не на тракт,
А в таежные глухомани,
В осыпающийся куржак.
Я ныряю в него с разбега,
Расступаются лихтари,
И взрываются из-под снега
Лирохвостые косачи!

Сплела строку из грусти по тебе.
Окутал землю листопадный ветер.
Ты ни меня, ни листьев не заметил,
А мы кружили по твоей тропе.
Я принесла домой большой букет
Отчаянно алеющего клена.
Отчаянно по осени влюбленной,
Что делать мне,
Чтоб заслужить ответ?
Что изменить, не изменив себе?
Как дальше жить?—
Я вопрошала строго.
А ты сказал мне прямо от порога:
— Я всю дорогу
думал о тебе...

Лето—земляничка,
Приникшая к земле,
Запрятавшая личико
В некошеной траве.
То явится, то скроется,
До встречи покраснев,
Отчаянная скромница
Из ягод-королев.
Но, чтоб потом не каяться
(Ведь сан ее высок!),
Коль будешь в ноги кланяться—
Наполнишь туесок!

Память детства

Проснулись неожиданно и рано.
Окно во тьме—зимняя рана.
Рассвет так неожиданно багров,
Как на траве запекалась кровь.
Я продолжаю мысленно кричать,
И сердце бьется в бешеной тревоге:
Меня сейчас бомбили на дороге,
И некуда мне было убежать!
Но сонное сознание мое
Уже переключается, и слышу—
Над нашей, слава богу, мирной крышей
Летит уже маршрутный самолет,
Обычный пассажирский самолет.

Дорожница

У женщины тяжелое лицо,
У женщины тяжелая работа.
И руки, как кувалды, тяжелы
С военной и девичьей поры.

Когда смолкает нервный шум машин,
Сняв сапоги и бросив их к лопатам,
О землю остужая ступни ног,
Она идет к развилке двух дорог.

Как древний идол каменной резьбы,
Замрет у крошки теплого асфальта,
Где остывают черных две реки,
Как две ее натруженных руки.

Хранительница доброго пути
Глядит в закат устало, отрешенно...
И чудный свет небесной красоты
Смягчает огрубевшие черты.

Походная

Мы уходим от солнца. Тени лижут дорогу,
Словно загнанных псов языки.
Был нелегким наш путь, но осталось немного,
До забытой избушки дотянем свои рюкзаки.

Впереди будет ночь, как прохладное озеро, чтобы
Полежать, отдыхая, в его преспокойной волне,
И звезда золотая высокой удачливой пробы
Задрожит в небесах и сорвется в ладони ко мне.

Я богатой не стану. Мое золото лишь до рассвета.
Будет солнце опять
И скалистой и скользкой тропы,
И в разливах цветов посреди командорского лета
Мои крылья расправит,
как белая чайка, судьба.

Нет, то не белые снега—
На землю пали облака!
Лежат покойно, не плывут—
Переживают зиму тут,
Чтоб незаметно по весне
Собраться снова в вышине...
Когда под песни старых выюг
Они себе сугробы выют,
Тогда летят во все концы
Снежинок белые птенцы.
И невдомек озлбшим нам,
Что ходим мы по облакам!

Лошадь в яблоках

Я вижу: лошадь яблоки жует,
Завзженная, старенькая лошадь.
Она жует, из кадки воду пьет,
И снова тянется к большой корзине Лешки.
А он стоит, мальчонка лет пяти,
Весь в удивленье и обиде разом,
Не смея повернуться да уйти
И сладкую корзину унести:
Она следит за ним зеркальным глазом!
И дрожь блаженства в бархатных губах—
Знать, выше счастья не было и нету,
И простирают на ее боках
Те яблоки, но серые по цвету...

Зной пахнет земляничкой,
А земляника—зноем.
И я хожу лугами
И там дышу запоем.
На посох—босоножки
Да ягод полбидона.
А запах земляничной
Загустевает звоном.
Звонят—с лугов косилки,
А с речки—перекаты,
С тропы—велосипеды,
На них верхом—ребята.
Подзваниваю тонко
И я бидоном малость,
На белой босоножке
От землянички алость.

Новоселье

Эта комната на двоих—
Поднебесная голубятня,
Здесь по стеклам гуляют пятна
Облаков голубых.
И окраинные ветра,
Залетая сюда с разбега,
Барабанят по стенам пегим
До утра.
Чуть дымком заводским пахнет,
Завлечет, и вот в окошко,
Как большая рыжая кошка,
Солнце лапы переметнет!
Кто же этих соседей звал!
Разве вставши словечко в это
Городское шумное лето—
Солнцезащитный карнавал!
Безмятежно стучат часы,
Словно пульс на твоём запястье,
И мурлыкает марш нам на счастье
Солнце в ласковые усы...

Гори, березовый костер!
Пляши, языческое пламя,
Как жизнерадостное племя
Туземных братьев и сестер!
В кромешной тьме, в глухой ночи,
Когда усталость силы свяжет
И трудный день забыть прикажет,
Ты, огнеглазый, не молчи—
Потрескивая, шипи, гуди
Во все березовые дудки!
До самой утренней побудки
От всех напастей оградя.
Пусть в непогоду дым остер,
Но мы, твоим согрешившим чаем,
Не сгинем и не заскучаем,—
Гори, березовый костер!

Шла верстка юбилейного издания «Тихого Дона». Было непривычно видеть знакомые строки шолоховского романа на фотопленке, где черный изящный шрифт читался словно на странице уже готовой, отпечатанной книги.

Не такой представляется нам до сих пор типографская работа. Где же наборная касса, верстальный станок, где тяжелые металлические матрицы?

Мы, конечно, понимаем—едкий, удушливый воздух и сумрачный свет сквозь закопченные стекла полуподвального цеха давно уже канули в небытие, и только цепкая память ветеранов-печатников да страницы книг еще хранят такую нерадостную картину.

Но все-таки как же так—без лино-типов, цинкографии, привычного металлического шрифта?... Электроника, автоматика, программирование...

История русской печатной книги—путь, отмеченный веками счастья и горечи, блеска и унижений. Это путь от древнейших славянских изданий Франциско Скорина к Московскому печатному двору.

Более четырехсот лет назад неистовый Иван Федоров Москвитин, бывший дьякон церкви Николы Гостунского и сын Белой Руси Петр Тимофеевич Мстиславец, таясь от царских прислужников, опасаясь и слуг господних, отпечатали первую русскую книгу «Апостол».

А спустя почти столетие появилась на Руси первая детская книга—«Большой букварь». Сочинил ее и отпечатал ученик славного Симеона Полоцкого, поэт, монах Карион Истомина, автор и переводчик многих педагогических трудов, тот, кто впоследствии в «Книге вразумления» наставлял мудрости одиннадцатилетнего Петра I.

В «Букваре» ярко проявился педагогический метод Истомина—«забавляя, обучай». (В скобках отметим, что метод этот не устарел и по сей день.)

Издавна детская книга воспитывала сердце и ум ребенка. У колыбели ее стояли великие люди России: Ломоносов и Державин, Карамзин и Пушкин, Чернышевский и Белинский... В первом российском журнале для детей, который основал Н. И. Новиков, печатались сказки Пушкина и Ершова, басни Крылова, стихи Некрасова, рассказы Даля и Ушинского. Свообразным учебником жизни была и есть детская книга. Но не скучным, назидательным и догматичным, а развивающим воображение ребенка, согретым теплотой чувств. В статье «Подарок», посвященной сказкам Гофмана, В. Г. Белинский как раз и говорит об этом: «Как можно меньше сентенций, нравочений и резонерства: их не любят и взрослые, а дети просто ненавидят».

Сказка, былина, народная песня—вот истоки детской литературы. И не случайно главными героями «лицевых картинок» и «потешных листов»—далеких предвестников нынешней книжки для малышей,—дошедших до нас, были Илья Муромец да Никита Кожемяка, Бова Королевич и Еруслан Лазаревич. Молодецкая удаль, необычайные приключения, победа добра над злом... Ни времени, ни глупу неподвластны эти вечные мотивы...

Феофан Прокопович, Василий Татищев, Антиох Кантемир—знаменитая «ученая дружина» петровских времен—разработали целую систему воспитания детей, считая, что «истинное увеселение в детях есть разум». Потому именно в этот период рождаются научно-познавательные книги для детей. «Юности честное зерцало», одно из лучших изданий того времени, стало, пожалуй, первой детской энциклопедией.

...От «Букваря» Кариона Истомина,

Как это делается...

ДЕТСКАЯ КНИГА

МОСКОВСКИЙ ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ СТАЛ ТРАДИЦИОННЫМ МЕСТОМ ВСТРЕЧ ПИСАТЕЛЕЙ С ЮНЫМИ ЧИТАТЕЛЯМИ. СЕГОДНЯ К НИМ В ГОСТИ ПРИШЕЛ АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН.

РАБОТЫ ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР ХУДОЖНИЦЫ Т. А. МАВРИНОЙ—ЭТО ВСЕГДА ФЕЕРИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК КРАСОК, ДОБРОЙ ВЫДУМКИ, РАДОСТНОГО НАСТРОЕНИЯ.

НЕ ТЯЖЕЛЫЕ КЛИШЕ, А ПЛЕНОЧНЫЙ ДИАПОЗИТИВ—«СЛАЙД»—ИСПОЛЗУЕТСЯ СЕГОДНЯ ДЛЯ ПЕЧАТАНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

«потешных» и «лицевых» листов к сегодняшней детской книге, которая порой становится и внешне-то непохожей на привычную нам книгу (об этом еще рассказ впереди),—путь этот в триста с лишним лет, в сущности, не изменил основ, принципов создания книги для детей.

Сегодня, как и в семнадцатом веке, наших ребят привлекает книга красочная, увлекательная, эмоциональная. Мир ребенка—это прежде всего мир образов, звуков, красок.

Одна из главных отличительных особенностей детской книги—двуединство писателя и художника. Карион Истомина, создавая «Букварь», был и художником, и писателем, и печатником. Ныгче в таком универса-

лизме нет необходимости. Но бесспорно, что в детской книге художник выступает не просто иллюстратором текстового материала, а полноправным соавтором книги. И совсем не случайно на изданиях первых детских книг С. Я. Маршак на обложке, вверху, где обычно ставится имя автора, всегда писалось: «С. Маршак. В. Лебедев».

В самом деле, можно ли представить детскую книгу блеклой, однотонной, без рисунков, органично вошедших в ткань повествования, без радостной радуги красок! Вряд ли ребенок с нетерпением потянется к такой книге. И лучшие детские писатели всегда ревностно следили за художественным оформлением книги, за качеством по-

лиграфической работы. Любопытный факт приводится в воспоминаниях бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова: «Начало рабочего дня, звонит телефон. Голос Самуила Яковлевича:—Не посмотрите ли вы свежий номер «Мурзилки»? Разве можно так печатать журнал для детей?! Ведь это мазня, способная только оттолкнуть ребенка: краски слились, зеленый цвет стал синим. Голубчик, помогите».

Первой советской детской книгой мы можем считать горьковский сборник «Елка», изданный в 1918 году. Напечатан он был в напряженнейшие для молодого государства дни, когда голод и разруха, казалось бы, должны

Валерий ГУРИНОВИЧ
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

СКАЗАЯ ИЛЛА

КНИГА ДЛЯ ДЕТЕЙ—КНИГА ОСОБАЯ. ОНА ДОЛЖНА СТАТЬ ДЛЯ НИХ ДОБРЫМ ДРУГОМ, СОВЕТЧИКОМ, ВОСПИТАТЕЛЕМ. ТАК СЧИТАЮТ РАБОТНИКИ КРУПНЕЙШЕГО В МИРЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СТРАНИЦЫ, ЗНАКОМЫЕ С ДЕТСТВОМ... С ЭТИМИ КНИГАМИ РОСЛИ МЫ, РАСТУТ ДЕТИ НАШИ, ПОСТИГАЯ МИР, ПРЕКРАСНЫЙ В СВОЕМ РАЗНООБРАЗИИ.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИСТУПИТЬ К ПЕЧАТАНИЮ КНИГИ, ТЕКСТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФОТОКЛИШЕ НУЖНО СОЕДИНИТЬ В ОДНУ ПЕЧАТНУЮ ФОРМУ.

«ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ»—ЭТО СКАЗАНО И О НИХ, СЕГОДНЯШНИХ НАБОРЩИКАХ.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ МАШИНЫ ЗАПУСКАЕТСЯ ЧИСТАЯ БУМАГА, А С ДРУГОЙ ВЫХОДИТ ОНА, РАДУЖНАЯ, СЛАДКО ПАХНУЩАЯ ТИПОГРАФСКОЙ КРАСКОЙ.

были напрочь перечеркнуть в умах и душах людей саму мысль о каком-либо книгопечатании, а тем более о создании книги для детей. Но спустя всего лишь два месяца после свершения Великой Октябрьской революции «Правда» писала: «Детская книга, как важное орудие воспитания, должна получить самое широкое распространение». В стране не хватало бумаги, и в девятнадцатом году, возвещая о новой эпохе в истории детской книги, знаменитый чуковский «Крокодил» печатается... на оборотной стороне царских трехрублевых ассигнаций...

...Сегодня ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» — одно из крупнейших мировых специализированных изда-

тельств. И что любопытно — в его создании участвовали сами ребята. 13 июля 1933 года А. М. Горький со страниц «Пионерской правды» обратился к юным гражданам Страны Советов.

«Я обращаюсь к вам от газеты «Пионерская правда» и лично от себя, — писал Горький. — Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать, что вы желаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?»

Последний вопрос поймите так: что именно вы хотели бы знать, какие вопросы интересуют вас...»

Тысячи писем получили «Пионерская правда» и сам писатель. И, вглядываясь в порывевшие от времени

строки, держа в руках ветхие тетрадные листки, снова и снова радуешься широте ребячьих интересов, их неумной жажде знаний, непосредственности и творческому воображению. Вот что писали в далеком тридцать третьем наши с вами отцы и матери:

«Максим Горький! Я к тебе обращаюсь с таким вопросом. Как организовалась Красная Армия и как боролась Красная Армия во время гражданской войны. Капитонов Кирилл, пионер Угловского отряда, 3-го звена «Буденновец».

«Дорогой Максим Горький! Я очень люблю смешные книжки. Мне восемь лет. Лилия Чекрызова».

А вот что пишут Горькому белорусские пионеры: «Як грачи посядем,

одного усадим читать, а все сидим и слушаем коллективно, как родные братья, одного батька дети...»

«Хорошо, кабы книжечки были потолще, чтобы читать их можно было долго, ну хоть бы три-четыре дня», — высказывает заветное желание школьник из Рязани.

Дети хотят знать обо всем: «...как и из чего образовались металлы и нефть?», «Есть ли книги о новых источниках энергии, о желтом, синем и голубом угле», «...о полетах на луну, о фотографии, об электричестве и о войне».

Деткор Женя Алексеев просит побольше книг «о технике и природе». А пионер Толя Андреев хочет читать «о дальних путешествиях и экспедициях советских ученых, о разных зверях и животных жарких и холодных стран, о том, как охотники ходили на зверя и что с ними случалось, о хищном и дерзком звере тигре».

А вот строки из письма, под которым с радостью подписались бы все наши дети. Нечаянно повторяя Вольтера, двенадцатилетняя школьница пишет: «Я люблю читать всякие книги, кроме скучных».

Ясные, конкретные и весьма полезные наказы организаторам первого детского издательства. Они и нынче не утратили своего значения.

— Вполне с вами согласен, — улыбается главный редактор «Детской литературы» Александр Александрович Виноградов. — Давно известно, что для детей надо писать так же, как для взрослых, но только лучше. Еще Виссарион Григорьевич Белинский говорил о том, что нельзя делать скидок на «детскость». Писатели, с которыми работает наше издательство, хорошо знают это. И в то же время нельзя забывать, что книга для детей — книга особая. Она должна стать для мальчишек и девочек добрым другом, советчиком, воспитателем. Посмотрите почту, которую получают издательство и Дом детской книги: удивительно, как переключаются строки писем ребят семидесяти годов с тем, что писали их сверстники сорок пять лет тому назад! «Хотим больше книжек, разных — веселых, увлекательных, «про приключения», про то, «как, что и где делается», про путешествия и про историю нашей страны...» «Мы хотим читать о прошлом, чтобы лучше понимать настоящее», — пишет пятиклассница из Уфы.

Более тысячи книг и брошюр для детей всех возрастов — от дошкольного до юношеского — издается ежегодно «Детской литературой». В миллионах экземпляров расходятся они по всей стране. Марка этого издательства известна и за рубежом: десятки международных призов, премий, дипломов присуждены «Детской литературе» на всевозможных выставках и книжных ярмарках. А первый — диплом «Гран при» — вручен издательству в 1937 году на Всемирной книжной выставке в Париже.

И, по мнению главного художника Госкомиздата РСФСР Тамары Семеновны Михайловой, человека, отменно знающего и любящего детскую книгу, успех издательства во многом определяется самобытными, блестящими работами художников-оформителей.

Имена академиков, народных художников, лауреатов Ленинской и Государственных премий читаем мы на титульных листах детских книг. Кибрик, Шмаринов, Дегтярев, Кукрыниксы, Рачев, Маврина, Васнецов, Пахомов... Десятками международных премий отмечены их работы в создании детских книг. И уже набирает силу новое поколение: золотой медалью на «Биеннале» в Братиславе удостоено оформление «Амурских сказок» Д. Нагишкина, прекрасно выполненное молодым хабаровским художником Г. Павлишиным.

— А сегодня, — говорит Тамара Семеновна, — с детской книгой начинают

работают художники-дизайнеры. Книгу уже не просто макетируют, а, можно сказать, конструируют. И в первую очередь это касается книжек для малышей.

Здесь, в «Детской литературе», группа художников во главе с редактором Л. Либид создала новую, интереснейшую форму детской книги—книжку-игру. Представьте себе книгу в форме дома, цирковой арены, магазина. Горы и лес, облака и вода обрели объемность—их можно потрогать руками. Литературные герои «ожили» и уже взаправду действуют на «страницах» такой книги.

Безусловно, создание книги-игры потребовало от отечественной полиграфии новой технологии книгопечатания, новых материалов, красок, оборудования, нового вида бумаги повышенной плотности, чтобы она устойчиво держала формы необычных книжных страниц. На помощь пришла химия—спецкартон хром-эрзац, бумвинил, пропилен...

Книга-игра стала как бы наглядным подтверждением высказывания старейшего русского художника Фаворского о том, что «книга—это приспособление для чтения».

Многие ли из нас знают, как рождается книга? Именно рождается—в творческих муках, сомнениях, в радости и печали. И в виду я имею не сочинение ее, а то, что сухо зовется книгопроизводством.

Собственно, наш рассказ о детской книге и начался с посещения одного из цехов московской ордена Трудового Красного Знамени фабрики «Детская книга»—предприятия, оснащенного современной полиграфической техникой.

Семьдесят лет назад работа в типографии отмечалась органами здравоохранения России как «...особо тяжелая и для самочувствия весьма неблагоприятная». Две трети типографских рабочих болели чахоткой.

Наборный цех современной книжной фабрики, в прошлом один из самых тяжелых цехов типографии, ныне напоминает лабораторию научно-исследовательского института или зал машинного программирования. «Люди в белых халатах»—это сказано и о них, сегодняшних наборщиков.

На «Детской книге» нынче осталось всего два линотипа—машин, отливающих набор из особого сплава. Да и их дни, в сущности, сочтены. Они уже экспонаты прошлого.

Фотонабор вытеснил старую технологию. Нет металла, а есть перфоленты и фотоэмульсия. Нет грохота линотипов, его заменило тихое, вдумчивое пощелкивание фотонаборных аппаратов—небольшых продолговатых ящичков, по несколько штук уместяющихся на обычном письменном столе. Такой вот ящичек кодирует текст будущей книги: переводит его на машинный язык. «Дети капитана Гранта», «Муха-цокотуха», «Судьба барабанщика» свободно уместяются на нескольких перфолентах. Закодированный текст «считывает» другое умное электронное устройство. Оно не только расшифровывает его, но и исправляет грамматические ошибки, располагает абзацы так, как будто они печатаются на страницах книги. Программу для фотонаборных аппаратов, где обозначены тип набора, шрифта, формат будущей книги, составляют специалисты-программисты, о которых еще несколько лет тому назад и думать не могли в отделах кадров книжных фабрик.

Расшифрованный, «разбитый» постранично текст фотографируется, и вместо громоздких, тяжелых металлических матриц мы в итоге получаем фотоформу будущей книги. Но для себя пометим—это пока лишь текстовой материал. Иллюстрация, художественное оформление, без чего немаловажна детская книга, подготавливаются

к печати в других цехах, где мы также обязательно побываем.

Полученные фотостраницы следует сверстать—расположить в определенном порядке, наиболее удобном для печатания, как это и предусмотрел художник, смакетировавший книгу в издательстве. Но и верстка—прежнее название одного из типографских процессов, когда металлический набор на верстальном станке сбивается в полосы (печатные формы) для отливки матриц,—заменена нынче пленочным монтажом, привычным скорее для кинофабрики, а не типографии. Текстовые монтажисты собирают книгу постранично.

Мы уже говорили о том, что в книгопечатании пришла современная техника. Не обошлось здесь и без вездущего лазерного луча. Именно с его помощью и изготавливаются сегодня фотоформы иллюстрированного материала. Цинкографию, где получали клише с рисунков, фотографий, картин способом кислотного травления, заменила сегодня все та же электроника.

Вариоклишграф быстро и надежно копирует на металле иллюстрацию: резец как бы рисует на цинковой пластине, повторяя оригинал до мельчайшего штришка.

Последняя новинка—цветокорректор (электронно-лазерное устройство)—полностью заменяет металл все той же обычной фотоэмульсией. Не тяжелое клише, а пленочный диaposитив—«слайд»—используется теперь для печатания цветных иллюстраций.

—Быть оператором такой машины дело не простое,—говорит лауреат премии Ленинского комсомола Игорь Журов.—Я в свое время осваивал вариоклишграф. Думал поначалу, что и с цветокорректором разберусь без особых хлопот. Не вышло... Пришлось засесть за учебники. Закончил вечернее отделение полиграфического института.

Даже в беглом пересказе «рождение» книжки для человека непосвященного кажется делом громоздким и малопонятным. В самом деле—электроника, лазерный луч, всевозможные хитроумные машины и приспособления. И в то же время сам принцип книгопечатания практически не претерпел изменений с того самого времени, когда в древней Корее на двенадцати ясеневых досках, пользуясь азбукой «иду», вырезали несколько строф «хянга» («песни родного края») и строки из буддийского канона, а затем оттиснули их изображением на кусок тонко выделанного шелка. Двенадцать веков минуло, а ведь, как и прежде, для печатания книг мы используем те же основные элементы: поверхность, с которой печатается изображение (доска, матрица, фотоформа), краска и поверхность, на которой под давлением отпечатывается изображение (шелк, бумага, хром-эрзац, бумвинил...)

В детстве и вам, вероятно, приходилось из обыкновенного ластика делать «собственную печать». Вспомним, как это делается: на ластике вырезаем какой-либо рисунок, намазываем чернилами его поверхность или же заливаем им вырезанный контур и оттискиваем изображение на бумагу.

В первом случае мы имеем дело с высокой печатью, во втором—с глубокой. Да простят мне полиграфисты столь примитивное объяснение, но оно кажется мне наиболее наглядным.

Третий способ печати—офсет, изобретенный сравнительно недавно, в начале нынешнего века,—основан на обычном смачивании краской печатной поверхности, а пробельной (та, которая не должна давать оттиск)—водным раствором. В этом случае обе поверхности располагаются на одном уровне, а печатание происходит через промежуточную поверхность, например, через эластичное резиновое полотно.

Подобный способ печатания наибо-

лее перспективный как раз при использовании различных фотопроцессов.

Принцип книгопечатания изменился, как мы видим, незначительно. Другое дело—технология...

За последние десять—пятнадцать лет технология книгопечатания развивалась стремительно, напоминая мощный экспресс, набирающий скорость на каждом метре движения. Подобный скачок в наш век НТР в общем-то не удивителен, если не учитывать, за сколь короткий срок произошли качественные изменения во всем отечественном книгопроизводстве. И в первую очередь в производстве детской книги. Это требовало немалых затрат и усилий. Но когда дело касается детей, их здоровья, духовного развития и нравственного воспитания, наше социалистическое государство не считается ни с какими затратами.

В решениях XXV съезда партии записано: «...Особое внимание уделить выпуску учебников, литературы для детей и юношества. Шире внедрять в полиграфическую промышленность офсетный способ печати, фотонабор и автоматические поточные линии».

...Но прежде, чем приступить к печатанию книги, фотоформы с текстом и художественные фотоклише нужно соединить в одну печатную форму. Делается это так: в гальваническом отделении изготавливаются специальные пластины—на алюминевую основу химическим способом наращивают хром и медь. Затем на эту пластину экспонируют контактным фотоспособом и текст и иллюстрация. Пластины протравливают, выделяя печатные элементы и пробелы. Хром и медь по-разному реагируют на водный раствор и краску (или же просто краску соответствующей концентрации), поэтому на печатные элементы, покрытые медью, краска ложится прочно, ровным слоем, а с пробелов, покрытых хромом, свободно смывается водным раствором.

Печатание книги—зрелище удивительное. Представьте себе на минуту, как с одной стороны в машину запускаются снежной белизны листы первосортной бумаги, а с другой—выходят те же самые листы, но уже радужно яркие, сладко пахнущие типографской краской. Мы видим на них отпечатанный текст и рисунки, еще не разрезанные и не сброшюрованные в книгу, разбросанные по белому полю листа, но уже вобравшие в себя удивительный мир, созданный писателем, художником и полиграфистами.

«Я смотрела на это, как на чудо, как на волшебство,—сказала московская школьница Лена Кружакова, побывав со своими друзьями на фабрике.—Кажется, прямо из ничего появляются книжные страницы. Красивые, праздничные...»

Отпечатанные листы на специальной кассетно-ножевой машине нарезают по заданному формату и сшивают в тетради. Книгу осталось сброшюровать и переплести—одеть в нарядную обложку.

Тут нам следует сделать небольшое отступление. Перефразируя известное чеховское выражение, мы можем сказать, что любая книга начинается с обложки. Но для детской книги она тот самый холст с нарисованным очагом, который прикрывает потаенную дверь, ведущую в сказочную страну.

Обложки книг для детей необычайно красочны, разнообразны по художественному исполнению и полиграфическому решению. Они печатаются на ткани, целлофонируются, покрываются полипропиленом. Широко используются в детской книге и суперобложки, отпечатанные на превосходной глянцева бумаге. Такую книгу приятно взять в руки. Она красива, изысканна и, что также немаловажно, на диво прочна.

...Переплетно-брошюровочный цех—последний в долгой цепочке со-

временного книгопроизводства. И главная примечательность этого цеха, безусловно, автоматическая поточная линия «Книга». Внешне она напоминает небольшой конвейер. Таких линий в цехе две. И они вполне справляются с работой десятков переплетчиков, брошюровщиков, обрезчиков, клейщиков...

Это уникальная линия. Она совмещает все операции по окончательному изготовлению книги. Менее чем за минуту тетради здесь автоматически сшиваются в блоки, корешки которых склеиваются специальной матерчатой лентой. Блоки вставляются в уже готовые обложки, папки,—и вот он, готовый книжный том, хоть сейчас раскрывай и погружайся в пока неведомый тебе мир.

—Написать умную, талантливую книгу для детей—большое искусство,—говорит директор фабрики, заслуженный работник культуры РСФСР Нина Дмитриевна Назарова.—Для этого нужно быть не только литературно одаренным человеком, но и человеком добрым, с чутким, отзывчивым сердцем. Чтобы сделать хорошую детскую книгу, я думаю, тоже нужно быть таким же человеком.

В справедливости этих слов убеждаешься, листая книги с производственной марки фабрики. Ежедневно более двухсот пятидесяти тысяч экземпляров книг и брошюр печатается здесь. Продукцию «Детской книги» хорошо знают в Японии и ФРГ, в Италии и США, во Франции и Англии.

Сюда приезжают за опытом рабочие и инженеры из других типографий страны, а мальчишки и девчонки из соседних школ в цехах фабрики не только узнают «тайны» книгопроизводства, но порой находят свое призвание.

Для многих молодых полиграфистов, работающих здесь, выбор профессии памятно связан с первой экскурсией на «Детскую книгу».

Страницы, знакомые с детства... С этими книгами росли мы, растут дети наши, постигая мир, прекрасный в своем разнообразии.

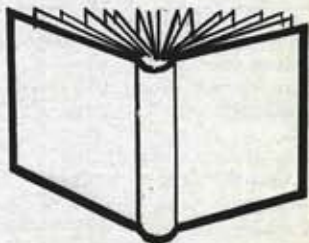
Около пятисот миллионов экземпляров детских книг ежегодно печатается в типографиях страны. Фантастический тираж! Каждую минуту почти тысяча книг и брошюр сходит с книжных конвейеров. И все же этого недостаточно...

Два крупнейших специализированных издательства—«Детская литература» и «Малыш»—готовят к выпуску книги для ребят различных возрастов. Здесь и книжки-ширмочки, книжки-игрушки, книжки-картинки, книги-игры, книжки, не боящиеся воды и грязи, для самых маленьких читателей, и солидные тома отечественной и мировой классики для подростков. Книги веселые и грустные, научно-популярные и сказочные, документальные и такие, что от первой до последней страницы придуманы безудержной фантазией писателя и художника...

Необозримо это книжное море! В далеком плавании по нему множество приключений и необычайных событий ожидает ребят.

Впрочем, не только ребят, но и нас с вами, уходящих от детства все дальше и дальше.

И лишь прекрасная детская книга может нас на время вернуть туда. Так спасибо ей за это...

ВСЯ СЛАДОСТЬ И СОЛЬ ХЛЕБА

И ВОЗВРАЩАЛИСЬ ГЕРОЯМИ...

Читая книгу Леонида Ильича Брежнева «Целина», я вспомнила лето 1958 года, когда мы, студенты Тульского горного института, по комсомольским путевкам поехали на целинные земли Казахстана. С тех пор минуло более двадцати лет, и вот уже мой сын-студент скоро будет сдавать экзамен в «третьем семестре», как теперь принято называть участие в стройотрядах. А в те годы у нас была целина. Ехали мы так далеко впервые — через всю страну, нам было интересно и весело, хотя ехали в товарных вагонах. В Кокчетаве нас распределили по совхозам области. Наша группа в составе двадцати ребят и восьми девушек попала в районный центр Арык-Балык. Нас, девчонок, просили работать поварами, но где там! Мы хотели ни в чем не отставать от ребят. Порой приходилось работать по две смены. Но мы были молоды, полны сил и комсомольского задора. А как чудесно было встречать рассвет после ночной смены! И никогда у меня не было такого полного ощущения своей необходимости, причастности к делу народа, к борьбе за хлеб. Да, это была настоящая борьба, так как уже в конце сентября началась ранняя сибирская зима. Оставить собранный хлеб в полях было бы преступлением. Нас, студентов, попросили задержаться еще на октябрь, чтобы спасти урожай. И хотя в институте уже шли занятия, хотя почти ни у кого не было зимней одежды, все, конечно, дали согласие остаться до конца уборки. И слово свое сдержали: не уехали, пока весь урожай не был убран в закрома Родины. Не подумайте, что, кроме работы, мы ничем больше не занимались. Студенты — народ пылкий, и пока еще не начиналась уборочная страда, время свободное у нас было, и мы устраивали вылазки на природу. А она в этих краях удивительная: поросшие лесом и мхом сопки, огромные озера со множеством диких уток, черные заводы с прекрасными белыми лилиями. Недаром эти места называют «казахской Швейцарией». Память сохранила много ярких воспоминаний о восхождениях на сопки, походах за несколько километров в гости к ребятам из соседних бригад, разговоры и песни у костра. Мне особенно запомнился наш старший товарищ, бывший участник Великой Отечественной войны Николай Иванович (фамилию, к сожалению, уже не помню). Он в числе первых добровольцев приехал в эти края с семьей в период освоения целинных и залежных земель, работал в РТС механиком, а на время уборки урожая садился за руль «собственного» самосвала, который он сам собрал из частей списанных старых машин. Он проявлял такую самоотверженность в работе, что даже нам, молодежи, было удивительно, как может человек столько вынести. Он сутками не был дома, спал во время загрузки или коротких передышек в кабине «сборной солянки», как он шутя называл свою машину. И когда я спросила его, как он, уже пожилой человек, может так долго находиться без элементарных удобств и домашнего уюта, буквально на военном положении, он просто ответил: «Ведь я же коммунист, дочка». Ну, вот и весь мой рассказ, вернее, воспоминание. В заключение скажу, что возвращались мы домой, в свою привычную студенческую жизнь настоящими героями: с похвальными листами и медалями «За освоение целинных земель», с благодарностями от руководства совхозов, райкомов и обкомов, с подарками для родных и близких, купленными на впервые заработанные нами деньги. Именно тогда мы познали всю сладость и соль хлеба.

Л. СТЕПАНЦОВА,
инженер,
Тульская область,
г. Узловая

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В КОМСОМОЛЕ

В комсомол я вступила в первые годы его создания. Принимал нас троих: Надю Антонову, Свезу Платонову и меня — Центральный райком РКСМ Москвы, был в то время такой.

Шла гражданская война.

Но мы жили в осуществленной мечте. Энтузиазм был всепобеждающим! Было какое-то особое свой-

ство того времени: все обыденное, низменное как будто нас не касалось. Кипели бесконечные общеполитические диспуты и собрания, выступали поэты разных направлений. И на все собрания, на все зрелища собиралось столько желающих, что аудитории не вмещали людей, хотя и проходы, и подоконники, и лестницы были заняты.

Мне лично посчастливилось неоднократно видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Было одно несчастье: не хватало времени. Невозможно было успеть везде — и в зал МК партии, где выступали для молодежи крупные революционеры, и в Политехнический музей, и на выступления Маяковского, и в кафе пролетарских поэтов, где обычно бывал Есенин.

И вот, чтобы побольше увидеть и услышать, мы договаривались, кто куда пойдет. А потом на собрания яички после обсуждения комсомольских дел слушали рассказы товарищей об увиденном и услышанном, спорили горячо. Это были такие интересные собрания, что не забудешь до конца своих дней.

Но все это как бы познавательно-развлекательная сторона жизни. Была и другая, еще более насыщенная.

Когда я вступала в Союз, мне не было и пятнадцати лет, и, понятно, мое мировоззрение было почти детским. Но вот я побывала с гостевым билетом на двух заседаниях I съезда РКСМ. Могу безошибочно сказать, что именно там, на съезде, я из подростка-несмышленища превратилась во взрослого человека. Я поняла силу и значимость союза молодежи. Все услышанное на съезде стало для меня настоящей азбукой коммунизма. Особенно поразили выступления товарищей, прибывших из разных районов страны, в том числе из оккупированных. Помню, что фамилию делегата с Украины даже не огласили: ведь там комсомольцы работали, по существу, в подполье, боролись против контрреволюционеров в обстановке террора.

И уже сознательно были приняты нами к исполнению решения съезда о распространении идей коммунизма, о вовлечении молодежи в активное строительство республики.

Конечно, опять-таки из-за своего возраста ничего героического я не совершила. Когда мы с лозунгом «Даешь Кронштадт!» пришли в военкомат и попросили на фронт, взяли только двух комсомольцев, остальных отказали. Но зато как мы работали! Сейчас просто не верится, что мы могли столько успевать. Я была бессменно или секретарем комсомольской ячейки, или агитатором Центрального райкома РКСМ, вела два кружка ликбеза. Окончила рабфак, затем факультет общественных наук МГУ. Чего только мы не делали на субботниках и воскресниках: разгружали вагоны и баржи с дровами, кирпичами, овощами, арбузами, заготовляли дрова в Подмосковье, шили белье в детдомах. Однажды под Загорском, куда нас доставили на дрезинах, расчищали железнодорожные пути от снега: поезда не могли идти. И все это делалось с подъемом, весело, с песнями и шутками. А ведь ели — и то не всегда — суп со «шрапнелью» (крупная перловка) да иногда «карие глазки» (вобла), а дома — тоже шрапнель или пшенная каша на воде.

Но именно в ту пору был заложен в нас заряд коммунистической убежденности, активности, жизнерадостности, заряд, который остался на всю жизнь в моих современниках — комсомольцах 20-х годов.

Мой трудовой стаж — сорок три года. Награждена медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и другими. Более тридцати лет работала в системе здравоохранения и награждена значком «Отличник здравоохранения». На работе вела кружок текущей политики. И сейчас много читаю, в курсе всех международных событий. Книги Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина» прочитала внимательнейшим образом. Впечатление неизгладимо. Какой героизм, какой патриотизм у нашего народа! Книжки написаны доходчиво, логично и просто. Необходимо, чтобы как можно большее число молодых людей познакомились с ними. Мне думается, что они воздействуют на молодежь так же, как в свое время повлияли на меня выступления делегатов на I съезде РКСМ.

Екатерина КРЮКОВА,
Москва

МОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Хоть известно, что «Ташкент — город хлебный», однако в двадцатые годы и там приходилось туго от голода, особенно бедноте и детям. Советская власть была еще молода, утверждалась в борьбе с явными и тайными врагами и вдобавок еще в борьбе с холодом, голодом, всевозможными болезнями...

Уже тогда проявилась одна из основных черт новой народной власти: гуманное отношение к детям. Бывший губернаторский особняк в Фергане был отдан под интернат, куда приводили сирот или детей беднейших тружеников и из города и из ближних кишлаков.

Это был поистине интернациональный интернат, где дети говорили на русском и узбекском, таджикском и цыганском, казахском и татарском языках. Продукты в основном поступали от красноармейцев гарнизона Ферганской крепости, которые, разгромив очередную банду басмачей, передавали трофейные продукты на питание ребят. Помогали и бойцы ЧК, раскрывавшие тайные хранилища баев, торговцев, заводчиков...

Однажды, это было летом 1922 года, нас, воспитанников интерната, выстроили на площади, вручили нам новую одинаковую форму: белые, в полоску тенниски, трусы из плотного материала и новые кожаные сандалии. Это было неожиданно, сказочно радостно. Главное же было в другом: детям постарше, начиная с 4-го класса, учителя повязали на шею красные галстуки, вручили удостоверения, где по-узбекски и по-русски типографским способом было напечатано, что предъявитель удостоверения является юным пионером из интерната имени товарища Алиходжаева, который был тогда председателем Ферганского облисполкома, а его брат — начальником революционной конной милиции в Фергане.

Однажды приехал мой дед и на несколько дней увез меня погостить к себе в кишлак Арсып. Своим небывалым одеванием (особенно трусам!) я удивил, почти огорчил и бабушку и дедушку. Утром я выбежал на вершину холма у подножия гор и вдруг увидел цепочку всадников в ярких одеждах. Это была банда басмачей — в узбекских шелковых халатах, с турецкими фесками на головах, с кривыми шашками и карабинами.

— Эй, собачий сын, ну-ка подойди ко мне, — потребовал тот, кого я принял за главногo.

Но я будто окаменел от страха, потому что не только был наслышан об их зверствах, но и сам не раз видел их жертвы.

Вдруг один из его бандитов на полном скаку поднял меня и, подъехав к главарю, бросил ему под ноги:

— Кто ты таков? Что за штаны такие коротенькие, или материала не хватило? — воскликнул главарь. Раздуть огонь ненависти ко мне помог второй всадник:

— Дорогой эфенди, это отродье безбожного русского или, того хуже, мусульманина, принявшего веру неверных. Разве не видите красный клочок материи на его шее? Так принято у большевиков из России.

— Вот оно что! — заржал главарь и в тот же миг кнутом огрел меня по голове и по спине. Один из бандитов поднял меня с земли, и когда банда проезжала через мост горной реки, с размаха бросил меня в воду...

Банда, появившаяся со стороны городка Ассака (теперь город Ленинск), усакала в направлении Ферганы. Спас меня прятавшийся в мельнице и видевший все это мельник кишлака.

В ту же ночь меня, разбитого, напуганного, доставили в интернат.

Вот как памятью мне боевое пионерское крещение, как дороги красный галстук и пионерская форма — все эти символы Новой жизни. В 1925 году я стал комсомольцем, учился и воспитывался в трудовой школе, в городе Маргелане; позже по направлению ЦК РКСМ Узбекистана активно сражался в комсомольских отрядах против банд, а великую ненависть к врагам советского народа пронес через Сталинградскую битву до самой Победы.

Ясынджан ИНОГАМОВ,
участник гражданской и
Великой Отечественной войн,
ветеран труда,
Москва

Василиса, красавица, иди сюда!

Она подплывает и, ты-чась прохладным носом в ладонь, неотрывно смотрит на меня мутно-синими глазами.

— Василиса, давай здороваемся, ну! — Резкий взмах рукой снизу вверх — сигнал-команда, — и пепельно-голубое тело Василисы показывается над водой. Она протягивает плавник: «Здравствуйте!»

— Умница! А еще раз...
Кожа у Василисы гладкая, непередаваемо эластичная. Она очень чувствительна к человеческой ласке — когда ее гладишь, блаженно полузакрывает глаза и в такт покачивает головой.

Но вот от противоположного борта бассейна к мостику стремительно мчатся Персей и Инга. И, затормозив в полуметре от стенки, настороженно следят за каждым нашим движением, не будет ли и им каких-либо пожеланий с нашей стороны.

Рыба уже предостроительно разложена нами на мостике, мы знали, что

вине бассейна выныривать из воды, на лету хлопая себя по бокам плавниками, словно требуя новых аплодисментов. Гоги разрешил нам побаловать ее рыбой. Я бросил Василисе крупную ставриду и, увидев, как та скрылась в дельфиньей пасти, отвел глаза в сторону. И вдруг дрессировщик как ужаленный сорвался с места и бросился к телефону. Ровно через минуту на лестницу взбежал заведующий лабораторией морских млекопитающих, а за ним еще кто-то и еще.

— Давайте попробуем еще раз, товарищи, только не отвлекайте их ничем, пожалуйста.

Я подошел к дрессировщику.

— Гоги, объясните, ради бога, что произошло?

— Вы что, не видели? Она же отдала вашу рыбу Инге!

Оказывается, утром Инга и Василиса повздорили. Причиной их ссоры был Персей. Давний друг Инги, он последнее время стал проявлять интерес к Василисе, а та, судя по ее поведению, не имела ничего против. Нельзя сказать, чтобы Инге это пришлось по душе. И вот, застав в то утро своего легкомысленного приятеля в обществе соперницы, Инга не сдержала эмоций. Словом, классический треугольник.

ДЕЛЬФИНЫ ЗА «ПАРТОЙ»

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные корреспонденты «Смены»

Самки решили пока что поддержать в разных отделениях бассейна, чтобы не усугублять их ссоры, тем более работали они перед публикой в разных жанрах, и сводить их во время представления нужды не было. Но вдруг, уже на исходе дня, заполучив лакомство, Василиса подплыла к металлической сетке, отгораживающей ее от Инги, и, допрыгнув до края сетки, перебрала рыбу сопернице. Трудно сказать, что руководило ею в ту самую минуту (мы повторяли эксперимент трижды, и Василиса съела рыбу сама), чувство ли собственной вины

перед приятельницей, желание ли как-то ее задобрить, акт милосердия или просто первый шаг к примирению? Возможно, и то, и другое, и третье... А возможно, что-то иное, не поддающееся нашему человеческому разумению. Но как бы там ни было, это событие дополнило знания батумских ученых, занимающихся дельфинами, еще одним проявлением психологии этих животных.

Потому что дельфиний, а теперь уже и тюлений цирк — это совсем не главное в их работе.

Это лишь своеобразный творческий

ошибки не будет: Персей и Инга — тоже способные ученики. Вскоре лакомство иссякло, да и энтузиазм уже сытых животных несколько угас, и мы уселись в стороне от бассейна, наблюдая за их поведением.

Двумя часами раньше мы были в числе зрителей на плановом представлении в Батумском дельфинарии, где «великолепная шестерка» — так мы ее окрестили — под руководством Гоги Иосавы демонстрировала различные чудеса. Дельфины по команде прыгали сквозь обручи, подвешенные почти на двухметровой высоте, доставали со дна кольца, играли в дельфиний баскетбол, плавали по кругу, буксируя за собой дрессировщика... Время от времени к ним подключались тюлени, которые с не меньшим энтузиазмом, ловкостью и понятливостью так же честно зарабатывали свой «кусочек хлеба».

Но любое представление когда-нибудь кончается. После второго, заключительного акта, отдав положенную порцию аплодисментов, зрители — в основном курортники с детьми и пассажиры теплоходов, заходящих в Батуми на несколько часов, — отправились по своим делам. Мы же, очарованные и завороженные, остались на своих местах.

Животные продолжали спокойно описывать круги в центре бассейна; Персей и Маша лениво перебрасывали друг другу целлулоидный мяч, и только Василиса, наиболее темпераментная и, видимо, тщеславная из всей компании, продолжала на своей поло-

ЗА ВНЕШНИЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЦИРКОВЫЙ ПРОГРАММЫ СТОЯТ НАУЧНЫЕ ЗАДАЧИ

отчет сотрудников лаборатории перед публикой.

— Для нас важен не результат дрессировки, а сам путь, которым придут к этому результату животные,— объясняет Гоги Иосава.— познание их психологии, рефлексорных функций.

О дельфинах много писали. Об их интеллекте, чуть ли не способности мыслить, хранить в памяти информацию. Писатели-фантасты повествовали о древних дельфиньих цивилизациях, врачи находили у животных целый ряд сходных с человеческими физиологических процессов, ученые пытались расшифровать дельфиний язык, систему сигналов, которая служит животным для обмена информацией. За всем этим стояло одно, главное— стремление человека обрести в море друга, понятливое существо, способное хоть в какой-то степени стать посредником между людьми и Великим Миром Безмолвия, так неохотно открывающим свои тайны. И это подчас заставляло нас принимать желаемое взамен действительного. С годами множество экспериментов с животными зашло в тупик, все оказалось не так

у людей, разные характеры, интересы, таланты. То, что одни дельфины делают легко и с удовольствием, другие, как говорится, спустя рукава. И наоборот. Конечно, животных можно заставить работать по любой программе, но их кид не будет слишком высок, если не учтены их врожденные склонности. Да и нужно ли это? Не проще ли, не гуманнее ли предлагать дельфинам рабочую программу, исходя из их индивидуальных особенностей? Именно так поступают батумские ученые.

К примеру, Персей, добытчик по натуре, оказался незаменимым морским следопытом. Он безошибочно определял местонахождение рыбных косяков. Словом, у каждого из шести уже знакомых нам дельфинов обнаружился какой-то особый талант, открытый и развитый в них людьми. Научиться его распознавать, подготовить научно обоснованные рекомендации тренировок животных— одна из практических задач, стоящих перед сотрудниками батумской лаборатории.

А цирк? Что ж, он не мешает делу, тем более дельфины не равнодушны к аплодисментам и прочим выражениям восторга их способностями.

просто, дельфиний бум стал угасать. Но энтузиасты продолжали и продолжают верить в то, что общий язык с самыми разумными (теперь это уже доказано) обитателями Мирового океана будет найден.

Батумскому дельфинарию четыре года. Все это время, день за днем, сотрудники лаборатории морских млекопитающих ведут записи наблюдений за образом жизни дельфинов, которых, кстати, по последней морской переписи насчитывается в Черном море около миллиона. Не так давно дельфинарий пополнился и другими представителями наиболее разумных морских животных— каспийскими тюленями. Оказалось, что они легко поддаются дрессировке и не менее контактны, чем дельфины. Задача ученых не просто наблюдения: с животными установлены хорошие отношения, их приучают к полезному труду, и даже за внешней развлекательностью цирковой программы стоят практические цели.

Каждый новый опыт не только приближал сотрудников лаборатории и животных к какой-то конкретной цели, но и позволял им лучше понять друг друга.

К примеру, самка Мамаша прекрасно зарекомендовала себя в работе непосредственно с людьми, оказалась великолепным спасателем.

Впрочем, у животных, так же, как и

«А ТЕПЕРЬ, ПОЖАЛУЙСТА, НАГРАДУ...»

Уже вечером мы стали свидетелями еще одного любопытного эпизода. Выпущенные в большой бассейн на последний в тот день променаж, дельфины и тюлени затеяли между собой игру: они гонялись друг за другом, а нагнав, «осаливали», тыча партнера носом в бок. И вдруг тюлень по кличке Ласковый каким-то чудом взобрался на спину Персею, и тот провез его несколько кругов на себе, очень стараясь не уронить. И посадил Персей тюленя только тогда, когда тот, явно потеряв чувство меры, стал прищипывать своего скакуна, похлопывая его хвостом по спине.

А потом дельфиний доктор Камал Абдулович Джинчарадзе попросил нас помочь поднять Мамашу из воды, чтобы он мог провести кое-какие замеры животного, а заодно и профилактические процедуры. Под дельфина подвели сеть, сами мы взяли за ее концы и осторожно начали поднимать. И хотя нас было не так уж мало, не скажу, что это было самым приятным моментом в ходе нашего общения с дельфинами. Как-никак, в очаровательной даме было триста с лишним килограммов. Что ж, дружба подразумевает некоторые жертвы.

Вадим ПОЛУЯН

Пробуждение

У дождливой, облачной весны
солнечные наготы сны...
Но целит от спячки, как радон,
зов просторов, ветром навороженный...
Вся страна—огромнейший роддом,
а зеленый цвет—

новорожденный!

Зерна влаги в туче навесной
ценны, словно в сеялке—пшеничные...
Почки пряно пахнут новизной...
На актив выносит на лесной
птичий профсоюз дела жилищные.
Снег в тени тоскует,
а везде

о весне толкуют,

о весне!

Жажду дел, энергию настырную
и ручьи и реки демонстрируют:
в ледяных оковах, в зимней вате
застоялись,

хватит!

Лунок свежая перфокарта
улеглась на ладонь Первоапреля...
Белых заморозков преоборенье—
в пору ветреного Первоапреля.
Победивших цветов пированье—
время зрелости весны—

Первоапрель!

Долгие пруды

Мир зимний блеска полон.

Но

художником не дорисован,
на выставку не адресован,
и холст упрятан в полотно...

А летом

вельможный дом над водами—валетом,
да рыболовные пруды,
да лодки перенаселенные.
И чистятся под ветром Долгие пруды,
сменив стальное оперенье на зеленое.
Сегодня здешний парк зовется лесом.
И, вырвавшись из цепкой быстрины,
я, вожделенно обнятый прогрессом,
здесь чувствую объять старины.
Здесь чудом наградит любая ветка,
как волос из волшебной бороды...

Бег моего ускоренного века
лишь вам замедлить, Долгие пруды!

Портрет деревянного дома

Дом в Бебегородском переулке!
Достоял бы он до нас едва ли,
но подпорок ровнотные руки
дряхлым стенам падать не давали.
Снос—его единственная участь.
Лестницы старушечьи ворчанье,
вслученных полов его скрипучесть
повергали нас, гостей, в отчаянье.
Памяток мы там понаходили!
Детскость залила глаза жены...
В медной люстре, как в паникадиле,
лампочки свечками зажжены.
Женин дядя, очевидец изпа,
огурцов наловит из рассола...
Только в мелких окнах мало неба,
нет тепла от печки изразцовой.
Кухонных удобств и ваннных комнат
стены дома отродясь не помнят.
Вот таким его я вижу, добрым,
очень милым, слишком неудобным.

Разлучившись на житейских расстанях,
год ли, два ли мы у дяди не были.
Слышали, что наш любимый родственник—
в новом доме, среди старой мебели.
На письме он начертил подробно,
как искать дорогами короткими.
Едем мы туда, где плодородно
зреют одноликие коробки.
Струны труб во рвы, как в ложе,

вложены.

Улицы—прямые строки стройки.
Дядюшка цветы разводит в лоджии.
Дом обычный, современно строгий.

Молочный день растекся по стеклу.
Нас будит голос в дочкином углу.

Опять мою любовь к тебе спугнул
все тот же лепет в дочкином углу.

Ты горя и отчаянья иглу
из сердца вынешь в дочкином углу.

Мой трудный день бывает пуст и глуп,
но смысл его весь в дочкином углу.

Мы часто видим к лету ли, к зиме ль
весну свою за тридцать земель.
Мы рвемся к счастью сквозь снега и мглу...

А счастье наше—в дочкином углу.

Твои

детские сны...

Что ты видишь во сне, когда спишь?
Не шумит ли за окнами лес?
Не гуляет ли в подполе мышь?
Или мишка в окошко залез?
Что ты видишь во сне, когда спишь?
Не летаешь ли ты в облаках?
Все дороги внизу, далеко...
Ты у мамы сидишь на руках,
и не страшно тебе и легко.
Что ты видишь во сне, когда спишь?
Часто с куклой своей говоришь.
А о чем говоришь, не пойму.
Я к дыханью приник твоему...
Я хочу разгадать твои сны,—
тяжелы они или ясны.
Не познал ли я их чистоты,
когда был вот таким же, как ты?
Все ушло, утекло в никуда,
и твой маленький ласковый сон
не пригрезится мне никогда—
я из детства давно унесен,
мне сегодня от снов деловых
по утрам не поднять головы...
Пусть цветут на свету ночника
розы сна у тебя на щеках.
Спят ресницы на веках твоих...
Весь наш дом, весь наш город затих...
Я ловлю эту звонкую тишь...
Что ты видишь во сне, когда спишь?

Скорость развивал почти ракетную
крошка-лифт с глазницами-оконцами,
и в квартиру глянцево-паркетную
робко мы вступили незнакомцами.
Вышел к нам хозяин, как из рая.
Он уж новым молится пенатам,
позабыв о дальности сарая,
баня и тепло—с доставкой на дом.
Прежнего хозяина напомнили
чудо-блюдо из сервизов дедовых,
колокол-бокал, что мы наполнили,
и глаза родных из рая багетовых.

Но один портрет был нов и свеж.
Это кто? Чей родственник почтенный?
Кровлею—чело, окошки вместо вежд,
как ланиты, сморщенные стены...
Старый дом! Родимая обитель,
в лютой час—единственный приют,
где не оттолкнут и не обидят,
в душу свысока не наплюют.
Памятливый, бережный свидетель
дорогих родин и похорон.
Не сменяют старики ли, дети ль
этот дом на блеск иных хором.
Только не был век его бездонным,
гибла сила балок и стропил.
Он отжил свое. Стекло с бетоном
обжило место уступил.

Был портрет заказан дядей жениным.
Нам ли не сродни в конце концов
старый дом, что ставишь с уважением
наряду с портретами отцов?

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

из белых в черные

История, которую рассказывает Рита Хефлинг, вызывает ощущение какого-то кошмара. Место действия — ЮАР, страна, утверждающая, что она не терпит у себя никакого расизма: ведь живут белые и черные в ней идет в совершенно разных плоскостях, не пересекаясь.

Рита Хефлинг — белая, ее родители тоже, ее муж — белый, белые, конечно, и дети. Но вдруг пока молодой женщины начала быстро темнеть. Врачи объяснили этот феномен последствием операции на надпочечниках и заверили, что здоровью это не вредит. «Дефект», мол, имеет чисто косметическое значение. В обычных условиях ничего особенного в этом действительно не было бы, но... дело происходило в условиях Южной Африки, где темный цвет кожи сам по себе является криминалом. Рита Хефлинг раньше относилась к привилегированной части общества, теперь же она стала человеком второго сорта.

Что все это означает в повседневной южноафриканской действительности, она почувствовала очень скоро...

Однажды в Кейптауне она вошла в автобус, но кондуктор грубо вытолкнул ее со словами: «Этот автобус только для белых». Через неко-

торое время она вместе с мужем шла по южному предместью Кейптауна. Навстречу двинулся полицейский патруль. Супруги были остановлены и подвергнуты допросу на месте. Причина — белокожий мужчина согласно такой-то и такой-то статье закона не имеет права вступать в брак с женщиной, имеющей темную кожу. На сей раз дело ограничилось строгим замечанием.

Подобные случаи, однако, повторялись все чаще и чаще. Муж Риты не нашел в себе мужества противостоять такому положению и оставил семью. Детей пришлось перевести в другие школы, а мать они стали у родственников.

— Много лет и верила в незыблемую — справедливость аппарата, — говорит Рита Хефлинг. — Раньше отношения у нас казались мне совершенно естественными, пока я стояла по ту сторону барьера. Белый есть белый, а черный есть черный — как просто все казалось! Но теперь, когда я думаю об этом, мое сердце сжимается от боли. Жить в этой стране с другим цветом кожи — истинный ад. Если бы белая южноафриканка пережила то, что происходит сейчас со мной!..

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ПРИЧИНА — МЕТЕОРИТЫ?

Возникновение континентов, наступление ледникового периода, массовая гибель динозавров — все эти явления в истории нашей планеты, по мнению группы английских ученых, связаны с грандиозной метеоритной бомбардировкой, которой некогда подвергалась Земля. И не только Земля: следы метеоритных кратеров обнаружены на поверхности Луны, Марса, Меркурия и Венеры.

Естественно, время стерло с лица земного шара следы космических ударов, но ученые считают, что кое-что можно увидеть и теперь. По их мнению, одним из следов падения метеоритов является закрутившаяся форма западного побережья Африки. Именно здесь, когда-то находилось опустившееся впоследствии дно кратера, который располагался на территории нынешних Либии, Магристана и Марокко. Ход гигантской трещины, вызвавшей отдаление Африки от Южной Америки, совпадает с краем кратера.

Тщательный анализ спомков, сделанных со спутников и самолетов, показал, что следы кратерогигантов имеются на всех континентах. Наиболее крупный кратер был расположен в районе афри-

канских озер Танганьика и Альберта (посреди него сейчас находится самая высокая гора континента — Килиманжаро).

Под ударами метеоритов произошло углубление Тихого океана, причем их падение вызвало волны высотой до трех километров. Выбросы воды и пара в атмосферу привели к резкому изменению земного климата. С севера двинулись ледники, наступил ледниковый период. Резкое изменение природных условий привело к повсеместной гибели динозавров, но в то же время чередование холодных и теплых эпох в ледниковом периоде оказало благоприятное влияние на развитие человека — активно приспособившись к изменениям в окружающей среде, древнейшие племени человеческого общества прогрессировали в своем развитии.

Ученые считают, что в настоящее время нашей планете метеоритная бомбардировка не угрожает. А детальное изучение мест падения метеоритов-гигантов может повести людей на новые месторождения нефти и урана.

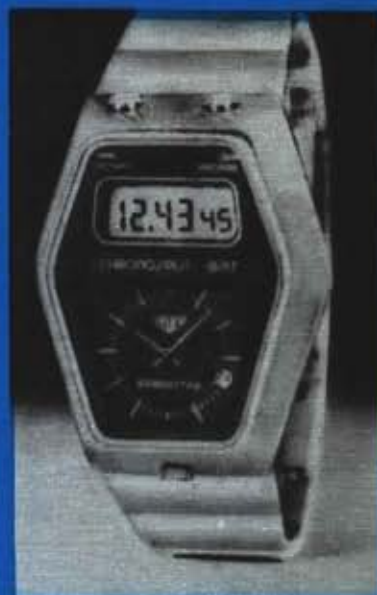
«100+1 ЗАГРАНИЧНИ
ЗАЙИМАВОСТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Часы с компромиссом

Вначале казалось, что триумфальному наступлению часов с цифровой индикацией ничто не угрожает, но... Убеденные приверженцы традиционного циферблата с привычными стрелками остаются при своем мнении. Многие, например, считают, что по часам со стрелками более удобно фиксировать отрезки времени: масштаб времени виден с первого же взгляда на циферблат.

Какие же часы предпочтут наши ближайшие потомки? Об этом остается только гадать. Пока же — на «переходный период» — швейцарская фирма «Хойер-Леонидас» предложила компромиссное решение: новые часы имеют как цифровую, так и стрелочную индикацию. Впрочем, стрелок в старом их понимании на часах «Хойер-Леонидас» нет — их заменили движущиеся изображения стрелок на базе жидких кристаллов.

«ЮГЕНД УНД ТЕХНИК»,
ГДР

АЛКОГОЛЬ И МОЗГ

То, что алкоголь оказывает разрушающее воздействие на человеческий мозг, доказано анатомично и подтверждается новыми данными. Так, ученые университета штата Юта (США), обследовавшие группу 33-летних мужчин, систематически злоупотребляющих спиртными напитками, пришли к выводу, что актив-

ность функций головного мозга у них соответствует уровню не страдающего пристрастием к алкоголю человека старше семидесяти лет. Особенно часто наблюдаются провалы памяти. Сильно ослаблена способность к абстрактному мышлению.

«КВИК», ФРГ

ЧЕМ БОЛЕЛИ ДРЕВНИЕ ЕГИПТЯНЕ

Группе антропологов и палеонтологов Туринского университета удалось составить картотеку заболеваний, которые существовали во время древнеегипетской цивилизации. Итальянские ученые исследовали богатую коллекцию университетского антропологического института, состоящую из музеев и частей скелетов людей, живших 3—4 тысячи лет назад.

Было установлено, что жизнь древних египтян была очень непродолжительной по современным понятиям: в среднем едва 35 лет. Лишь пятая часть населения достигала пятидесятилетнего возраста.

Ученые обнаружили заболевания, которые встречаются и теперь: к примеру, талассемию, называемую еще средиземноморской анемией, или болезнь Кули. Она проявляется увеличением селезенки и характерными изменениями в костях. Палеонтологическое установление ее стало возможным именно вследствие костных поражений, обнаруженных в скелетах. Раковые заболевания в те времена

также не были редкостью. Натолкнулись исследователи и на атеросклеротические изменения.

Для чего могут служить исследования патологии древних народов? Они дают возможность проследить развитие многих болезней через века и тысячелетия, с самого отдаленного прошлого человечества. Нередко история заболеваний может подсказать пути и методы борьбы с ними в наши дни. С другой стороны, можно сделать выводы о канувших необъяснимых исчезновениях целых народов с исторической сцены. Именно с некоторыми тяжелыми массовыми заболеваниями связано то, что высокоразвитые и прогрессивные в своем развитии народы «внезапно» исчезли с лица Земли иногда полностью. Так случилось, например, с племенами майя в Центральной Америке: за пятьдесят лет исчезли 50 миллионов человек! Сейчас установлено: майя были уничтожены занесенным в Америку европейцами вирусом кори.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

Клондайк в Финляндии

«Если ты хочешь стать золотискателем, — говорит реклама, — то ты можешь реализовать свою мечту и в наши дни. Твой Клондайк находится в северной части Финляндии, на берегу реки Лемменйоки».

В последнее время этот район переживает нечто вроде золотой лихорадки, в свое время столь красочно описанной Джеком Лондоном. Если уж быть точным, то это не столько сама лихорадка, сколько народы на нее. Здесь не встретишь легендарного старателя прошедших времен, какого-нибудь небритого верзилу в выдавшей виде шляпе, готового асадить пулю в каждого, кто покудается на добытый нелегким трудом золотой песок, транжиры за пазухой в мешочке из оленьей кожи. Зато на каждом шагу тут попадаются вполне уважаемые туристы из разных стран Европы. Вооружившись допотопными промывными устройствами и тщательно выполняя все инструкции и указания опытных консультантов, составляют в штате туристского бюро, новоспеченные «старатели воскресного дня» делают мечту угнать из этих мест тот же самый толковый драгоценный металл. Правда, никто из новоприбывших богачей еще не сделался, зато весьма ошутливо прибыль имеет вышеуказанное туристское бюро.

А золото в здешних местах есть, правда, не в столь уж большом количестве. Оно было обнаружено в тридцатых годах на-

шего века двумя неразлучными друзьями, которых звали Нилло Раумала и Урхо Корхонен. Теперь эти ветераны золотодобычи занялись более доходным делом — вместо того, чтобы искать золото сами (занятие малонадежное), они устроились на вполне приличные оклады в туристское бюро, чтобы консультировать всех тех, кто жаждет найти во время своего отпуска пару золотых самородков.

Для привлечения туристов на берегах золотоносной реки ежегодно устраиваются международные соревнования золотискателей-любителей. Билет на право участия в этих соревнованиях стоит недорого, но каждый участник верит: а вдруг повезет именно ему? Особого везения, правда, не видно — каждый участник в среднем намыкает всего несколько граммов. Недавно, впрочем, был найден самородок весом в 40 граммов. Его обнаружил самый юный участник. 11-летний школьник Мика Салленно. Местный музей предложил ему за находку 2000 марок, но деловой Мика запросил на пятьсот марок больше. Представитель музея доказывал, что золото саородка далеко не лучшего качества, но Мика, видимо, проконсультированный взрослым, упорно стоял на своем. Наконец вопрос был решен: туристское бюро добавило от себя пятьсот марок, и самородок пополнил число экспонатов...

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

Поднимающийся парашют

Выглядит этот новый летательный аппарат как некий балдахин. Изготовленный из искусственной пленки парашют поддерживает в воздухе приводимую в движение пропеллером гондолу. Автор изобретения американец Джон Николаидес сидит в гондole, снабженную двумя колесиками, включает мотор от мотоцикла объемом 500 кубических сантиметров, и гондola в результате вращения пропеллера начинает разбег по земле, парашют же в это время поднимается вверх. С помощью пропеллера осуществляется управление парашютом, по желанию можно подняться на большую высоту или опуститься. Как заявил Николаидес, «дело это проще, чем управление автомобилем».

Пятидесятилетний Николаидес, один из крупных специалистов в области ракетостроения и воздушных работников НАСА, считает новый воздухоплавательный аппарат побочным продуктом своих служебных экспериментов и спортивным увлечением. «С точки зрения безопасности полетов аппарат совершенен, — утверждает он. — Если достигнув желаемой высоты, выключить мотор, то парашют плавно опустит тебя вниз, и гондola мягко коснется земли. Конечно, в соответствующую погоду...»

«БУНТЕ ИЛЛЮСТРИРТЕ», ФРГ

Флотилия из «пивных лодок»

Город Дарвин, расположенный на северном побережье Австралии, отличается самым большим в стране потреблением пива. Но в связи с этим возникает проблема: куда девать пустые жестяные банки из-под пива? Дарвинские любители пива эти жестянки не выбрасывают. Когда их накопится много, начинают строить из них различные суда и организуют веселую регату, в которой принимают участие и простые плоты из жестянок и катера — точные копии

военных тральщиков, оснащенных, очевидно, для поисков «вражеских» жестяных судов, даже радиолокационной аппаратурой. Жестяные суда способны плавать и в открытом море. Как бы это ни казалось невероятным, но на искусно построенном из жестянок паруснике дарвинский мэтр Клемент Дкоунс проплыл пол-океана — до самого Сингапура.

«ЦО ВАС ЗАЙМА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ДИНГО НА СЛУЖБЕ

Короткошерстных, высотой около шестидесяти сантиметров австралийских собак динго с большими оговорками можно отнести к диким. Их предки были завезены когда-то в Австралию первыми переселенцами и лишь спустя долгое время одичали. Австралийские фермеры преследуют динго, считая, что они наносят ущерб стадам овец. Однако недавние исследования ученых опровергли это предположение. В желудках подстреленных динго остатки овец составляли всего четыре процента: питаются они главным образом дикими кроликами и другими мелкими животными. Любопытно, что динго легко приручаются. Австралийская армия и полиция в последнее время провели большую работу по приручению и дрессировке динго. Обученные соответствующим образом динго оказались великолепными сторожевыми собаками и ищейками.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Дедушка Балатон

«Венгерское море», как часто называют Балатон, посещают ежегодно сотни тысяч туристов. Многие из них спрашивают: «А когда, собственно, возник Балатон? Каков его возраст?» Венгерские ученые нашли ответ на этот вопрос: специальными зондами они извлекли со дна Балатона образцы ила и произвели их анализ. Ил на дне Балатона осаждался постепенно на протяжении столетий, так что его отдельные слои сохранили остатки самых различных растений. Именно посредством идентификации этих древних растений и был наконец определен «возраст» Балатона: около 20 тысяч лет. В последний период илское дно Балатона повышается ежегодно на 1,1 миллиметра.

«ПОЗНАЙ СВЯТ», ПОЛЬША

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Принято начинать рассказывать историю своей жизни с детства. Но я менее всего настроен вспоминать сейчас этот период своей жизни. Детство кажется мне наиболее трудной и ответственной темой. О нем мы судим с точки зрения взрослого человека и нередко бываем несправедливы и даже чужды детскому миру. Хотелось бы избежать соблазна, который нередко искушает людей, рассказать какие-нибудь поучительные истории из своего прошлого. Скажу лишь, что родился на Украине, пением увлекся еще в раннем детстве, а в школе не только пел в хоре, но и получил право проводить занятия в одной из его групп.

Упомянул об этом, чтобы определить место действия дальнейших событий и общую направленность моих тогдашних интересов.

Театр. Первые впечатления и первый опыт

Когда впервые пришел в театр, давался спектакль «Вий» по Гоголю. Даже запомнил свое место — в 24-м ряду. Сохранилась в памяти еще одна деталь тогдашнего вечера. В конце первого акта Халыва, чудный баритон, запел: «Гой, хоп, мой гречанеки». Я замер, потрясенный звуком голоса, а потом, на сильной доле такта, где после запева вступил хор и оркестр, во мне вдруг что-то всколыхнулось, и, уже не помню, громко ли, про себя ли, подхватил мелодию и начал толкать локтем своего соседа, призывая разделить мое восхищение. Потом в антракте он долго на меня поглядывал, но мне не было стыдно. Я находился в каком-то экстазе. И мои неучтивые движения локтями не заслуживают большого порицания. Ведь это прояв-

ление святой силы ритма, заложенной в каждом человеке.

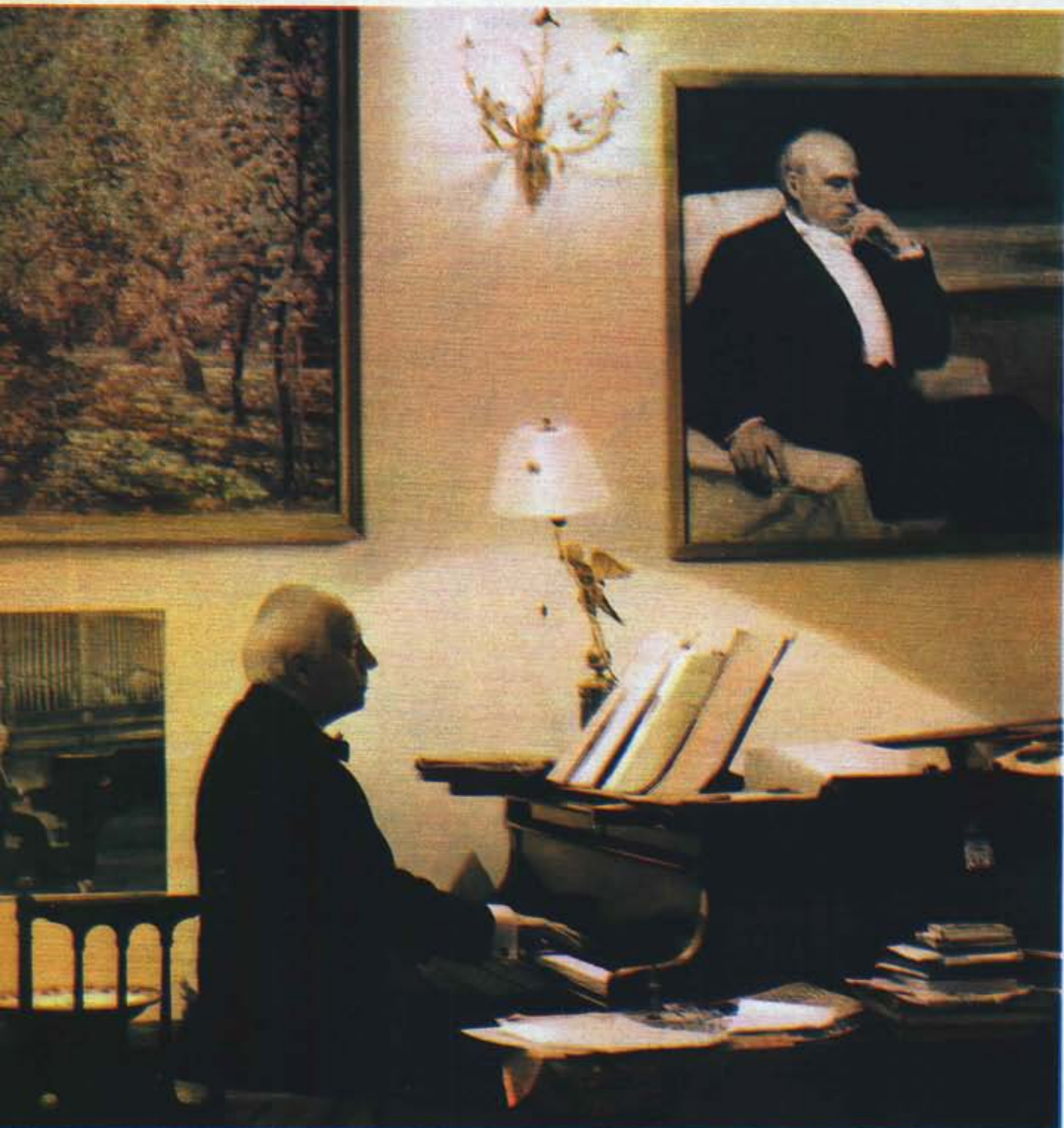
Когда наездами бываю в Киеве и захожу в театр, всегда невольно возникает мысль: неужели сидящие в этом зале никогда не испытали подобного чувства глубокого и непосредственного единения с поэтическим миром спектакля, какое я когда-то впервые познал здесь? И что интересно: я, подросток, не имевший еще права быть на вечернем спектакле, не чувствовал себя белой вороной среди взрослого зала, потому что все, как мне казалось, в одинаковой степени были захвачены таинством происходящего, таинством, которое должно присутствовать в любом спектакле. А без него все лишь «хитрая» пустота.

Позже, работая в Большом театре, я оказался свидетелем вдруг возникшей «моды» водить экскурсии за кулисы. Показывать, как делаются чудеса на сцене, чаще всего примитивные — вроде фонтана или какой-нибудь летящей

фигуры. Жалко было тех людей, которые не только пришли посмотреть, как подвешиваются декорации с накладными ветками и облаками, но и стремились попасть к артистам в гримерные, чтобы увидеть, как выглядит тот или иной артист. Мне думается, я доброжелательный человек, люблю нежных и ласковых людей, меня нельзя назвать нелюдимым, но я был среди тех, кто воздерживался допускать к себе в уборные посторонних. Оперный артист не имеет права кого-либо принимать у себя и болтать во время спектакля. А что касается зрителей — жалко этих любопытствующих экскурсантов, которым важнее узреть чистую механику свершения таинства, чем сохранить полное ощущение поэтической правды представления, в которую человек должен верить, потому что только тогда он может испытать счастье. Когда-то Гоголева спросила меня: «Отчего вы никогда не придете к нам за кулисы?» Я ответил,

Иван КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

“ПЕНИЕ—ВЫСОКИЙ УНИВЕРСИТЕТ”

что не хочу лишать себя радости зрителя видеть и верить только тому, что происходит на сцене, той радости, которую я испытал, впервые придя в театр.

«Вий» не единственный спектакль, который я увидел в Украинском музыкально-драматическом театре. Там шли тогда замечательные пьесы национальных драматургов, отличавшиеся высокой поэзией, исторической объективностью и поразительной пророческой силой. Помню «Сказку старой мельницы» Черкасенко. Ведущим мотивом пьесы было предчувствие беды, которую может принести природе промышленное загрязнение окружающей среды. Герой пьесы, мудрый мельник, ясно и просто сказал, что заводская труба и цветущее дерево рядом существовать не могут — кто-то должен погибнуть.

В этом театре играли такие замечательные мастера украинской сцены, как Литвиненко-Вольгемут, Петлярш, Бутовский, Садовский, Марьяненко, Заньковецкая. Подлинные подвижники, принадлежавшие к такому типу людей, как, положим, декабристы, следовавшие путями борьбы и страдания не ради собственного благополучия, а по своей благородной душевной настроенности.

Особенно дорога мне память о великоллепной актрисе Марии Александровне Заньковецкой. В свое время Чайковский послал ей автограф: «Бессмертной Заньковецкой от смертного Чайковского». Мария Александровна происходила из богатой генеральской семьи. Окончив институт, пошла в скитания с совершенно необеспеченным театром, к которому отношение было далеко не почтительное. Выбрав этот путь, следовала им с поразительной стойкостью и преданностью. И продолжала играть на сцене даже тогда, когда потеряла зрение.

Но не одна Заньковецкая была проникнута подвижническим духом. С такой же самоотверженной отдачей трудились и другие актеры театра: братья Тобиловичи, Кропивницкий, Марьяненко... Обо всех них можно доказательно поведать новому поколению, ибо в тех трудных условиях ими сделано очень многое для духовной культуры народа. Все эти люди пошли «поневериться» — по-украински это значит «пойти на мучительную жизнь» — ради того, чтобы разбудить духовное поэтическое начало в каждом человеке.

И так уж сложилась моя судьба, что впервые я выступил на сцене с труппой, в которой работали эти знамени-

тые актеры. Было это в Полтаве. Закончив музыкально-драматический институт в Киеве, я приехал в Полтаву по приглашению тамошнего театра участвовать в спектаклях, которые еще подростком видел в Киеве: «Вий», «Запорожец за Дунаем», «Наташка Полтавка»...

Опыт работы в драматическом театре и последующая деятельность в оперном привели меня к глубокому убеждению, что стиль оперного спектакля и драматического не может и не должен быть единым. Специфика оперного искусства требует строгих законов сценического воплощения. К сожалению, большинство нынешних оперных постановок может вызвать недоумение у чуткого, но неискушенного зрителя, впервые пришедшего в оперу: почему на сцене, где могут появиться даже живые лошади, а то и паровозы, люди не говорят, а поют? Опера исчезает в дыму таких «паровозов». Портянки и лошади не путь к

РСИТЕТ

спасению, а гибель. Оперное искусство требует определенных условностей, от которых мы ушли и почти, на мой взгляд, зашли в тупик. Сегодня видимость убила звук. И чтобы ее достичь, отменяют спектакли: на установку невиданных декораций требуется очень много времени. А ведь за 200 лет такого случая в Большом театре еще не было — отмена спектаклей ради репетиций с декорациями.

Печальная ошибка, думаю, полагать, что исполнительницы партии Татьяны или Кармен должны внешне соответствовать литературным образам. В опере не это главное. Всепоглощающий Орфей только голосом привлекал, учил не только людей, но, как говорит предание, и зверей. Прежде всего важно, что несет в себе человек. Ведь если звучит скрипка, то важно, что она играет и как играет. Точно так же и поющий: что он поет и как поет.

В Киеве я занимался в музыкально-драматическом институте в классе профессора Елены Александровны Муравьевой. Я застал ее уже тогда, когда трудно было представить, что она может исполнять партию Снегурочки: низенькая женщина, довольно полная. Но на сцене в ее пении было столько обаяния, подлинного искусства, что все остальное отступало на второй план. Я вовсе не стремился этим доказать, что внешние данные актера не имеют никакого значения. Просто хочу поддержать тех немногих, для которых в опере самое важное — звучание.

Учитель

Печально слышать сетования людей на обстоятельства, не позволившие им развить в себе заложенное природой. Не столько обстоятельства нас делают теми или иными, сколько мы сами придаем им то или иное значение в зависимости от нашей внутренней предрасположенности к определенному течению жизни. Лениность и жалость к самим себе нередко лежат в основе этих сетований. Мы иногда недооцениваем, а бывает, даже просто не понимаем свою роль воспитателя самих себя. Внешне гладкое движение человека к цели обманчиво. Всегда есть препятствия, непременно возникают враждебные обстоятельства. Рассчитывать надо только на то, что вам дала природа. На дар терпения, дар жизнелюбия, дар упорства, дар работоспособности. Познать и воспитать самого себя — в этом, думается, никто нико-

му помешать не может, значит, так в этом сила каждого человека.

И все-таки учитель необходим. Но не как создатель, а как ориентир. Истинный учитель у человека может быть только один. В моей жизни им была профессор Киевского музыкально-драматического института Елена Александровна Муравьева.

Когда бы ни размышлял о своем творческом пути, неизменно возвращаюсь мыслями к этому замечательному человеку, обладавшему исключительным даром педагога-вокалиста. Муравьева безошибочно определяла, какими гранями должен засверкать тот или иной голос, как помочь ему обрести свою неповторимую форму. Прекрасно понимая законы звуковедения, Елена Александровна между тем никогда не была диктатором: не заставляла людей петь так, как пела сама. Но если человек шлох с правильной звуковой позиции, всегда могла подсказать, в чем его ошибка. Скажем, она точно знала, когда приблизить звук, когда отдалить, прикрыть его или сделать «белым» и вульгарным. Муравьева одна воспитала 400 профессиональных артистов. Среди них такие известные мастера, как Бобков, Марьяненко, Гайдай, А. Руденко, Златогорова. Многие ее ученики теперь профессора по вокалу.

Одна из причин такой сильной вокальной школы у Елены Александровны заключалась в том, что она была не только певицей, но и музыкантом. У нее теория была подкована опытом, непосредственным знанием сцены. Раньше в Большом театре существовал десятилетний срок, после которого каждый принятый в его труппу имел право называться артистом Большого театра. В этом, по моему, немалый смысл и немалая польза, потому что за это время человек формировался как артистическая личность, складывались его воззрения, утверждалась определенная творческая позиция.

Муравьева обладала еще одним немаловажным качеством — неподкупным отношением к искусству. По этому поводу вот что могу рассказать. Как и все педагоги, она давала дома уроки. К ней нередко приходили светские дамы, жены офицеров — одним словом, довольно обеспеченные особы, и, казалось бы, давать им уроки выгодно и нехлопотно. Но когда такая дама вставала с нотами какого-нибудь модного, но не отличавшегося хорошим вкусом романса, намереваясь его исполнить, Елена Александровна, нимало не заботясь о том, каких материальных выгод лишается, решительно отказывалась заниматься.

Опера.

Мысли и осуществления

Опера — особое проявление творческого стремления человека воссоздать многообразную картину мира. Опера обладает своими строгими закономерностями, нарушение которых приводит к дисгармонии и неестественности. Опера — оперное, драматургия образа в спектакле должна целиком идти от музыки. Опера — условный, поэтический жанр; поверхностное, бытовое правдоподобие несовместимо с его природой, а примитивное понимание того, что на сцене современно, порождает дисгармоничное и уродливое зрелище.

Размышления о природе оперного искусства, его истоках и современном состоянии вызвали во мне ощущение настоятельной необходимости найти новую форму оперного спектакля, основу которого составляло бы звучание, а не зрелищность. Так в свое время родилась идея создания Государственного ансамбля оперы, которая осуществилась в 1938 году. В нем принимали участие уже зрелые мастера: Орлов, Савранский, Максакова,

Ханаев, Батурия, Даманский, Литвиненко-Вольгемут, Паторжинский. Были среди нас и начинающие тогда артисты: Петров, Талахадзе, Чекин, — которые впоследствии стали известными певцами.

Глубокое заблуждение считать, что постановки ансамбля приспособлялись к условиям примитивной сцены. Оперный спектакль был полнокровной, художественно полноценной формой музыкально-сценического искусства. Ее определяла задача выражения драматургии прежде всего через музыку и голос. Движения, мимика, жесты певца, вся сценическая постановка должны подчиняться условностям оперы. Известно, что в драматическом спектакле жест, мимика иногда говорят больше, чем звук актерского голоса. Этого не может быть в оперном спектакле, потому что в нем самый сильный язык выражения — звук.

Мы стремились воспитать в актере предельную выразительность пластики, дикции, присущую не актеру вообще, а именно оперному певцу. В спектаклях ансамбля по-новому решался целый ряд постановочных проблем, связанных с участием хора, с использованием балета, с предельно лаконичным сценическим оформлением.

Первая наша премьера — опера «Вертер» — проходила на сцене Большого зала консерватории. Все оформление состояло из нескольких коричневых ширм. Перед ними располагались несложный реквизит: столы, стулья. Оркестр находился позади и сбоку сцены. Несколькими деталями обозначались эпоха и место действия. Ничего постороннего не вторгалось в условный мир оперы, гармоничное единство не нарушалось никакими чуждыми элементами другого мира.

Помню, как остро однажды ощутил дисгармонию и неестественность, возникшую во время одной постановки. Это было в 20-х годах. Полтавский театр, в котором я тогда работал, решил дать выездной спектакль «Запорожец за Дунаем». Он проходил на открытом воздухе среди деревьев. Декораций не привезли, но по ходу действия нужен был какой-то предмет, чтобы там мог спрятаться от жены Иван Карась. Решили срубить живое дерево и поместить его на сцене. И вот идет спектакль, а я не могу избавиться от жуткого ощущения, как это благоуханное дерево умирает. Тогда меня потрясла ненужность такого правдоподобия. И чем больше мы придерживались стройности и академичности, которым нас учили, тем явственнее становилась для меня несовместимость того дерева и нашего присутствия.

В спектаклях Государственного ансамбля оперы мы стремились избегать подобной дисгармонии, строго придерживаясь условностей оперного жанра.

Работа в ансамбле, приобретенный там опыт еще более укрепили меня в убеждении, что работа режиссера — это исповедь. А что такое исповедь? Когда говоришь и тебе верят. Но нельзя учить людей, убивая при этом в них уверенность. А ведь часто бывает так, что, когда человек приходит в класс, или в консерваторию, или даже в театр, его прежде всего бьют по носу, стараются доказать: он ничего не знает, ничего не умеет. Это позорно, несправедливо. Существует немало случаев, когда то ли жестокие, то ли от природы глухие люди сбивали творчески одаренных людей с их позиций и доводили их до трагического состояния.

Если бы мы были манекенами, то искусства бы не было. Но мы живые люди, подверженные сомнениям и колебаниям. Помочь актеру выйти из мучительного состояния неуверенности, нередко возникающего в процессе работы над ролью, — неперемнная задача каждого руководителя творческого коллектива.

Путь в Москву. Большой театр

В договоре, заключенном со мной Большим театром на сезон 1925/26 года, значился большой и сложный репертуар. В него входило около десяти партий, среди них: Ромео, Лозингрин, Ленский... Но учить мне пришлось немного: партию Принца («Любовь к трем апельсинам») и Юродивого («Борис Годунов»). Все остальное уже было спето в других городах, где я работал: в Полтаве, Харькове, Свердловске. Тепло вспоминаю об этой работе, но, конечно, самые «быстро оживающие» воспоминания — о Полтаве.

Театральная жизнь Полтавы в 20-х годах была чрезвычайно интересной и богатой. Она развивалась с той стремительностью, которая свойственна периодам великих общественных преобразований. Революция придала нашим будням динамику и внесла радикальный сдвиг в творческую жизнь. В Полтаве возникло пять театров, все они существовали без дотации государства. Несмотря на то, что в городе был объявлен комендантский час, а концерты и спектакли начинались в пять часов, зрительные залы никогда не пустовали. Работа актеров отличалась высоким профессионализмом. Из столичных театров к нам приезжали и работали выдающиеся мастера сцены. На афишах города появились имена таких певцов, как Бочаров, Сперанский, Днепров, Старостененка, Товстолужская, Костюченко, Цесевич. Первоклассные певцы, имена которых, быть может, мало говорят нынешнему поколению, но если чуть-чуть поинтересоваться оперной историей, то легко убедиться, что не будь их как классических певцов, то не было бы и нас. То есть были бы, конечно, но не в таком качестве и количестве. Имею в виду и современное поколение оперных певцов — блистательных исполнителей.

О тогдашнем уровне театрального искусства Полтавы говорит и тот факт, что значительное число оркестрантов Полтавской оперы вошло затем в состав Большого театра. В Полтаве я узнал театральных и музыкальных деятелей, которые были определением эпохи. Те чувства и мысли, которые вызвали выступления таких выдающихся мастеров, как дирижер Верховинец, скрипачи Севетти и Гидгард, балерины Гельцер и Айседора Дункан, настолько остры и волнующи для меня и по сей день, что грамматически верное «было» для рассказа о театральной жизни Полтавы тех лет кажется мне неприемлемым. Потому что все, создаваемое магией искусства, не может уйти в прошлое и исчезнуть. Все живо, все волнует душу...

Партию Фауста я впервые спел в Полтаве. Мефистофеля исполнил знаменитый бас Платон Цесевич. Он был приглашен в Полтавский театр на гастроль. Уже прошли с его участием «Русалка», «Севильский цирюльник». Назначили «Фауста». Но если даже в Большом театре при наличии свыше десяти Татьян отменяется «Евгений Онегин», так как назначенная артистка заболела, а остальные заняты вне театра, то неудивительно, что в Полтаве в то трудное время, когда свирепствовала испанка и было голодно, не оказалось ни одного артиста, который был бы в состоянии в тот день исполнить партию Фауста. Обстоятельства сложились таким образом, что мне, начинающему артисту, пришлось петь вместе со знаменитым мастером оперной сцены Платоном Цесевичем.

Готовясь к выступлению, я продуывал и проигрывал у себя дома мизансцены предстоящего спектакля. В комнате я жил не один и, естественно, вызывал удивление и даже страх, когда, внезапно проснувшись, мои близкие обнаруживали меня тихо двигающимся по комнате.

Много проблем тогда возникало и с

костюмами. Их даже шили из церковных риз.

Принимать участие в спектаклях Полтавского оперного театра я стал еще во времена службы в Красной Армии. Моя часть, 22-я бригада инженерных войск, располагалась за городом. Я приезжал в театр на своей лошади, привязывал ее у здания и шел на сцену. Конечно, меня волновала та партия, которую мне предстояло исполнить, но не менее волновало тогда и то, как будет выглядеть моя лошадь, верхом на которой я проскачу по Полтаве. Да простится мне это юношеское позирование! Тем более, что мое появление на лошади успокаивало спешащих в театр зрителей: они не опоздают, ведь Фауст, он же Иван Козловский, еще скачет по улицам города.

По милой, благоуханной Полтаве был слышен цокот копыт и стук деревянных сапалов, которые тогда носили, и в этих торопливых и веселых звуках не было никакой грусти—в них слышался ритм ожиданий, надежд и радостных предчувствий.

Помимо выступлений на сцене театра, мы часто устраивали, как их теперь называют, шефские концерты. Завоевать как можно более широкую аудиторию, не прибегая ни к заигрыванию со зрителем, ни к потаканию неразвитому вкусу,—одна из благородных задач в жизни актера. Поэтому, говоря о шефской деятельности, правильнее объяснить ее не чувством долга, а велением сердца. Выступали и на вокзалах, и на фабриках, и в колонии для беспризорных, организованной под Полтавой А. С. Макаренко.

В каждом периоде жизни есть что-то притягательное, которое не исчезает из памяти. Никогда не забуду отзывчивых, чутких зрителей, посещавших в то время спектакли и концерты в Полтаве, их доброту и доверие.

Совсем недавно я снова приезжал в Полтаву. Спустился 50 лет. Сколько нового! Но еще сохранилось то милое, древнее, делающее город неповторимо обязательным. Там я встретил мою давнюю знакомую, все еще стройную и красивую Антонину Иосифовну Повертинскую. Мы в своем кругу называли ее Черной пантерой—за волосы необыкновенной черноты. Теперь голова у нее вся белая. Она подарила мне два билета на оперу «Евгений Онегин» в Полтавский театр. Онегина поет Иустин Васильевич Авраменко, а в партии Ленского значилась моя фамилия. На билете помечен ряд, число и год—1920-й. Какое же воздействие на слушателя оказывали эти спектакли, если тогда юная беженка из Польши (во время первой империалистической войны таких было много на Левобережной Украине) хранит 50 лет театральный билет как память о том, что было. А было, значит, что-то волнующее, чистое и поэтическое.

У меня тоже остались неизгладимые впечатления от театральной жизни, от работы с моими первыми дирижерами—Кошицем, Ерофеевым, Верховинцем, Попадичем, Киселевым.

В 1924 году я получил приглашение в Харьковскую оперу, а на следующий сезон в лучший периферийный оперный театр—Свердловский.

Весной в Свердловск приехала труппа Московского художественного театра. До начала гастролей его актеры нередко приходили на спектакли в оперный театр. Видимо, они рассказали обо мне Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко.

И вот, когда по окончании сезона я приехал в Полтаву, чтобы навестить своих друзей, приходит ко мне взволнованный почтальон и вручает не совсем обычный конверт с эмблемой чайки. «Мы его всей почтой разглядывали»,—сказал он. Немирович-Данченко приглашал меня принять участие в гастрольных поездках по Европе и Америке. Бывают моменты, когда понимаешь заманчивость предложения,

но не можешь его принять. В ту пору я чувствовал себя связанным определенными обязательствами—контрактом на два сезона со Свердловским театром. И хотя искушение было велико, я отказался от поездки.

Сезон 1925/26 года застал меня уже в Большом театре. Первая роль—Альфред в «Травиате». Эту оперу очень любил Немирович-Данченко, и в наших с ним разговорах уже при встречах в Москве он говаривал: «Хоть раз в году, но надо обязательно послушать «Травиату».

В тот день моего первого появления на сцене Большого театра в роли Альфреда Виолетту пела Елена Клементьевна Катульская. Когда по ходу действия наши руки впервые соединились, я почувствовал невидимый толчок, сильный и подчеркнутый нажимом пальцев. Это могло значить для меня тогда только одно: «Не волнуйтесь, я с вами». Такие моменты забываемы! Ведь я пришел в Большой театр, когда в труппе еще было 80 процентов артистов бывших императорских театров. Я был новичком, а новое всегда волнует, настораживает. При известной доле нервозности нетрудно в этом внимании увидеть даже недоброжелательность. И вдруг такое теплое, товарищеское, настоящее человеческое отношение. А ведь до этого мы даже не встречались, так как, мне помнится, Елена Клементьевна в этом спектакле пела экспромтом.

С ролью Альфреда связано еще одно событие в моей жизни—предложение Всеволода Эмильевича Мейерхольда сыграть в его спектакле «Дама с камелиями». Наше знакомство состоялось еще до того, как ему пришла эта мысль. Помню наши с ним прогулки после спектаклей, наши беседы... Это было трудное для Мейерхольда время, шли жестокие споры вокруг его театра, не обходилось и без злобных, невежественных нападок. Но, как теперь оказалось, было и много сторонников его деятельности в искусстве. Получив письмо Зинаиды Райх, в котором говорилось о предложении Мейерхольда, я очень взволновался и обрадовался. Но нашим планам не суждено было осуществиться.

Работа в Большом продолжалась. Трудны первые шаги в театре. Много сил, терпения и настойчивости требуется, чтобы войти в уже сложившийся коллектив.

Жизнь артиста в любом театре, а тем более в Большом, подвержена немалой опасности и трудностям. Но это невидимо, как невидима наша духовная жизнь. Если же прибегнуть к иносказанию, где отвлеченное приобретает образ конкретный, то вот какой пример можно привести.

Человек переплывает огромное пространство. И нет ему никакой поддержки. Он один. И плывет другой, а рядом с ним лодка, в ней люди, готовые в любой момент прийти на помощь. Силы пловцов равны, а условия, окружение?

Говоря проще, одного «к звездам» тянут, а другому определяют путь «сквозь тернии», да еще какие!

Существуют же вполне закономерные условия для наиболее полного раскрытия творческой индивидуальности того или иного артиста. Понять их и дать по возможности каждому свое—вот это и есть управлять, направлять, учить в искусстве. А ведь сколько их, недоплавших! Это должно тревожить, настораживать, побуждать к действию.

В Большой театр я пришел с уже готовым репертуаром. Но это не означало, что чувствовал себя там уверенно и спокойно. Ведь лишь вступив в здание Большого, уже испытываешь трепет. Невольно возникает мысль: сколько выдающихся артистов знали эти стены, сколько поколений... И знаменитые колонны кажутся не вещественными, а наполненными духом, сутью великого искусства. Я имел воз-

можность встречаться с теми, кто был выразителем этой сути.

Сила Большого театра—в его традициях. Сквозь испытания времени, искушения и соблазны они помогают пронести огонь истинного искусства и передать его незатухающим следующему поколению.

20-е годы. Сколько начинаний и переживаний, веяний и поветрий пронеслось непогодой над дорогами искусства тех лет. Большой театр в немалой степени благодаря именно силе традиций смог выдержать удары сей непогоды. Один из них, к примеру, был такой. В 1925 году Главрепертком принял решение запретить ставить в «Евгении Онегине» сцену с крестьянами, вероятно, на их взгляд, неверно отражающую отношения между барыней и ее слугами. Затем вышло постановление Наркомпроса, отменившее решение Главреперткома. Но еще до этого постановления оперные театры, в которых традиции были сильны и было сильно прежде всего знание и уважение к слушателю оперы, ставили и исполняли эту оперу нерушимо. Среди них был Большой. Другие же, наоборот, демонстрировали свое «новаторство», свои «дерзания» и что «я свой»: убеждали Онегина выйти в красной сорочке и подпоясанном веревочкой. Я помню эти спектакли. Истина всегда скрыта в ярком, индивидуальном восприятии художника. Для плодотворной жизни театра нужно окружение интересных, ищущих и серьезных театральных коллективов, опыт и открытость которых он должен своевременно усваивать и использовать в своей работе.

Ставили в Большом оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» по сказке Гоцци. Участвовали в том спектакле Обухова, Нежданова, Жуковская, Осипов, Александр Пирогов, Барышев. Принимал в том спектакле участие и я. Дирижировал Голованов. Звучало все убедительно, с подчеркнутым маэстозом. Но все же спектакль, как убедились потом многие, должен был решаться в том же ключе, что и «Турандот» Вахтанговым. Острый юмор, ирония над самим собой—этого театр не достиг. Только работа Алексея Дикого, совершенно талантливый артист, и еще двух участников была близка к истинному духу Гоцци.

Дивные дела делаются в искусстве, во взаимосвязи различных творческих индивидуальностей возникают интереснейшие вещи. Вахтангов спектаклем «Турандот» утвердил и закрепил высокую театральность, высокое искусство, которое временным быть не может. Но идею и разработанный материал принес в театр Павел Антокольский, этот знаменитый поэт. Но он же и артист. Какой же многогранностью, какой влюбленностью в искусство обладал этот человек! Два-три года назад в Доме писателей был поставлен спектакль «Севильский цирюльник». Павел Антокольский играл и пел там Бартеле. По ходу спектакля Белла Ахмадулина в роли Розины, стоя на балконе, читала свои стихи коленопреклоненному Альмавиво, которого пел я.

Мир Большого театра—вселенная. Рассказывать об этой вселенной с беспристрастностью стороннего наблюдателя для меня невозможно. Слишком все волнует там и тревожит душу. Раскрыть читателям мир Большого театра всей силой сердца и разума—дело настолько трудное и огромное, что, начав его, пришлось бы сесть на многие годы за стол и писать том за томом. А ответить на вопрос, кто как пел или поет,—это значит самому перестать петь. Пение—высокий университет. Значит ли это, что не нужно делиться знаниями, опытом? Нет! Но тихо, каждому пошептать на ухо, не сбивая с вокальных позиций. Это надо и необходимо.

Записала Мария БОГДАНОВА

EX LIBRIS
«СМЕНИ»

ПУБЛИЦИСТИКА

Великий подвиг ради счастья людей

Книгу «Исповедь» («Молодая гвардия», 1979 г.) вы прочтаете с захватывающим интересом. Она о великом учителе пролетариата, гениальном философе и экономисте, организаторе и руководителе Международного товарищества рабочих—Карле Марксе, умевшем беззаветно любить и страстно ненавидеть, подчинившем всю свою жизнь одному святому делу—делу освобождения трудящихся. Автор этой книги, известный публицист, лауреат премии Ленинского комсомола Валентин Чикин, не ставил перед собой цель написать биографию великого вождя международного пролетариата. Замысел его состоял в том, чтобы попытаться дать развернутое толкование требований к людям и к себе самому, которые изложил К. Маркс в ответах на вопросы анкеты, предложенной ему в 1865 году дочерью.

Надо признать, что Валентину Чикину в значительной мере удался его оригинальный замысел, в результате чего мы получили интересную и поучительную книгу.

На вопрос анкеты, какое из достоинств он больше всего ценит в людях, Маркс ответил: простота. Именно это качество, как одно из украшающих личность достоинств, выделяет человек, гениальные способности и несравненный вклад которого в раскрытие тайн социального бытия признавали все современники, причем не только друзья, но и недруги. Простоту он выдвигает на уровень собственного нравственного принципа. Этот принцип позволял ему во всех обстоятельствах жизни всегда оставаться самим собой.

Силу назвал Маркс в качестве достоинства, которое он больше всего ценит в мужчине. Это, конечно, и физическая сила, отличающая всякого мужчину, который заботится о том, чтобы развивать дарованные ему природой физические свойства. Но главное—сила духа, характера, несгибаемая воля, верность избранной цели. Не случайно на вопрос, «какова ваша отличительная черта», Маркс отвечает: единство цели. Необыкновенная сила духа, мужество перед лицом тяжелых испытаний, которые выпали на долю этого человека, позволили ему устоять перед соблазнами благополучия, вынести все невзгоды и лишения, которые обрушило буржуазное общество на своего судью, несмотря ни на что, довершить дело всей жизни, его «Капитал»—самый разруши-

тальный «снаряд, пущенный в голову буржуазии».

Сила и непоколебимая целеустремленность Маркса не только обессмертили его имя в веках. Они позволили ему создать революционное учение, руководствуясь которым международный рабочий класс преобразует общество, ликвидирует капиталистическое рабство, создает на земле достойное человека общественное устройство. Буржуазия боялась и ненавидела Маркса при его жизни, преследовала его, мстила ему. И сейчас, когда прошло почти 100 лет после его смерти, империалистическая буржуазия дрожит перед Марксом. Один современный противник учения К. Маркса, облеченный высшим политическим доверием империалистической буржуазии своей страны, публично признался недавно, что все тридцать лет, что он занимается политикой, он каждый день просыпаясь с мыслью о Марксе.

Никому не дано отменить созданную Марксом и Энгельсом, блестяще развитую В. И. Лениным философию революционного преобразования мира. Никому не остановить социального прогресса.

В молодости человек решает для себя главный вопрос: как жить? Чему посвятить пробуждающиеся силы? Кого брать в пример себе? Живой, интересный рассказ о великом человеке, о самоотверженном служении избранной высокой цели — лучший помощник молодым людям, ищущим путь жизни. Книга Валентина Чикина «Исповедь» вполне может служить этой цели.

Василий ШЕЛЯГ,
профессор, вице-президент
Философского общества
СССР

Несколько лет в Америке

Серия книг советских журналов-международников пополнилась недавно небольшим сборником очерков Анатолия Манакова «Америка 70-х» («Молодая гвардия», 1978 г.).

Анатолий Манаков несколько лет проработал корреспондентом «Комсомольской правды» в США, наблюдая описываемые им события с самой близкой дистанции. Автор поставил перед собой нелегкую задачу исследовать «американский характер». Вместе с журналистом читатель колесит по Америке наших дней, встречается и беседует с мужественными борцами за гражданские права, известными политическими деятелями, студентами, полицейскими, «звездами» эстрады и заправилами бизнеса. Калейдоскоп впечатлений постепенно складывается в целостную картину многоликого, но жестко стандартизированного, душноватого для ума и сердца мира среднего американца.

Идеологи капитализма, как известно, стремятся представить США олицетворением истинной демократии и свободы. История, однако, знает противоположные оценки. Интервенция во Вьетнаме, «Уотергейтское дело», темные делишки ЦРУ — все это, как убеждает читателя,

сказывается не только на судьбах бывших президентов, но и на жизни престарелых, заброшенных государством американцев, убежавших из дома детей, солдатских вдовах, сломанной судьбе лунного астронавта...

В главе, где рассказывается об «уотергейте», автор дает весьма точную и беспощадную оценку этому скандалу вверху. «Уотергейтская буря», подчеркивает он, отнюдь не исключение в американской политической истории. Как бы ни уверяли рядовых американцев буржуазные органы пропаганды, им не удастся скрыть главного: тотальная полицейская слежка, провокации, негласные вторжения, заговоры с целью покушения на неугодных политических лидеров осуществлялись при всех президентах независимо от их партийной принадлежности. Потому что подлинная власть в этой стране не у профессиональных политиков, а у тех, кто оплачивает их политическую игру, — крупных корпораций. Акцентируя внимание читателя на этом важнейшем факторе, Манаков одновременно признает и другое: американская политическая система не лишена гибкости, изворотливости, умения ловко превратить порок в достоинство. А отсюда не случайно, что большая часть Америки до сих пор подает разоблачения коррупции в правительственных кругах не как следствие хронической болезни, а как «свидетельство демократизма» системы.

К подобным сверхдозам лицемерия американским средствами массовой информации приходится прибегать с одной целью — скрыть от общественности красноречивые факты политического произвола, обнаженные вопреки желанию власть имущих.

Вывод автора бескомпромиссен и однозначен: «уотергейт» не единичный скандал, а лишь один из плодов на дереве политического произвола.

«Америка 70-х» — первая книга журналиста-международника Анатолия Манакова. Она не претендует на отображение всех проблем сегодняшней Америки, однако, правдиво и точно опираясь на неопровержимые факты, раскрывает разные стороны реальной действительности этой сложной и противоречивой страны.

Евгений СЕРАФИМОВ

ПОЭЗИЯ

Притяжение искренности

Как правило, в поэзию приходят в молодости. В двадцать ли, в тридцать — какая разница, были бы стихи стихами, было бы что сказать людям, а не только высказаться. Молодость поэта, в общем, прихотливое понятие... Но когда человеку прилично за сорок, а он издает свою первую поэтическую книгу, тут исключение из правила. К стихам невольно начинаешь относиться осторожно: а вдруг вы-

мучены? Прочитав книгу Леонарда Лавлинского «Ключ» («Современник», 1978 г.), понимаешь, что поэтом человека сделало Время. Так сложились обстоятельства жизни, судьба. Сложились единственным образом. Видимо, надо было прожить столько, сколько прожил, посидеть, чтобы ощутить поэзию как необходимость.

В книге два раздела: «Отчие небеса» и «Русская сказка». Что объединяет их? Какое общее ощущение остается после прочтения? «Ключ» как родник, стихи как поток, чувство истории как сокровенное чувство — очень искреннее и очень русское. Каяла и «Дон Иванович», Разин и Пугачев, Сусанин, глядящий «из оконной седины», и подпольщик Третьякович — голоса их рифмуются; переключаясь, они как бы выстраиваются в ряд, становясь сильнее. Екатерина II в письме к Вольтеру сообщала о последних днях Пугачева по-своему. Императрице хотелось очернить в веках имя «преступника». Народ рассудил иначе. В книге чувствуется кровная заинтересованность автора в чистоте исторических имен: Пугачев «не споткнулся, идя к помосту», а Чапаев Урал «переплыл, утопая — смертный круг разорвал». И далее:

*Речь о правде и прахе.
Всадник пулей прошил.
По залому папах
Кровью лента бежит.*

Мне нравятся эти стихи, в них боль, поэзия.

Вообще стихи в книге переплелись не случайно и цепко. Книга читывается не с первого раза, «е хочется перечитать: общее и личное в ней убедительно двуедино — без барабанного боя; современность — как часть истории, вечности, которая «строится заново» — от донецких недр до «астральных высот»; чувство и мысль не тончат, потому что поэтичны, — глаза шахтерки «обдают весенним ветром», а «капельная артель гвоздит, не умолкая»...

Есть стихи (на мой взгляд, их немного в первых книгах — одно, два, их ищешь, у неслучайных поэтов они обязательно есть), в которых личность автора, может быть, помимо его воли выражается предельно искренне и просто, то есть самым удачным образом, со всей присущей каждому человеку неповторимостью. В книге «Ключ» одно из таких — стихотворение «Объяснение»: «Не спешите, девица, скрыться за околицу! Можно ли надеяться с вами познакомиться? Знаю сам, что светится шевелюра в иине, но желаю встретиться наших судеб линии. Умница и скромница, где мы раньше виделись? Вы за что-то, помнитесь, на меня обиделись. Ваших глаз рассерженных собираю искорки. Ваших слов несдержанных принимаю выскерки. Прочее — безделица, домысел на вымысле. Оглянитесь, девица: наши дети выросли». О чем оно? Скажем так: о семейных нежных ссорах, когда быт пересиливается любовью. Стихотворение пластично, написано умно и вместе с тем раздольно, в нем поэт остается мужчиной, душевная мягкость идет от силы характера. Случай, когда поэзия поучительней статистики разводов.

Книга заканчивается «Сонетом службе», в котором автор говорит о себе: «...гражданин философ» рядовой философ». Сказано и скромно и точно. Достойно сказано. Можно добавить лишь, что порыв, свойственный стихам Леонарда Лавлинского, исторические мотивы и философичность лирики, ее человечность позволяют говорить о книге автора как о книге поэта, у которого есть свое видение общего, свои слова.

Егор САМЧЕНКО

ПРОЗА

Размышления о главном

Азербайджанская критика давно отметила работу известного писателя республики Эльчина (Эфендиева Эльчина Ильяс-оглы). И после первой переведенной на русский язык книги «Первая любовь Баладаша» («Молодая гвардия», 1975 г.) хочется обратиться к последнему изданию повести и рассказов Эльчина «Серебристый фургон» («Советский писатель», 1978 г.). Эльчин, автор семи книг на азербайджанском языке, постарался так составить сборник, чтобы он воспринимался читателями как собрание самостоятельных произведений и одновременно как одно, монолитное, выражающее законченную мысль, разрешающее вопросы, поднятые автором. Не случайно у некоторых героев разных рассказов одинаковые имена, или портретное сходство, или внутреннее психологическое единство характеров.

Одна из важнейших тем Эльчина — это тема любви, первого чувства. Сталкиваясь с ним, герои открывают неведомые для них отношения между людьми, взрослеют; период их жизни — отрочество.

Хочется также поговорить о повестях. Жанр этот позволил писателю в отличие от рассказов более объемно очертить судьбы действующих лиц, глубже остановиться на самом главном — отношениях между людьми и взаимоотношениях человека и окружающей его мира. Элемент романтичности, присутствующий в повести «Серебристый фургон», делает повествование мягче, доступнее. Мамед-ага и Месме-ханум, мужчина и женщина, случайно встречаются и понимают, что пережитое до этого трудное, с тяжелыми воспоминаниями время — ничто по сравнению с их встречей. Лирическая картина обретения родного по духу человека оканчивается расставанием героев: они живут в обществе, и оно налагает на них определенные обязанности и ответственность за судьбы других. Интересна и драматическая повесть «Чудеса в почтовом отделении». Таинственный незнакомец, пришедший во сне или наяву к работникам почтового отделения — карьеристам и мечтам, законы которых строятся на личном благе, задает им вопрос о наиболее важном событии в их жизни. И никто из них не готов к этому вопросу, прожив большую половину жизни. Кто ты? Твои идеалы и намерения? Твоя цель в жизни?

Это думы о самом главном в жизни героев писателя. И потому читатель, познакомившись с новой книгой азербайджанского прозаика Эльчина, не останется равнодушным.

Игорь ЖЕГЛОВ,
студент, участник
«Литературно-критической мастерской
«Смены»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Нина Подзорова

ОТВЕТНОЕ СЛОВО

Слово о молодых

Книга эта написана вовремя и будет нужна долго. Имя Нины Подзоровой известно читателю. Из года в год появляются ее статьи, посвященные первым повестям, первым рассказам, первым романам молодых писателей России.

И вот теперь вышла книга «Ответное слово», своего рода итог многолетних наблюдений за явлениями молодой литературы в развитии и в совмещении с достижениями всей современной литературы.

«Парадоксально звучащая мысль о том, что по молодой литературе можно судить о зрелости всей литературы, тем не менее проста и естественна, — пишет Н. Подзорова, — молодые глядят вперед с плеч отцов, условия, нормальный климат для их развития создаются в недрах литературной жизни предшествующих поколений, обуславливаются всей идейно-политической и нравственной атмосферой общества».

С этой позиции в книге «Ответное слово» (Заметки о молодой российской прозе. «Современник», 1978 г.) критик рассматривает литературный рост недавних молодых (В. Распутин, В. Шугаев, Ю. Антропов) и пока еще молодых (П. Краснов, В. Крупин) и только-только начинающих. Говоря о творчестве молодого писателя, Н. Подзорова показывает, кто был его учителем, кто поддержал на первых порах и дал путевку в литературу. Мы встречаем на страницах книги доброе слово о Евгении Носове, Викторе Астафьеве, Сергее Залыгине и многих других. А Валентина Распутина, еще не так давно ходившего в молодых, уже называет своим учителем Александр Плетнев.

Чувствуется, что критику жаль упустить хоть одно интересное, многообещающее имя.

Юрий Рытхэу, Андрей Скалон, Юрий Скоп, Вячеслав Шугаев, Расим Хаджа... Всех не перечислишь, да и не надо. В «Ответном слове» нет перечисления, нет обоям. Там идет последовательное повествование о развитии молодой литературы, и у каждого героя этого повествования — свое лицо, каждый — индивидуальность. В том то и ценность книги критика, долгие годы наблюдавшего за творческим ростом молодых писателей, что, собранные все вместе, молодые писатели дают картину живой жизни нашей литературы, непрестанно развивающейся, деятельно участвующей в движении общества по пути коммунистического преобразования.

Книга Нины Подзоровой — остросовременная, актуальная, критическая работа. Но с не меньшим интересом мы возьмем «Ответное слово» годы спустя, чтобы лучше понять новых молодых.

Ирина СТРЕЛКОВА

ПЯТЬ ДНЕЙ

И УТРО

ЛЕОНИД СЛОВИН

ШЕШТОГО

ПОВЕСТЬ

«Мальш!»
Денисова едва не подняло с кушетки.
«Тебе хорошо с нами, Мальш!» И там, на перегоне в снегу, на пачке сигарет — «Не режь по живому, Мальш!» Одна и та же конструкция!
Паренек тряхнул головой:
— Нравится? Фирменный вечер.
— Что читаешь?
— «Находки в Кумранских пещерах...»
Верховский поставил рюмку на пол.
— Опять Плиния?!
Все засмеялись.
— Плиний-Старший — великий историк... — Лобастик поднял книгу выше, к ночнику. — Он писал об эссеях... Вот: «Племя уединенное и наиболее удивительное из всех во всем мире: у них нет ни одной женщины, — лобастик заметно покраснел, — они отвергают плотскую любовь, не знают денег и живут среди пальм...»

В углу снова засмеялись.
— Значит, не было и ревности, — сказал кто-то.
Денисову послышался намек на какие-то известные всем, кроме него, обстоятельства, причем совсем недавние.
— Значит, нет. И не было стяжательства!
— Вот когда будешь жить на Севере в брошенной деревне...
— И буду, только не в брошенной, а в такой, где школа, можно будет учительствовать, — неожиданно твердо, убежденно ответил паренек.
Денисов заинтересовался разговором, поскольку он мог коснуться обстоятельств гибели Анкудиновой, но по возможности он старался не упустить и то, что происходило в первой комнате.

Ольга Горяинова и Лена все еще шептались.
— Компанию не должен захватить дух стяжательства... — Верховский поднял рюмку. — Желание лепить червонцы на лоб.
— Как это лепить на лоб? — спросил мальчик-лобастик.
— Один идет с тросточкой, — пояснил Реховер, — и сбивает шляпы со всех встречных справа и слева. А второй идет сзади с портфелем и лепит каждому червонец на лоб: «Купи себе новую!» Понятно, Плиний?
В углу заспорили:
— Ну, ты сказал!..
— Мясо сбивает, а Володя лепит.
— Только не Володя!

Уверенный тонкий голос рядом с Денисовым покрыл смех.
— А как эссеи поступали с предателями, Плиний? — спросил Бабичев, поднимаясь с кушетки. — Брали они в руки оружие?
Лобастик перелистнул страницу.
— Тут только это, Женя.
— Брали, — сказал Бабичев. — Воевали с римлянами...
— Женя! — крикнули из первой комнаты.
Ольга Горяинова подошла к магнитофону, уменьшила звук.
В проеме Денисов увидел скуластого приземистого человека в пальто и ондатровой шапке и рядом с ним женщину.
Скуластый казался встревоженным.
— Горяиновы-старшие приехали... — шепнул Алексей. — Не Димку ли ищут?!
Непонятно его отсутствие...

Бабичев что-то объяснял, потом несколько раз кивнул, слушая Горяинова-отца.
Из-за кушетки поднялся пес Бабичева, о котором Денисов успел забыть, поочередно потряхивая лапами, вышел на середину комнаты. Компания молча следила за ним.

«Пора... — понял Денисов. — Скоро начнут расходиться».
Алексея кто-то вызвал на кухню. Денисов поднялся, не привлекая внимания, вышел на лестницу. В темноте коридора все, по-видимому, оставалось по-прежнему. Сидевшие на подоконниках умолкали, когда он проходил мимо.
Заходили ли они к Бабичеву или у них была своя компания? Вслед Денисову на высоких нотах запел Демис Руссос. Голос певца словно путешествовал внутри причудливой и нежнейшей морской раковины.
Хотя Денисову не удалось присмотреться к Момоту, у него возникла полная уверенность в том, что не ошибся: на брови Момота белела маленькая наклейка.

Высочившие из подъезда попрятались за деревьями, приготовили снежки. Появившихся следом встретил дружный залп. Двор огласился воплями:

— Бе-ей!
— Осторожно: фейс!
Шел первый час, в глубине домов мелькнул зеленый глазок.
— Такси!
— Все не поместимся! Ищи сарай! — имели в виду такси-пикап.
Вновь прибывшие инспектора уголовного розыска у угла дома напротив магазина «Медтехника» быстро распределили между собой ухаживавших гостей и двинулись группой, плотно, подтягивая по мини-рациям, медленно рассредоточиваясь.

— Восьмой, я — пятый...
— Слышу хорошо!
С минуту дублировавшие в рациях голоса инспекторов и сигналы стояли в воздухе густой завесой, как цокот ночных цакад.

Денисов прикрывал выход на Нахимовский проспект, он все стоял, когда во дворе уже не было ни души. Потом показались двое. Денисов узнал Лену, она шла через середину двора в направлении проспекта, за ней шел Бабичев. Где-то рядом, в темноте, бежала собака.

— ...Позорный день... — Денисов узнал голос Бабичева.
Денисов пропустил обоих вперед, вправо, к продовольственному магазину, потом вышел сам. Бабичев и его спутница не оглянулись, из-за угла вынырнул наконец пес, побежал вперед.

Денисов шел метрах в тридцати. Народу было совсем мало, только на остановке пятьдесят второго троллейбуса толпились несколько человек. Бабичев и девушка прошли мимо, к классических пропорций зданию с мостком, квадратным портиком, вынесенным к тротуару.

Огромные окна первого этажа светились матово.
Подойдя ближе, Денисов прочитал: «Институт научной информации».
Второе здание, поодаль, тоже имело отношение к науке — огромная лента Мебиуса была видна за километр.

Бабичев и его подруга шли медленно, потом остановились под портиком.
«Дождь?!» — Денисов поднял голову.

Изморозь, падавшая с неба, обтекала лицо. Верхушки башен на проспекте казались размытыми. Когда Денисов из-под мокрых ресниц посмотрел на свет, он увидел причудливые геометрические фигуры, как под микроскопом.

— Двести первый!.. — впервые за вечер Денисова окликнули по рации.
— Слушаю.

— Звони на базу. Срочно!.. Как понял?
Инспектор, который вызывал его, находился где-то вблизи. Денисов огляделся. У углового дома чернела фигурка. Бабичев и его спутница у институтского портика устроились, видимо, надолго.

— Объект беру на себя, — успокоил напарник.
— Что случилось? — спросил Денисов. — Не в курсе?
— У Горяиновых обворовали дачу. Осмотр завтра с утра...
— Далеко?

— За Бельми Столбами.
«А я здесь при чем?!» — подумал Денисов.

— ...Сказали, от нас ты поедешь.
«Я так я, — подумал он. — Ничего не поделаешь!» В последнее время ему не всегда везло.

— Понимаешь, Игорь, — рассудительно объяснил напарник. — Сначала погибает Анкудинова, а потом оказывается, что обворована дача полковника в отставке Горяинова, с сыном которого Анкудинова дружила и в доме которого бывала нередко... Понимаешь?

Сабодаш стоял у коммутатора оперативной связи и курил, испытующе глядя на вошедшего в дежурку Денисова.

— Какие новости? — спросил он.
— Новости здесь, в дежурке, — сказал Денисов. — Гости разошлись, ты знаешь.
— Не все. — Антон погасил папироску. — Кира еще не звонила.
— Кого она вела?
— Ольгу Горяинову.

Денисов удивился:
— Разве Горяинова не уехала с родителями?
— Зашла к этому... — Антон сверился с записями, — к Верховскому.
— Нет. Значит, Горяинов Дмитрий так и не появился? — спросил Денисов.
— Куда он денется...
— А все же?
— Пока не засекали.

Денисов сел в вертящееся кресло, расстегнул куртку.
— Жара у тебя... А как узнали про дачу Горяиновых?
— Ориентировка поступила. — Сабодаш достал очередную папиросу.
— Когда обнаружили кражу?
— Вечером, родственница заезжала за продуктами. Она же заявила в милицию.

— Похоже, сами Горяиновы не знают? — Денисов вспомнил скуластого мужчину в квартире Бабичева и его жену. — Иначе вряд ли они поехали бы на Профсоюзную...
— Теперь уж узнали...

Тема исчерпала себя. На пульте оперативной связи зажегся огонек.
— Вот и капитан Кольхалова дает отмашку. — Антон снял трубку. — Слушаю! Дежурный по отделу милиции...

Но это была не Кира. Мужской голос спросил:
— Милиция? — Голос явно пытались изменить, он звучал натужно, хрипло.

— Капитан Сабодаш, вас слушаю.
Денисов мгновенно щелкнул тублером записывающего устройства.
— Несчастных случаев с людьми на участке не было?
— На вокзале, имеете в виду? — Свободной рукой Антон поднял вторую трубку, подал Денисову.

— И на линии.
— Линия большая... — В задачу Антона входило теперь тянуть время как можно дольше, пока Денисов не свяжется с телефонной станцией, а та, в свою очередь, не засечет абонента.

— ...Три отделения милиции обслуживают. Какой все-таки участок вас интересует?

Неизвестный абонент помешкал:
— От станции Жилево к Москве...
— Значит, начиная с Каширского участка, — сказал Антон. — Сейчас наведем справки... Куда вам сообщить? Телефон? — Своим вопросом он ускорил развитие события.

Мужчина заспешил:

Продолжение. Начало в № 9.

— Я сам позвоню...
— Одну минутку! — Сабодаш дал задний ход. — Это наша обязанность.
— Ничего. Мне это проще.
Трубку положили, теперь должны были позвонить с телефонной станции.
— Ти-ти-ти... — пела трубка на столе.
— Надо же. — По лицу Антона плыли багровые пятна. — В руках был!
— Звонили из автомата тридцать один-семнадцать, из района Бауманского метро, — дала справку телефонистка.
— Благодарю. — Денисов нажал на рычаг.
«Зарегистрированы ли несчастные случаи на перегоне Жилево — Москва?» — поинтересовался неизвестный абонент. В другое время подобный звонок вряд ли бы насторожил. Но сейчас... Перегон Жилево — Москва... Это же маршрут поезда «Здоровье»!

Кира Кольхалова оказалась провидцем: кого-то, по-видимому, весьма интересовало, жива ли Анкудинова и сможет ли она предстать перед следователем, чтобы дать показания...

Было уже совсем поздно, когда Денисов шел от автобусной остановки к дому. Он шел медленно. Слишком медленно даже для усталого человека. Что-то определенное пыталось выстроиться в утомленном мозгу, но думать, рассуждать не было сил.

Таял снег, и совсем по-весеннему пахло сыростью. Когда капитан подошел к своему дому, то привычно глянул в окно: горит ли свет на кухне? Ждет ли его Лина? Ждет.

Лина читала журнал.
— Появился, красно солнышко, — шуточно сказала она, когда Денисов вошел. Он молча повернулся, стаскивая куртку, пошел в прихожую. Как ни старался Денисов скрывать свое состояние, жене обычно не составляло труда догадаться о настроении капитана с первого взгляда.

— Что-нибудь не так в твоём ведомстве? Какие-то потрясения? — спросила жена.

— Просил бы без излишней иронии. Кстати, в шесть утра я уезжаю, за мной пришлют машину.

— Я так и предвидела. Не точно, но что-то в этом роде.
Денисов помыл руки, прошел в комнату дочери. «Надо бы Наташку в парикмахерскую свести», — подумал он, заметив, как распушились в беспорядке волосы дочери. Он поправил одеяло, улыбнулся, постоял, как бы желая надыхаться вдоволь доброй и нежной атмосферой этой комнаты, потом тихо вышел.

На кухне Лина что-то разогревала в чугунной сковородке.
— Садись. — Она сдвинула сковороду и поставила на конфорку чайник. — Обедать, конечно, не пришлось?

— Работа.
— У нас с тобой диалог на манер шаблонных теле-«блинов» о жизни грозных стражей закона.

— Объясняя некоторые личные неудобства словом «работа», я вовсе не кичусь.

— Я не об этом. Работа твоя, между прочим, такая же, как и любая другая...
— Ты считаешь, что раскрывать преступления — такая же работа, как и любая другая?!

— В том смысле, что между ней и личной жизнью все-таки должна быть грань. А у тебя эта грань, милый, только-только намечается — и очередная ужасная история выбивает тебя из колеи: даже в собственной квартире ты как будто на месте преступления. А представь — и я начну мучиться все дни напролет: отчего брак, отчего лично бояться пустить на полную мощность и тому подобное? — Лина работала технологом на крупном заводе.

— Но ведь можно же найти причину, как говорят, на месте, не таская этот «хвост» за собою в дом?

— Вот именно — я так и делаю!

— А у нас это невозможно. Перестать думать о «деле» — все равно что прервать технологический процесс у тебя на заводе. Понимаешь, Лия?!

Ему уже не хотелось есть. Он опять видел голый февральский лес, частую сеть контактных подвесок поперек заснеженного полотна, бессильно откинутые маленькие руки Анкудиновой...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Анкудинова Петра Сергеевича, 34 лет, водителя Первого автобусного парка Управления пассажирского транспорта Мосгорисполкома, образование среднее...

(Магнитофонная запись)

«...О поезде «Здоровье» Роза сказала накануне, в субботу: «Ребята достали путевки, не ехать неудобно...» Мне показалось, что ей хотелось остаться дома. Тем более, что в понедельник надо было выезжать в санаторий, да и физически она чувствовала себя неважно, несколько дней ходила в ПГТУ с температурой. Мы с женой посоветовали ей отказаться от поездки, Роза ответила: «Утром решим!» Наутро она почувствовала себя лучше, за ней зашли брат и сестра Горяиновы, и Роза уехала с ними...

Уходя, Роза сказала, что должна обязательно днем вернуться, чтобы собрать вещи для санатория. Однако не пришла и не позвонила, как это обычно бывало. Это меня насторожило, так как Роза всегда ставила в известность, если по какой-то причине не могла приехать. Не было звонков и от ее приятелей. Я заволновался...

— Какие у вас взаимоотношения с падчерицей?
— Мы дружили.
— Замечали ли вы в последние дни за Розой что-либо необычное?
— Мне показалось, она была чем-то расстроена. Особенно в последние дни, в пятницу и в субботу. В пятницу Роза вернулась домой поздно.
— Вы спросили, где она была?
— Да. Она ответила: «Потом скажу!»
— Связываете ли вы гибель Розы с какими-то событиями, предшествовавшими поездке в поезде «Здоровье»?
— Скорее с одним человеком из их компании.
— С кем именно?
— С Горяиновым Дмитрием.
— Почему?
— У меня нет фактов, но я убежден, что прав.
— Горяинов бывал у вас в доме?
— Очень часто. Можно сказать, каждый день.
— Один?
— Да.
— Сегодня он тоже был? После случившегося?
— Сегодня Горяинов не приходил, и это тоже странно. Жена разговаривала с Володей Верховским, приятелем Горяинова. Верховский сказал, что после возвращения из Жилева Горяинова никто не видел...

2. Понедельник, 9 февраля

В четвертом часу хлынул дождь, он шел всю ночь. В электричке пахло сыростью. Денисов то дремал, то снова просыпался.

Остановок не объявляли, мелькали тускло освещенные платформы с металлическими, крашенными в два цвета оградками. На переездах сверкал мокрый гудрон.

Денисову больше не казалось, что, отправляя его в Кресты, Бахметьев как бы переводит во второй эшелон.

«Убирает меня на время допросов с глаз компании, — думал он. — Значит, я смогу и впредь, если потребуется, войти в их общество...»

Мокрый еловый лес сменил березовый, но в Привалове ели снова вытолкнули березы на обочину. Скользкие стволы деревьев провожали поезд. Только за Вельяминовым, на шестьдесят шестом километре от Москвы, намечился рубеж — дальше была зима.

«Дача Горяиновых!.. Имеет ли она отношение к гибели Розы Анкудиновой? Когда обнаружили кражу, Розы уже не было в живых...» Денисов поднял воротник куртки — в поезде было зябко, и ко времени, когда электричка остановилась в Крестах, он изрядно продрог. Тропинкой по-за сугробами Денисов прошел вдоль церкви, нашел улицу, дом с голубым «Жигуленком» у калитки. Дом был не новый, но крепкий, с двумя террасами. С десяток яблонь чернело вокруг парников в дальнем углу двора, у забора. Там же стоял кирпичный новый гараж.

Осмотр еще не начинали. У крыльца несколько сотрудников милиции в форме и в штатском разговаривали с понятными или свидетелями — хмурыми, одинаково продрогшими, невыспавшимися.

На крыльце молодой человек в замшевой куртке возился с замком. Несмотря на мороз, молодой человек был без головного убора, это он, как Денисов понял, приехал в голубом «Жигуленке».

— Не получается, Горяинов? — крикнул ему капитан милиции с оперативным чможданом, по-видимому, эксперт.

Горяинов повернул лицо, чисто выбритое, приятное, с аккуратной профессорской бородкой клинчешком. Это был не тот человек, которого Денисов видел вечером в квартире Бабичева.

— Никак!
— Тогда мы сами откроем. Разрешите...

Капитан действительно оказался экспертом-криминалистом, к тому же руководителем практики стажеров школы милиции. По ходу осмотра он то и дело подкидывал своим подопечным каверзные и некаверзные вопросы.

Денисов представился, но оперативной группе было не до него. Только участковый обрадовался:

— Вот и транспортная пожаловала!
— Когда точно обнаружили кражу? — спросил Денисов.
— Горяинова приехала сюда вчера около девятнадцати. Считаю...

— Жена полковника?
— Николая. — Участковый показал на молодого человека в куртке. — Племянника Аркадия Ивановича. — Он пояснил: — Дом этот родительский, на двух сыновей. Половина Аркадия Ивановича, полковника. Половина брата, что умер.

Теперь в ней Николай с семьей... Приедет Аркаша, даст шороху!..— Аркадия Ивановича участковый как будто побаивался.— Всех на ноги поставит! Орел!
— Семья большая у него?— спросил Денисов.
— Сын в институте. В Плехановском. Дочь тоже студентка.
— Там же?
— На последнем курсе.
— Приезжают?
— Сюда? Всей компанией, человек пятнадцать. Все у меня переписаны.— Он засмеялся беззлобно.— В тот год штрафовал... Не их, конечно. Самого!
— Аркадия Ивановича?
— Полковника. В отставке, конечно...— Он поправил фуражку.— Костры жгли, а пора какая?!

Он не договорил. Подошел Николай Горяинов, поздоровался, внимательный взгляд протянулся к Денисову с чисто выбритого, приятного лица.
— Вот уж этого меньше всего ждали...— сказал Горяинов.— Неужели и в замке копались?!

— Разве вошли не с крыльца?— спросил Денисов.
Горяинов показал в сторону крытого двора:
— Там дверь отжали.
— Экспертиза покажет.— Участковый инспектор снова сбил фуражку на затылок.— Верно, капитан?

Эксперт на крыльце все еще экзаменовал стажеров:
— ...По способу крепления, по назначению... А как еще для криминалистических целей классифицируются замки?
Денисов осматрелся. Хорошо заметная дорожка следов тянулась в снегу от капитана прямо к крытому двору. Ее огородили кольшками, видимо, это и была дорожка следов преступника.

— Изъем замок...— неторопливо журчал эксперт,— заметим попутно, что он импортный, с четырьмя сувальцами. Даже снаружи хорошо просматривается свежий динамический след. По-видимому, от подобранный ключа...

— Зачем же в замок лазить?— спросил Горяинов.— Если взломана дверь...
— Это другой вопрос, юноша! Его решать не эксперту, а следователю.
Стоявший рядом следователь тоже заинтересовался:

— Такая сложность? К чему?
— Если ключ подобрали, значит, в руках преступников был оригинал! Значит, они знакомы с хозяевами дачи. Может, бывали здесь. Чтобы это скрыть, взломали дверь,— продолжал эксперт.

— У вас вчера шел снег?— спросил Денисов.
— Нет. В пятницу около девятнадцати,— сказал эксперт.— Дело вот в чем... Пока эксперт отстаивал свою версию, Денисов покинул дачу, проваливаясь в снег, пошел вдоль забора по внешнему периметру; он обожал свободный поиск. Деревенская улица, казалось, еще спала, но над каждой избой торчал из трубы дым, дорожки были расчищены. Денисов прошел две стороны прямоугольника, свернул еще раз.

На углу, у забора, были четко обозначены следы. Кто-то легкий, молодой, махом перескочил сюда с тропинки и так же легко перемахнул через забор на участок Горяиновых. Денисов всмотрелся еще, но, кроме отпечатков собачьих лап поодаль, больше ничего не увидел.

Осмотрев внешний участок и обнаруженный Денисовым след, работники милиции вновь вернулись на дачу. Здесь их ждало разочарование: человек, перемахнувший через забор, в дачу не входил—постоял сбоку, у дощатого туалета, и снова вернулся в прогон.

— Этот человек стоял на стреме,— подытожил следователь.— Вот окуроч. И с ним находилась собака!

Дом был перегорожен на две половины, полковник с семьей занимал южную. Здесь было больше пыли и больше вещей, нужных и ненужных. Зонты, богемское стекло, керамика, безделушки. В углу стояло сломанное пианино.

Денисов сразу обратил внимание на цветную фотографию веснушчатого парня, с выпирающими верхними зубами и с большим выпнутым носом под свалившимися на лоб соломенными волосами. Фотография висела в простенке.

— Горяинов Дмитрий?
— Димка! Теперь не узнаешь, вымахал...— Участковый инспектор огляделся.— Шкафы заперты, все цело...— Он сразу повеселел.

Николай огорчился:
— Сервиз! Кузнецовский фарфор... Стоял в горке.— Горяинов сбросил куртку, остался в шерстяном спортивном костюме с лампасами и свитере.

Из-за лобознательности стажеров осмотр двигался медленно. Осмотрели дверь крытого двора, со следами на запорной планке, отжатую преступниками, видимо, с помощью ломика, и вторую дверь— в половину Николая, замок на ней был сорван. В коридоре, обитом пахнущими лаком свежеструганными рейками, эксперт опустился на колени и заставил стажеров сделать то же— здесь ему удалось обнаружить начес шерсти.

Следователь посмотрел:
— Надо непременно исследовать. Я вынесу постановление...
— Не сомневайтесь...— Эксперт осторожно упаковал все в полиэтиленовый пакет.

— Можно входить,— сказал он, наконец.
— Иконы!..

Пустыми глазами зияла божница в углу.
— ...Дед сыновьям подарил— Аркадию Ивановичу и моему отцу.— Горяинов смотрел из-под полупущенных век, на память называл похищенное.— Тарелка деревянная с надписью «Хлеб наш насущный даждь намь днесь», лампадка...— С разрешения следователя он выдвинул нижний ящик комода, встал на стул, попробовал пыль на крышке шифоньера.

— Что-то искали...
— Что?!

— Понятия не имею. Но искали.
Эксперт провел серебряной кистью по тусклой поверхности иконостаса, Денисов следил за ней. Под мягким колонком мелькнули прерывистые линии.

— Отпечатки пальцев?— Николай Горяинов поправил аккуратную бородку.
— Нет, перчатки.

Они снова обошли дом, перед тем как начать составлять протокол. Преступники знали обстановку: Денисов обнаружил всего две обгорелые спички, они лежали на подоконнике. Сами иконы снимали в темноте.

— Фонарь горит всю ночь?— Денисов кивнул на окно.
Один из понятых спросил:
— Этот? С вечера только. Иду с работы— включаю.

— Поздно?
— Часов в восемь.
Следователь обратился к Горяинову:

— Названия икон помните?
— Где-то записано, надо смотреть.
— Когда в последний раз приезжали на дачу?
— Тоже не знаю. В то воскресенье? Да, неделю назад.
— Значит, кража могла произойти в любой из дней недели?
Горяинов развел руками.
— Так и запишем. И еще: значит, иконы принадлежат двоим?
— Мне и полковнику Горяинову.
— Два хозяина...

С участковым инспектором и одним из понятых Денисов вернулся на половину полковника.

«Если ключ к случившемуся с Анкудиновой хранится на даче,— подумал Денисов,— его следует искать именно здесь...»

Половина полковника Горяинова представляла для этого большие возможности: три комнаты, кухня, чулан.

Ольга Горяинова с матерью занимала, видимо, угловую комнату, там было больше керамики и стекла. Полковник с сыном обитал в столовой, в «зале», как назвал комнату участковый. Денисов увидел здесь диски Джона Леннона, «Тич-Ин» попеременно с конспектами по экономике производства и вычислительным машинам. Всюду в его тетрадах попадались клочки бумаги, записочки— родители, видно, привыкли не обращать на них внимания, иначе, несомненно бы, насторожились, прочитав:

«Никогда я еще не целовал ее так нежно, как тогда в тамбуре...»
Или:

«Любовь, жизнь, смерть— величины одного порядка, они взаимосвязаны». Денисов подобрал вместе несколько записок, листков с начатыми и перечеркнутыми первыми фразами. На всякий случай переписал к себе в блокнот. «Она появляется неожиданно, когда кажется— не осталось никакой надежды! Стоит только появиться тревожному чувству— не придет...»

«...Эта прическа «пирогой» и нестойкий запах пустых конфетных коробок...»
«...Какие только мысли не лезли мне в голову за эти десять минут, пока она не появлялась, а люди выбегали из беспрестанно подкатывавших автобусов и бежали в метро».

В центре обеденного стола лежал несвежий лист ватмана, прикрывавший скатерть. Денисов обратил внимание на сделанную карандашом не горяиновской— другой, размахнувшейся на пол-листа— рукой надпись посередине:

«Мы еще будем здесь не один световой год, спасибо».
Карандаш, которым была сделана надпись, валялся тут же, на бумаге, рядом с учебником по бухгалтерскому учету.

Денисов подумал:
«Надпись могла быть сделана теми, кто приезжал за иконами...»

Под учебником лежала фотография— в Денисове дрогнуло что-то, когда он увидел чуть расширенное девичье переносье, рассыпавшиеся на лбу короткие волосы «пирогой», трагичный, как ему показалось теперь, изгиб рта.

— Роза,— посмотрел участковый.— Димкина девчонка.
— Знаешь?!

— Конечно.
— Бывала здесь?
— Сколько раз. Натерпелся он от нее.

— Каким образом?
Инспектор сказал коротко:
— Войка чересчур...

Денисов внимательно оглядел фотографию. Дарственной надписи не было, в центре снимка, во лбу бумажной Анкудиновой, виделось отверстие.
А если фотография была умышленно проколота?

Денисов возвращался в Москву в «Жигуленке» Горяинова. Бежали мимо мерзкие в сугробах деревни, опустевшие пионерские лагеря с одинаковыми мачтами для подъема флагов, капитайскими мостиками, спортивными площадками.

Горяинов вел машину очень точно, экономично, поролонован игрушка— мальчик в майке и джинсах— аккуратно качалась у стекла.

— Слишком много людей знают об иконах,— заговорил Горяинов, уже подъезжая к Москве.— Поэтому и соблазн... Говорил Аркадию Ивановичу: нельзя держать их в деревне!

— А он?— спросил Денисов.
— «Всю жизнь,— говорит,— там висели».

— Подозреваете кого-нибудь?
— Нет. Да и как можно сразу?— Денисов видел в зеркальце его устремленный на дорогу взгляд, все его аккуратно выбритое, целеустремленное лицо.

Из-за невысокой лесопосадки показались двенадцатитажные башни, они надвигались уступом одна за другой, похожие на странные геометрические построения. Развернутым строем башни подступали к деревушке, жавшейся к краю шоссе.

— Я видел, как вы записывали,— снова заговорил Горяинов.— «Слова улетают. Написанное остается».— Он процитировал латинское изречение.— Иконы вас не интересовали!.. Потом вы рассматривали фотографию Анкудиновой.

— Знаете ее?
— Неужели нет?!— Он помолчал.— Все здесь перебалмутила.

Денисов поинтересовался:
— Что «все»?
— Димку, Ольгу. Димка институт хотел бросать... Еле отговорили!

— Что она за человек?
— Кому как...— Горяинов принял ближе к осевой.— Расскажу, как я с ней познакомился. Если интересно, конечно... В субботу, помню, приехала с ночевой вместе со всеми. Культурно, чинно. Вечером пошла в кино. И я с ними. А после кино исчезла. Димка, бледный, бегающий, ищет. Мать за ним. Ольга за матерью...

— Тяжелый случай.
— Полночи искали... Наконец идет! Ходила смотреть церковь в Ивановское за шесть километров! Между прочим, с одним здешним паренком.

— С кем?
— С Солдатенковым Сережкой. Рядом дома.— Он помолчал, обгоняя тягач с прицепом.

— А что Аркадий Иванович?— спросил Денисов.
— Не было в тот день— скрыли! Он бы им дал церковь. Заодно и иконы и брошенные деревни на Севере.

Денисов вспомнил, что уже слышал о северной брошенной деревне. Вчера у Бабичева.

— А что с деревнями?
— Идея фикс! Податься в Архангельскую область в оставленные деревни...

Они обогнули столб с надписью «Добро пожаловать!». С другой стороны желалось наоборот: «Счастливого полета!». Ближе к Варшавскому шоссе поток машин стал гуще, Горяинов сбросил скорость.

«Брошенные деревни, иконы...— подумал Денисов.— Это может пригодиться!»
— Если придется вас вызвать,— спросил он,— сложно это?
— Только не с работы.
— А что?
— Лучше не надо. Да минует чаша сия!
— А по повестке?
— Я говорю: никак!
— Где же вы работаете?
— Заведующий магазином «Мясо». Восемьдесят третьим...— закончил он неожиданно.— Вас к вокзалу?
Денисов внимательно посмотрел на него.
— Вы же из железнодорожной милиции! Я слышал, участковый говорил Димка у вас?

Денисов не ответил.
— Что-то случилось с Димкой и Анкудиновой?!— Горяинов отер разом вспотевший лоб.— Мы знали: этим кончится. Аркадий как в воду смотрел...
— Где вы живете?— спросил Денисов.
— Мне далеко, на Басманную.
— А ваш магазин?
— Восемьдесят третий? В районе Бауманского метро.— Он свернул под «кирпич» к вокзалу, остановился.— Въезжать?
— Я здесь выйду.

Видеомагнитофон едва слышно пощелкивал в углу, не успев разогреться. Денисов подсел ближе к Антону. Теперь он хорошо видел скуластого, приземистого человека, который накануне приходил к Бабичеву во время именин.

Полковник в отставке Горяинов на экране видеомагнитофона попросил воды, и Бахметьев, переспросив о чем-то, потянулся к графику.
— Звук!— крикнул один из инспекторов почти на ухо Денисову.— Звук покрути!

Но кто-то уже вскочил, протянул руку к панели.
— ...Она буквально преследовала Димку...— Горяинов на экране отставил стакан, поблагодарил.— Каждый день они встречались по несколько раз... Это я уже потом узнал! Утром— на Автозаводской, у нашего дома! Представляете, какой крик она делала?! Если у него семинары, заезжала в институт. А вечером, как говорится, сам бог велел встретиться. А еще звонки! Не знаю, спала ли она этот год и когда!

Бахметьев и следователь на экране видеомагнитофона молчали, камера все время показывала одного Горяинова, один раз, и то мельком,— его жену.

— ...Не представляю, как Димка сдал весеннюю сессию, а теперь зимнюю. Собственно, ничего он не сдал! К преподавателю по вычислительным машинам я ездил и к политэконому! У математика раза четыре был.

— Все отец...— поддакнула невидимая еще за кадром Горяинова.
— Да и когда учиться?! Встречи да звонки! Сначала мы не понимали. Поднимешь трубку— молчат... «Алло! Алло! Говорите» — гудки! Может, аппарат не срабатывает?!— продолжал Горяинов-старший.

Оператор наконец догадался показать Горяинову. Она часто кивала, стараясь не пропустить ни одного слова, сказанного мужем.

— ...Впилась в него, как пиявка! Не оторвешь! Какие ребята были: Женя Бабичев, Момот! Все сейчас издерганные, злые! Юристу привела в компанию, он на десять лет старше их...

Следователь уточнил:
— Верховского?
— Его самого. Загуляла, одним словом. Вот они и бесятся...
— Как вы узнали, что сыну звонила именно Анкудинова?— спросил Бахметьев.

Горяинов усмехнулся:
— Да очень просто! Если звонят мне, то сначала поинтересуются на работе. «Ушел ли?» Если жене— тоже. Как-то позвонили— молчат.— Он снова усмехнулся.— Сразу звоню на работу. «Мне не звонили сейчас, не спрашивали?» «Нет». К жене на работу: «Никто не спрашивал!» К сестре, к племяннику Николаю. Есть! «Спрашивали. Димку— женский голос!» На следующий день история повторяется. Сначала она его ищет у Николая, потом звонок сюда. Если мы берем трубку, бросает...— Горяинов поднял глаза на экран.— Откуда хитрость такая в нежном возрасте?! Любовь?! У Димки— возможно...

Денисов заметил, как в лице Горяинова что-то дрогнуло.
— Я принес тут некоторые его высказывания.— Горяинов достал бумажник, выложил несколько исписанных мелким, скучным почерком бумажек.— Иной раз очень тонко, мне так никогда бы не написать.— Он надел очки.— Почему вдруг грустно, когда видишь дорогу в поле, облако и тихую деревню на косогоре?... Или вот еще: «Чтобы миллионы людей спокойно любили, нужно, чтобы тысячи любили до иступления, чтобы десятки жертвовали всем...»

— Он стихи не писал?— спросил следователь.
— Кто их не пишет?!— сказал Горяинов.— Я сам писал. Или вот: «Все закончилось после шестого февраля, словно несусь с бешеной скоростью!» Не то. А здесь целый сценарий: «Ты сказала: «Наверное, все-таки не люблю. Привычка...» Я закрыл лицо. Это было под навесом в детском саду. Ты не видела: темно, дождь. Витрины засверкали в глазах. Слезы?! Спросила: «Тебе важно слышать это слово?» «Нет». «Тебе плохо?» «Не знаю». «Но ведь ничего не переменялось?» «Наверное». «Тебе плохо,— сказала ты.— Тебе морально важно услышать «люблю». «Все-таки что-то изменилось. Назвать— значит определить суть...» Горяинов снял очки.— Я прав: она не любила его...

Бахметьев кивнул.
— Вы говорили с ней?— спросил следователь.
— С Анкудиновой? Один раз.
— И как?
— Что вы знаете о моей жизни? Она так сказала...
— Там еще есть?— Бахметьев кивнул на записки.
— «Твои губы проснулись...», «Умьгельские глаза, легкий запах пустых конфетных коробок...». Нет.

— Вам, конечно же, надо было узнать ее больше,— сказал следователь.
— Однажды собрались они в кино, Дима и Анкудинова, а на другой день у него должны были быть семинары. Я приказал: «Ни в коем случае!»— Горяинов снова отпил воды.— Тут с работы звонят: «Нужен, срочно!» Как назло! Я— Димке: «Без меня никуда, учи!» Запер его. «Приеду,— говорю,— через час— выпущу!» Что же вы думаете?— Горяинов поставил стакан.— Ушел! Через соседний балкон. Все-таки шестой этаж!..

— И что вы мыслите?...— начал Бахметьев.

Горяинов вздохнул.
— Девчонка далеко смотрит. Я сам в трудных условиях рос, к математику за меня пойти было некому. Не вино ее, поймите...— Он оборвал себя.— Не Димка ей нужен.

— Кто же?!
— Семья наша, клан. Я, наконец!
Горяинова сбоку закивала.
— Ольгу уже сейчас берут на работу в Госкомитет по науке и технике. Она в этом году заканчивает институт. Димка, думаю, тоже будет устроен. Квартира, машина, дача... Девчонки, они быстро схватывают!..
Оператор показал Горяинову, следователь спросил:
— Вы что-то хотели добавить?
— Она кивнула:
— Отец у нас оч-чень строгий: против не скажи. Все на нем: институт, учеба, участок...

— Вы ездили на дачу?— поинтересовался следователь.
— Только вернулись.
— Много похищено? Кузнецовский фарфор, иконы?..
Горяинова оживилась:
— Двенадцать немецких селедочниц, двенадцать тарелочек. Салатница...
— Вы работаете?— спросил ее Бахметьев.
— Преподавателем.
— В школе?
— В восемнадцатом жеке, на курсах кройки и шитья.— Она вздохнула.— Димка, он такой: на улице последний кусок друзьям отдает. А домой вернется— возьмет себе самый лучший... Трудный парень. Оч-чень...
— Денисов!— раздалось неожиданно. Кричали не с экрана.
— К телефону, срочно!— В дверях стоял сержант.— Из Крестов! По краже икон!
— На самом интересном месте!— Денисов не колебался.
— Потом докрутишь!— крикнул помощник дежурного.— Быстрее!..

Высоко, в горловине станции, бежала неоновая строчка:

«Пользуйтесь услугами железнодорожного транспорта».
«Ни один вечер не обходится без этого,— подумал Денисов,— хотя все прибывшие и без того отдали предпочтение поезду...»
Неожиданный звонок из Крестов озадачил. Эксперт оказался прав: преступники проникли в дачу Горяиновых с двух сторон— через отжатую дверь крытого двора и с крыльца, с помощью подобранный ключа.

«...Любопытно!»— подумал он.
К видеомагнитофону Денисов так и не вернулся, зашел к ККК, которая беседовала с поджарым немолодым человеком в куртке и спортивной трико.

— Вы были старшим по вагону?— Кольхалова вынула пачку сигарет, закурилась не спешила.

— Да.— Он выпрямил спину.— А всего старших инструкторов было трое.— Теперь ему была видна жена, сидевшая чуть позади— много моложе его, полная, с матового цвета лицом.

— В вагоне ехали только свои?
— Нет... Вышла неувязка. Многих я вообще видел впервые. Особенно молодежь...

ККК взглянула на Денисова: ей не стоило начинать этот разговор, но следователь опаздывал, а показания Коношевских могли изменить суть проводимых мероприятий.

— ...Кто-то не поехал. Другой передал путевку товарищу.
За окном врубилась компрессоры очередной электрички: они почему-то всегда оказывались за стеной кабинета.

Коношевский переждал:
— Полная неожиданность. Было очень трудно работать.
— Пренеприятнейшая публика,— кивнула жена.

— Хорошо, не передрались.— Коношевский занялся «молнией» своей куртки.— К тому шло. Очень неприятно... Я практикую «Первую лыжню новичка»— кросс. На этот раз все разбрелись кто куда...

— Вы штатный инструктор?— спросил Денисов.
— Оформлен по другой должности.— Он пожал плечами.— Но физическое здоровье на мне! Физическое здоровье в конце концов самое главное, о чем никогда нельзя забывать...

По этой фразе Денисов причислил его к в общем-то невредной многочисленной категории, кто запросто обращается с такими глобальными понятиями, как «главное», «навсегда», «никогда».

— Сможем мы установить всех, кто ехал в вагоне?— спросил он.
— Думаю, да. Путевки льготные. Если кто-то передал другому, все равно должен знать, кому.

— Людей было много?
— Тридцать пять.
— А молодежи?
— Человек шестнадцать.

— В трех купе,— подсказала жена.— В крайнем, напротив нас, и еще в двух.
— Несколько компаний?
— В каждом своя. Собственно, вагон не купейный, никаких дверей. Просто я так называю— купе.

— А где вы сидели?— спросила ККК.
— На боковых, в начале вагона...

Кира поймала ее взгляд на лежавших на столе сигаретах, потянулась за зажигалкой.

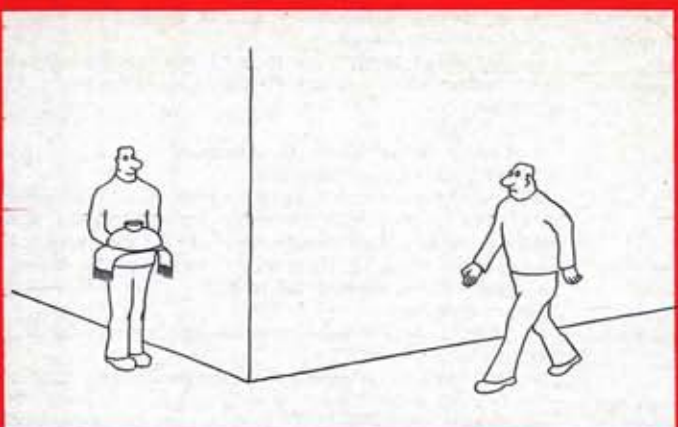
— Спасибо,— сказала Коношевская, прикуривая.
— Девушек много было?— спросила ее ККК.
— В первом купе? Трое или четверо. И пять или шесть парней.

— Имена знаете?
— Оля, Роза...
— У нее было украшение в виде лезвия?

— Да, я обратила внимание: девичья шея и лезвие. А в общем, в ней есть...— Коношевская поискала в воздухе пальцами.— Шарм. Была еще Лена...
— А мальчишки?— спросила ККК.
— Слава, Женя...

— Дима?
— Веснушчатый...
Дверь открылась, вошел Антон, поздоровался, присел на подоконник.

Продолжение следует.

Рисунки Андрея ДМИТРИЕВА

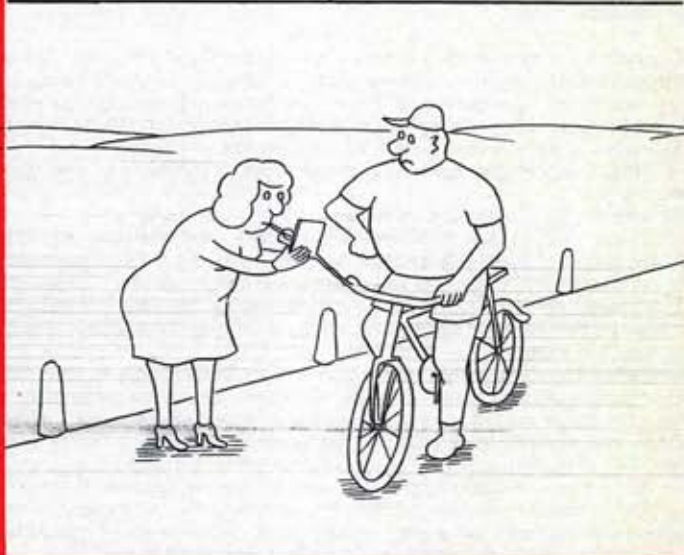
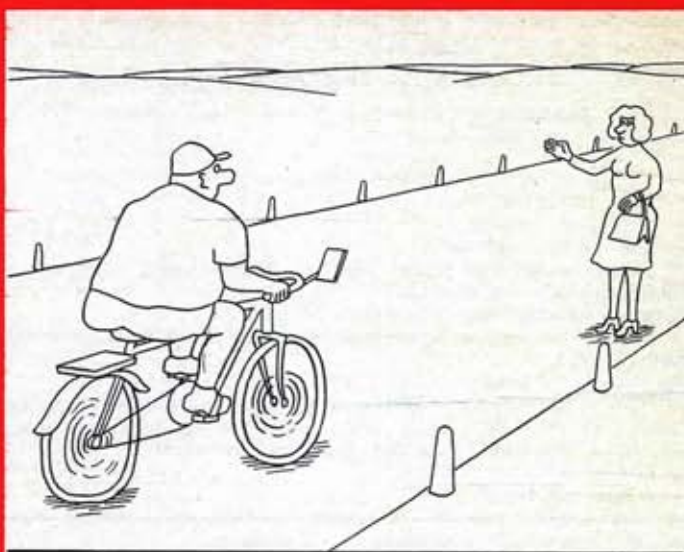

Рисунок ЮНАКА

Рисунок Владимира ДРУЖИНИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

21 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
СМЕНИ

(Начало см. в №№ 5, 6, 8 и 9 журнала).

ПЯТЫЙ ТУР

Обратный мат в шесть ходов.

II
Белые — Kph4, Cf1, пп. a4, c4, f3.
Черные — Kpd1, Cd2, Ch1, пп. b4, c2, c5, e2, f4, g2.

Кооперативный мат в четыре хода.

III

Белые — Kph5, Фа5, пп. a7, b6, g6, h7.
Черные — Kpb7, Фс1, Лд8, Сб8, Cd3, Кg8, Kh6, пп. c7, g5, g7.
Ход белых. Оцените шансы противников.

IV

Белые — Kph1, Фb2, Ла1, Лс6, Cf2, Kb5, пп. a3, d4, f3, g2, h2.
Черные — Kpg8, Фd3, Ла4, Ла8, Се6, Кd5, пп. b6, f7, g7, h6.
Ход белых. Как, по вашему мнению, должна закончиться игра при лучших действиях обеих сторон?

V

Ход черных. Что вы можете им посоветовать для продолжения схватки?

VI

1. e4 e5 2. Kf3-Kc6 3. Сb5-e6 4. Са4 Кf6 5. 0-0 Се7 6. Ле1 b5 7. Сb3 0-0 8. c3 d6 9. h3 Ка5 10. Сс2 с5 11. d4 Фс7 12. Кbd2 cd 13. cd Сb7 14. d5 Лfс8 15. Cd3 Кd7 16. Kf1 Кс5

17. Ке3 К:d3 18. Ф:d3 Кс4 19. Кf5 Cf8 20. b3 Кb6 21. Cd2 Кd7 22. Кg5 h6 23. Kf3 Kph7 24. K3h4 Фс2 25. Фе3 Кс5 26. Сb4 g6 27. Фf3 К:e4 28. Л:e4 С:d5 29. Лае1 Лс6 30. Кg3 Се7 31. Лd1 Се6 32. Леe1 Лсc8 33. Лd2 Фс7 34. Khf5 gf 35. К:f5 Сg5 36. Л:d6 Сf4 37. Л:e6 fe 38. Ке7 Лf8 39. Фе4+ Kpg7 40. Фg6+ Kph8 41. Ф:e6 Kph7 42. Фg6+ Kph8 43. Cd6 Фс3 44. С:e5+. Черные сдались.

За правильный ответ на каждое из первых пяти заданий заключительного тура присуждается по 4 балла. Почтовые открытки с решениями отправляются в адрес редакции не позднее 30 июня. Краткий комментарий к шахматной партии (максимальная оценка по этому заданию — 10 баллов), аккуратно написанный на 1—2 листах белой бумаги, вкладывается в конверт и посылается нам до 10 июля (по почтовому штемпелю).

Жюри напоминает о необходимости четко проставлять адреса «Смены» и читателя, а также олимпиадный регистрационный номер. В случае, если кто-либо из участников обнаружит побочное решение, нерешаемость и т. п., то по такому заданию ему будет засчитано количество очков, предусмотренное на случай верного ответа. Например, каждый, кто указал на ошибку в 3-й позиции второго тура (белый слон стоит на поле «f8»), получил 4 балла.

АТАКУЮТ ЧЕМПИОНЫ СТОЛИЦЫ

В обстановке интересной, оживленной борьбы прошли женский и мужской шахматные чемпионаты Москвы 1979 года. С подъемом, творчески, содержательно играли победители обоих турниров, обладатели золотых медалей молодые

мастера Людмила Зайцева и Карен Григорян. Думается, что читателям «Смены» понравятся яркие примеры игрового почерка новых чемпионов столицы.

Этот обоюдоострый миттельшпиль сложился после 21-го хода черных в партии Л. Зайцевой (у нее были белые фигуры) с гроссмейстером Еленой Фаталибековой. Белые не стали тратить времени на отступление ладьи, атакованной неприятельским слоном, а немедленно развернули наступательные действия на королевском фланге.

22. Cf2—h4! d4—d3 23. Ch4—f6!
Белые хотят как можно скорее обрушиться на пункт «h7», обороняемый лишь только королем. Черные пытаются защититься ценою коня, однако сдержать натиск соперницы им не удается.

23. ...Kg7—f5 24. g4:f5 Сe7:f6 25. e5:f6 Лf8:f6 26. Сс2—d1 e6:f5 27. Kf3—e5 c5—c4 28. Cd1—f3 Фе8—d8 29. Фh6—g5 Kph8—g7 30. Фg5—g2 b7—b6 31. a2—a4!
У слона черных не оказывается ни одного удовлетворительного пристанища, и они несут невосполнимые материальные потери.

31. ...Cb5—a6 32. Ке5—с6 Фd8—с7 33. Кс6—b4! b6—b5 34.

Кb4:a6 Лf6:a6 35. Cf3—b7, и вскоре черные сдались.

К такой позиции пришел после 20-го хода черных поединок К. Григоряна (и он играл белыми) с мастером Олегом Моисеевым. Неожиданным отскоком коня белые добиваются резко ослабления подступов к королю партнера.

21. Ке5—с6! Фе7—d7 22. Ке4:f6+ g7:f6 23. d4—d5 Cd6:f4 24. Сb2:f6 Фd7—d6 25. Cf6—a1 e6:d5 26. c4:d5 Ле8—e3 27. Фf3—h5 Лс8—e8 28. Кс6—d4!

Переброской коня с одного фланга на другой и продвижением центральной проходной пешки белые создают опаснейшие угрозы. Черные их отражают, но при этом вынуждены отдать качество, в результате чего получают безрадостный эндшпиль.

28. ...Ле3—e4 29. Кd4—f5 Фd6—d7 30. d5—d6! Ле8—e6 31. Фh5—f3 b6—b5 32. g2—g3 Cf4—g5 33. Кf5—e7+! Ле6:e7 34. d6:e7 Фd7:e7 35. Фf3—f5 Ле4—e2 36. Лd1—d7 Фе7—e8 37. Фf5:f7+ Фе8:f7 38. Лd7:f7! Сg7—h6 39. Лf7:a7 b5—b4 40. h2—h4! Ch6—f8 41. h4—h5 Кg6—e5 42. Са1:e5 Ле2:e5 43. Ла7—a8, и черные, видя, что они остаются без ладьи, капитулировали.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.04.79. Подписано к печати 18.04.79. А-01043. Формат 70 x 108 7/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1040. Заказ № 491. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

ТОЛЬКО ТЕБЕ

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Было.
Я от этого слова бегу
И никак убежать не могу.
Было.
Опустевшую песню свою
Я тебе на прощанье пою.
Было.
Упрекать я тебя не хочу,
Не заплачу и не закричу!..
Было!
Не заплачу и не закричу!..
Ладно.
Пронеслось, прошумело, прошло.
И земля не вздохнет тяжело.
Ладно.
Не завянет ольха у воды,
Не растают полярные льды.
Ладно.
Не обрушится с неба звезда,
И не встретимся мы никогда!
Ладно!
Пусть не встретимся мы никогда!

Припев:
Никогда тебя мне не забыть!
И пока живу на свете я,
Не забыть тебя, не разлюбить!

Ты—судьба,
Судьба и жизнь моя!
Снова,
Не страшась молчаливых дорог,
Я однажды шагну за порог.
Снова
Я как будто по тонкому льду
В затаенную память приду.
Снова
Над бескрайней землей с утра
Зашумят и закружат ветра.
Снова
Над землей закружат ветра!
Слышишь?
Я когда-нибудь встречу любовь,
Обязательно встречу любовь!
Слышишь?
Половодьем подступит она,
Будто утро, наступит она!
Слышишь?
И от счастья смеюсь и люблю,
В этот миг я забуду тебя!
Слышишь?
В этот миг я забуду тебя!

Припев.

КРОССВОРД

Составила Т. КОСТРОМИНА,
Кемерово

По горизонтали:

5. Наиболее яркая звезда в созвездии Ориона. 8. Народный художник СССР, академик. 9. Персонаж повести М. Горького «Детство». 13. Зодиакальное созвездие. 14. Врач. 15. Молодой спортсмен, участник соревнований определенной возрастной группы. 18. Бурая жидкость, применяемая в медицине. 19. Наиболее деятельная часть общественной организации. 21. Высшее достижение в труде, спорте. 22. Советский композитор. 25. Река в Западной Грузии. 26. Зверек семейства куньих. 27. Соль уксусной кислоты. 28. Роман Т. Драйзера. 29. Смычковый инструмент. 32. Начало реки, ручья. 35. Хищник семейства кошачьих. 36. Один из героев трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 37. Второстепенный член предложения.

По вертикали:

1. Разновидность ивы. 2. Пассажирская платформа железнодорожной станции. 3. Чертежная линейка. 4. Песня на слова А. С. Пушкина. 6. Традиционный персонаж итальянской комедии масок. 7. Раздел кибернетики. 10. Немецкий писатель. 11. Автор повести «Бедные люди». 12. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 16. Азбука. 17. Опера Г. Майборды. 19. Один из героев «Илиады». 20. Пушиный зверек. 23. Искусственный повар. 24. Английский поэт и драматург XVI—XVII веков. 30. Слесарный инструмент, применяемый для разметки заготовок, подлежащих обработке. 31. Кормовое бобовое растение. 33. Повесть А. П. Чехова. 34. Химический элемент, газ.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9**

По горизонтали:

4. Лермонтов. 5. Турман. 7. Коттон. 9. «Алеко». 12. Амур. 14. Севастополь. 15. Румб. 17. Колесо. 19. Сидней. 21. Натуралист. 22. Возвышение. 24. Стадия. 26. Титова. 28. Лавр. 29. Знаменатель. 30. Адан. 31. Нассо. 32. «Витязь». 34. Декрет. 36. Ивашкевич.

По вертикали:

1. Шлем. 2. Корректурка. 3. Свет. 5. Туррик. 6. Нагано. 7. Корпус. 8. Натрий. 10. Перекладина. 11. Следователь. 13. Максаква. 16. Мартиника. 18. Обрат. 20. Ершов. 23. Гимнастика. 24. Сурков. 25. Ячмень. 26. Тетрод. 27. Апатит. 33. Ялик. 35. Кача.

Альберт Мурзагулов, любовно изображая природу, ярких красок не приемлет. И сознательно, как он сам подчеркивает, портреты не пишет, людьми картины свои населяет редко, как будто бы неохотно. Его творчество явно тяготеет к неспешному диалогу с природой. И люди — в неспешных раздумьях, в глубоко единении с природой. И тем не менее, обращаясь к личности Мурзагулова, невольно проникаешься ожидани-

ПАСТУХ.

ем образов современника на его полотнах — ярких, динамичных. Потому, что неутомим путь Альберта по родной стране, неисчислимы встречи с ее людьми.

Мастер спорта по туризму, Мурзагулов прошагал с рюкзаком более 10 тысяч километров: взбирался на хребты Тянь-Шаня, прыгал через трещины ледников Кавказа, прочувствовал упрямую недоступность джунглей Уссурийской тайги — да и не счесть маршрутов. Художник Мурзагулов запечатлел эти маршруты на полотнах, и не только их. Он подолгу жил на Дальнем Востоке,

Алтае, в Якутии, чтобы накопить «главную краску», как говорит Альберт, — глубокое, не быстротечно обретенное чувство к людям, к полюбившемуся краю. Так рождались серии — вот, например, «Охотские мотивы» — мы предлагаем вниманию читателей некоторые работы из нее.

Художник отдает встречам с природой тонкое свое чувство цветовой гаммы, мягкость мазка, оригинальность, присущую его образному мышлению и композиционному творчеству. А главное — стремится воплотить в образах то очарование души, что принесли ему пути-дороги, встречи, споры, радость работы среди людей, вместе с ними. И потому в величавом спокойствии изображаемой художником природы, за приглушенностью красок чувствуется не покой отдохновения, а неутомимый

ЧУВСТВО ПУТИ

УЖИН.

ритм работы, что диктуют люди сильных характеров, с которыми свели Мурзагулова его маршруты.

За пять лет, прошедших после окончания художественно-графического факультета Московского пединститута, выставки молодого художника с успехом экспонировались в Вильнюсе, Москве, Уфе, Стерлитамаке и Охотске. И что интересно, каждому из городов, дававшему возможность общения с аудиторией, Мурзагулов не просто отдавал дань благодарности несколькими сюжетами — каждому из них посвящены большие серии работ художника. Самая же представительная — родной Башкирии. В ней краски ярче, чем обычно свойственно творчеству Мурзагулова, — настолько ярко настоящее его родной земли в сравнении с тусклым, невыразительным прошлым.

...Да, полотна Альберта Мурзагулова редко населены людьми. Но обостренное чувство пройденных путей-дорог он сумел образно воплотить благодаря встречам с современником. И для него.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР.

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕВЕРЕ.

НАЧАЛО РЕКИ ОХОТЫ.

Андрей КОМАРОВ

